

П. А. НИВÉ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ВОЙНА

**КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
В. К. ИЛЬИНЧИКА
САНКТПЕТЕРБУРГЪ**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА, ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВЪ.
1911.

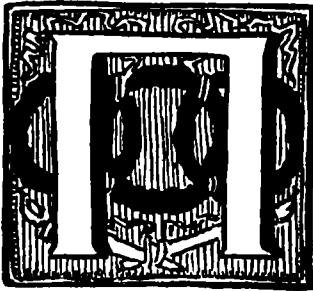
18 12 ГОДЪ

19 12 ГОДЪ

Отъ составителя.

риближающеея столѣтіе избавленія нашей родины отъ нашествія „двадцати языкъ“, во главѣ съ величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ и народовъ, Императоромъ французъ Наполеономъ, уже начинаетъ привлекать вниманіе лучшихъ сыновъ Русской земли. Какъ одинъ человекъ, встали тогда русскіе люди на ея защиту, сплотясь вокругъ своего Государя, и надолго прославила эта година наше отечество, нашу славную армію и весь русскій народъ по всему міру.

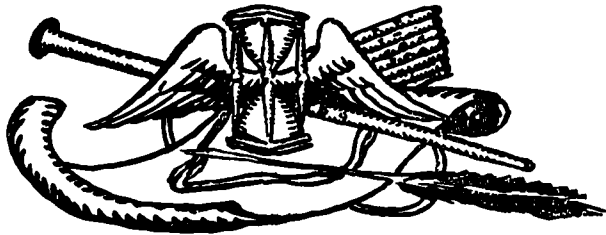
Наше военное искусство въ ту пору, живя завѣтами славныхъ дѣяній Великаго Основателя Русской Арміи и ея золотого вѣка временъ Великой Екатерины, давшаго намъ цѣлую плеяду великихъ полководцевъ съ непод-

ражаемымъ Суворовымъ во главѣ, стояло еще на такой ступени, что мы могли быть достойными соперниками французовъ, побѣдителей всей тогдашней Европы. А сила русскаго народнаго духа, доведеннаго до наивысшей степени напряженія, совершенно сокрушила ихъ мощь...

Въ ряду способовъ достойно ознаменовать славную вѣковую годовщину, до сихъ поръ живущую въ памяти народной, нельзя упустить возможность дать каждому образованному русскому, отчетливо и общепонятно, ознакомиться съ ходомъ Отечественной войны, не отступая отъ руководящихъ началъ военной науки.

Эту цѣль преслѣдуетъ настоящее изданіе. Не стремясь къ раскрытію новыхъ фактовъ и истинъ, оно лишь объединяетъ извѣстное, стараясь дать полную картину военно-историческихъ событій „священной памяти двѣнадцатаго года“.

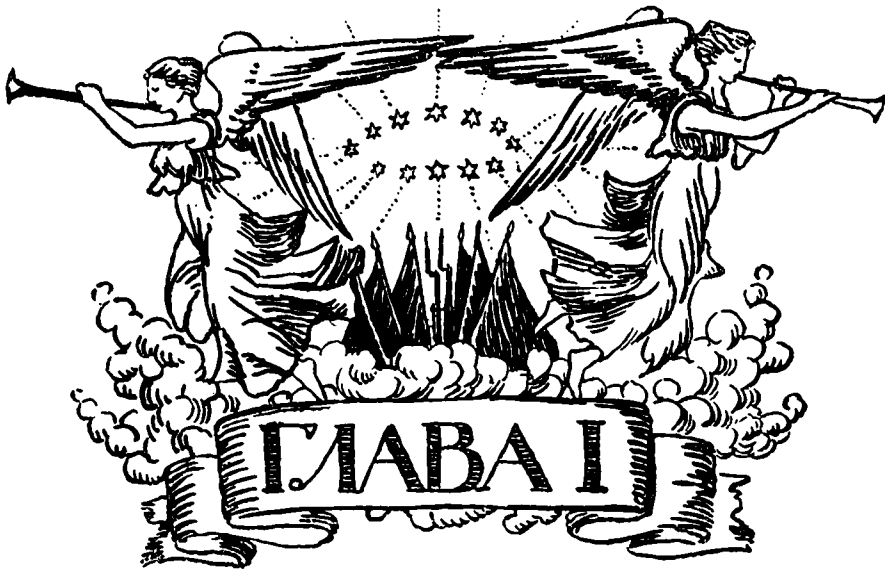
Будемъ надѣяться, что въ этихъ событіяхъ намъ откроется животворный источникъ новой духовной мощи для не менѣ славнаго будущаго....

Императоръ Александръ I.

Съ гравюры Гудлета и Моррисона, съ портр. Крюгера.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА, ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ КЪ ВОЙНЪ.

Тильзитскій миръ и союзныя отношенія Франціи съ Россіей послѣ 1807 года. Причины охлажденія между союзниками. Начало враждебныхъ отношеній и приступъ обѣихъ сторонъ къ вооруженіямъ. Положеніе дѣлъ въ началѣ 1811 года. Отношенія сторонъ къ другимъ державамъ Европы. Послѣдніе переговоры 1812 г. и русскій ультиматумъ. Сношенія передъ самымъ разрывомъ.

сновною причиною Отечественной войны является соперничество Наполеона съ Россіей, единственнымъ въ сущности государствомъ на материкѣ Европы, котораго ему не удалось сломить и подчинить своей волѣ. Съ другой стороны и Россія, сознавая свою природную мощь, начала тяготиться союзными отношеніями съ Франціей, разъ эти отношенія стали требовать отъ нея такихъ стѣсненій, которыя, не приличествуя ея достоинству, какъ одной изъ могущественнѣйшихъ державъ міра, въ то же время явно нарушали ея прямыя выгоды.

Тильзитскій миръ завершилъ собою въ 1807 году упорную, почти трехлѣтнюю борьбу нашу съ Франціей, которую мы вели

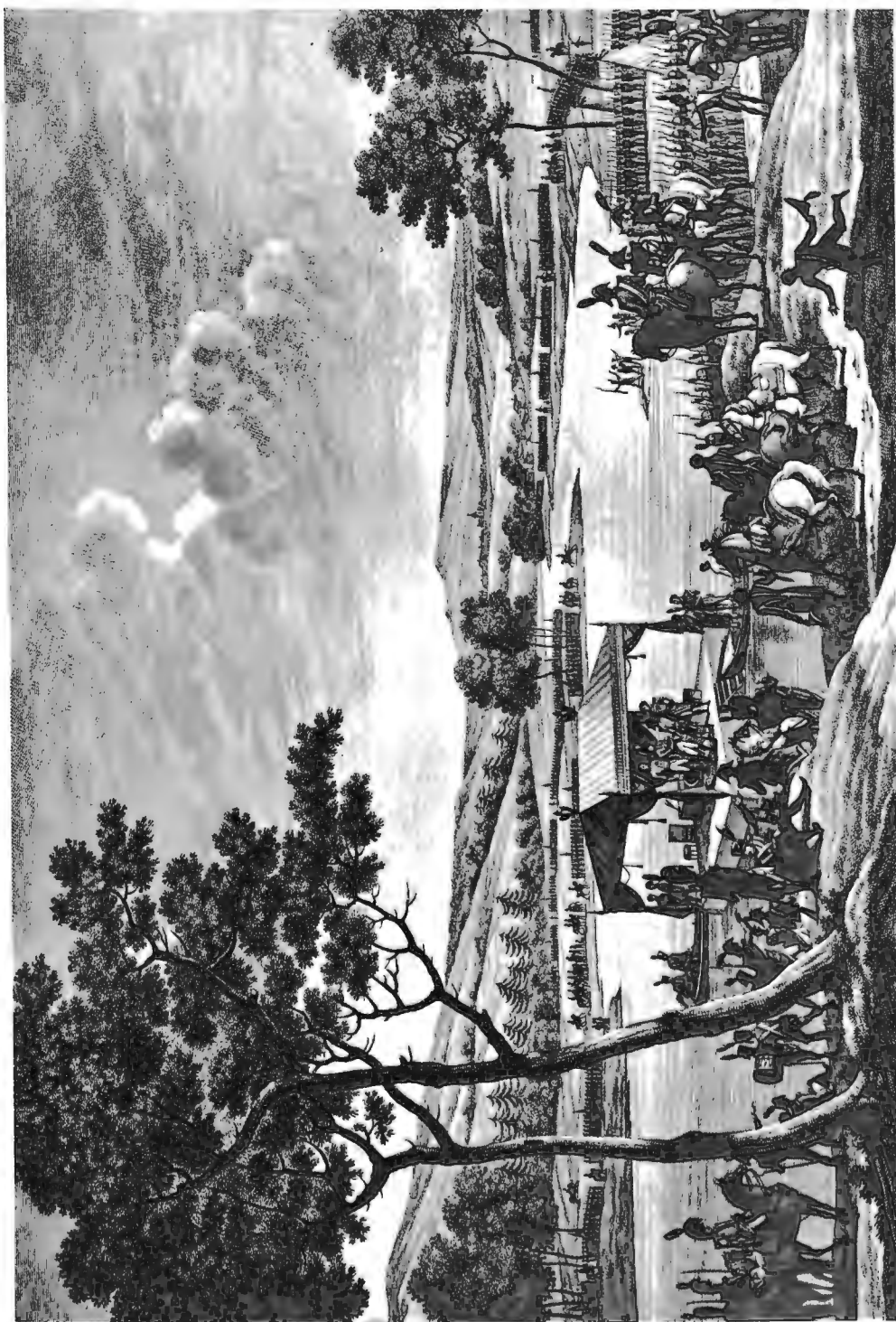
сперва въ союзѣ съ Австріей, а потомъ съ Пруссіей. Во время пресловутаго свиданія на Нѣманскомъ плоту оба могущественнѣйшихъ государя Европы, повидимому, искренно протянули другъ другу руку примиренія и, обмѣнявшись заявленіями взаимной симпатіи, разрѣшили цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ, свидѣтельствуя тѣмъ о прочности заключеннаго союза. Но не прошло и четырехъ лѣтъ со времени блестящаго Эрфуртскаго свиданія союзниковъ въ слѣдующемъ 1808 году, какъ Наполеонъ, во главѣ почти полумилліонной, небывалой по тому времени, арміи, перешелъ съ оружіемъ въ рукахъ тотъ самый Нѣманъ, на берегахъ котораго подписывался Тильзитскій договоръ.

Первоначальныя причины постепеннаго охладженія между Россіей и Франціей, приведшаго въ концѣ концовъ къ полному разрыву, надо прежде всего искать въ самыхъ условіяхъ названнаго договора и тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдовались при этомъ обѣими договаривающимися сторонами. Важнѣйшими статьями мирнаго трактата въ Тильзитѣ предусматривалось: а) образованіе изъ владѣній, отобранныхъ отъ Пруссіи на лѣвомъ берегу р. Эльбы, Вестфальскаго королевства; б) образованіе изъ Польскихъ земель, доставшихся той-же Пруссіи по раздѣламъ, герцогства Варшавскаго; в) обязательство Россіи и Франціи взаимно помогать другъ другу въ войнахъ какъ сухопутными войсками, такъ и флотами, и г) совмѣстное воздѣйствіе на Австрію, Швецію, Данію и Португалію, дабы добиться отъ этихъ государствъ полного и безусловнаго принятія изобрѣтенной Наполеономъ для раззоренія Англіи континентальной системы *), т. е. закрытія названными государствами своихъ портовъ для англичанъ.

Наполеонъ добивался при этомъ полного ослабленія Пруссіи, сосредоточенія въ своихъ рукахъ полномостія на континентѣ и нанесенія возможно большаго вреда своему непримиримому врагу Англіи. Россіи Тильзитскій трактатъ принесъ также извѣстныя выгоды; онъ предоставилъ ей свободу дѣйствій въ войнѣ съ Турціей (начавшейся еще въ 1806 г.), увеличилъ ея владѣнія присоединеніемъ на Западѣ Бѣлостокской области, а затѣмъ позволилъ, въ послѣдующей войнѣ со Швеціей (1808—09 г.г.) — пріобрѣсти Финляндію. Тѣмъ не менѣе для Россіи этотъ миръ былъ вынуж-

*) О ней подробнѣе сказано ниже.

Свиданіе двухъ Императоровъ 25 іюня 1807 г.
Гравюра Куше, съ карт. Свебахъ.

жденнымъ; онъ явился прямымъ результатомъ пораженія нашихъ войскъ Наполеономъ при Фридландѣ (въ іюнь 1807 г.), и чувство народной нашей гордости было унижено сознаниемъ необходимости рѣзко мѣнять русло своей политики по указкѣ Наполеона. Вотъ, между прочимъ, причина, почему лишь сравнительно немногіе, болѣе дальновидные современники оцѣнили какъ должно важное для Россіи значеніе результатовъ войны 1808—09 г.г. со Швеціей, довершившей завѣтъ Великаго Основателя Петербурга и доставившей этой столицѣ болѣе надежное и безопасное положеніе. Большинство русскаго образованнаго общества того времени, наоборотъ, не сочувствовало этой войнѣ, считая ее результатомъ союза съ недавнимъ противникомъ, французскимъ Императоромъ.

Вполнѣ ясно, что ни со стороны Россіи, ни со стороны Франціи, не было полной искренности при заключеніи въ 1807 году мира; обѣ стороны преслѣдовали свои личныя цѣли, таили заднія мысли и, до поры до времени, скрывали взаимное недовѣріе.

Признаки непрочности русско-французскаго союза проявляются уже послѣ Эрфурта. Война 1809 года между Франціей и Австріей, согласно условій союзнаго договора, требовала выставленія нами, въ помощь Наполеону, вспомогательнаго корпуса, точно такъ же, какъ и онъ оказывалъ намъ нѣкоторое содѣйствіе въ войнѣ со Швеціей, держа свои войска въ Даніи и тѣмъ приковывая часть шведскихъ силъ къ южнымъ провинціямъ государства.

Въ Россіи относились несочувственно къ необходимости дѣйствовать вооруженною рукою противъ недавняго своего союзника, и поддержка Наполеону въ 1809 г. была оказана, собственно, только для вида. Конечно, это не укрылось отъ вниманія французскаго Императора, и онъ не замедлилъ намъ отплатить за это при заключеніи съ австрійцами Вѣнскаго мира, давъ Россіи самое ничтожное приращеніе за счетъ Галиціи, а половину польскихъ земель, отошедшихъ къ Австріи по раздѣламъ, присоединивъ къ герцогству Варшавскому. Такое усиленіе послѣдняго, въ связи съ упорными слухами о намѣреніяхъ Наполеона возстановить Польское королевство, встревожило Россію и возбудило въ Императорѣ Александрѣ серьезное недовѣріе къ политикѣ своего союзника. Попытка нашего Государя получить отъ Наполеона письменное обѣщаніе въ томъ, что Польша никогда не будетъ возстановлена, послѣ продолжительныхъ переговоровъ,

ничѣмъ не кончилась и только укоренила въ Императорѣ Александрѣ убѣжденіе, что такое намѣреніе Наполеономъ дѣйстви-тельно затаено.

Случившееся одновременно другое событіе еще усилило охлажденіе между союзниками. Желая упрочить за своей династіей престолъ и породниться съ кѣмъ-либо изъ лучшихъ царствующихъ домовъ Европы, Наполеонъ разводится со своей женой, Императрицей Жозефиной, и первоначально намѣчаетъ себѣ въ супруги сестру Императора Александра, великую княжну Анну Павловну. Французскому послу въ Петербургѣ Коленкуру поручено хитро и осторожно ощупать почву и выяснить воззрѣнія на такое дѣло Русскаго Двора. Однако, уклончивый характеръ отвѣтовъ Императора Александра убѣдилъ Наполеона въ неуспѣхѣ его замысла и, не желая подвергаться униженію отказа, онъ, въ раздраженіи, обратился къ Австріи и уже безъ всякихъ стѣсненій, потребовалъ отвѣта въ 24 часа. Донесеніе Коленкура объ отказѣ Русскаго Двора пришло въ Парижъ, когда уже о бракѣ Наполеона съ Эрцгерцогиней Маріей-Луизой состоялось официальное объявленіе....

Еще въ мартѣ 1810 года французскій министръ внѣшнихъ сношеній Шампаньи доказывалъ въ своемъ докладѣ Наполеону, что союзъ съ Россіей непрочень и близится къ концу. Содержаніе этого документа сдѣлалось извѣстнымъ въ концѣ того же года Императору Александру и, въ сущности, съ этого времени, обѣ стороны, сохраняя по внѣшности пріязненныя отношенія, втайнѣ готовятся къ разрыву и къ вооруженной борьбѣ.

Если лично для Наполеона нежеланіе Императора Александра имѣть его своимъ зятемъ было обиднымъ, то для него, какъ для политика, самымъ болѣзненнымъ ударомъ было обнаруженное имъ уклоненіе Россіи отъ соблюденія континентальной системы. Идея этой системы возникла еще до Наполеона. Не имѣя достаточно сильнаго флота, чтобы бороться съ Англіей на моряхъ, и чувствуя, что она является душою всѣхъ коалицій противъ Франціи—ибо питаетъ ихъ деньгами,—французское республиканское правительство еще въ 1795 году задумало раззорить Англію, закрывъ для нея всѣ рынки на материкѣ Европы. Въ рукахъ Наполеона эта идея пышно расцвѣла. Занявъ въ 1806 г. Берлинъ и владѣя морскимъ побережьемъ отъ Неаполя до Данцига, онъ издалъ свой преспо-

Великая Княгиня Анна Павловна.

(Съ гравированнаго портрета Меку).

вутый декретъ о „континентальной блокадѣ“, по которому всѣ гавани Европейскаго материка должны были быть закрыты для англійскихъ судовъ, а произведенія Великобританіи или ея колоній объявлены подлежащими конфискаціи; впослѣдствіи, въ 1807 году дѣйствіе этой мѣры было распространено и на суда нейтральныхъ государствъ, разъ только будетъ заподозрѣно что грузъ—англійскаго происхожденія. Наполеонъ ожидалъ послѣдствій примѣненія континентальной системы со страстнымъ нетерпѣніемъ, рассчитывая нанести этимъ смертельный ударъ заклятому своему врагу и притомъ—въ самое больное мѣсто.

Уже осенью 1810 года на англійскомъ торговомъ рынкѣ стали обнаруживаться зловѣщіе признаки; наиболѣе крѣпкія и внушающія довѣріе фирмы начали банкротиться.... Легко понять, сколь велико было въ этотъ именно моментъ раздраженіе Императора французовъ при вѣсти о томъ, что до 600 судовъ подъ флагами различныхъ націй, не будучи въ состояніи сдать свои грузы въ портахъ материка Западной Европы, проникли въ Балтійское море. Немедленно обратился тогда Наполеонъ къ нашему правительству, требуя, чтобы либо наши порты были заперты для этихъ судовъ, либо ввезенные на нихъ товары конфискованы.... Однако, для Россіи столь придирчивое отношеніе къ континентальной системѣ было равносильно почти полному прекращенію ввоза; поэтому русское правительство признало возможнымъ для себя руководствоваться въ точности постановленіями Тильзитскаго договора, т. е. не допускать въ свои гавани англійскихъ кораблей; что же касается судовъ нейтральныхъ, то дѣлать это лишь тогда, когда будетъ доказано, что товары на нихъ—англійскіе. Такой отвѣтъ убѣдилъ Наполеона въ томъ, что ему нечего рассчитывать въ полной мѣрѣ на помощь своего союзника въ задуманномъ имъ дѣлѣ уничтоженія Англій. Союзъ съ Россіей не давалъ ему, слѣдовательно, ручательства въ достиженіи главной, издавна лелѣянной цѣли. Это было въ концѣ 1810 года и съ этой поры Наполеонъ въ глубинѣ души своей окончательно рѣшилъ, что союзъ съ Россіей утратилъ для него всякое значеніе.

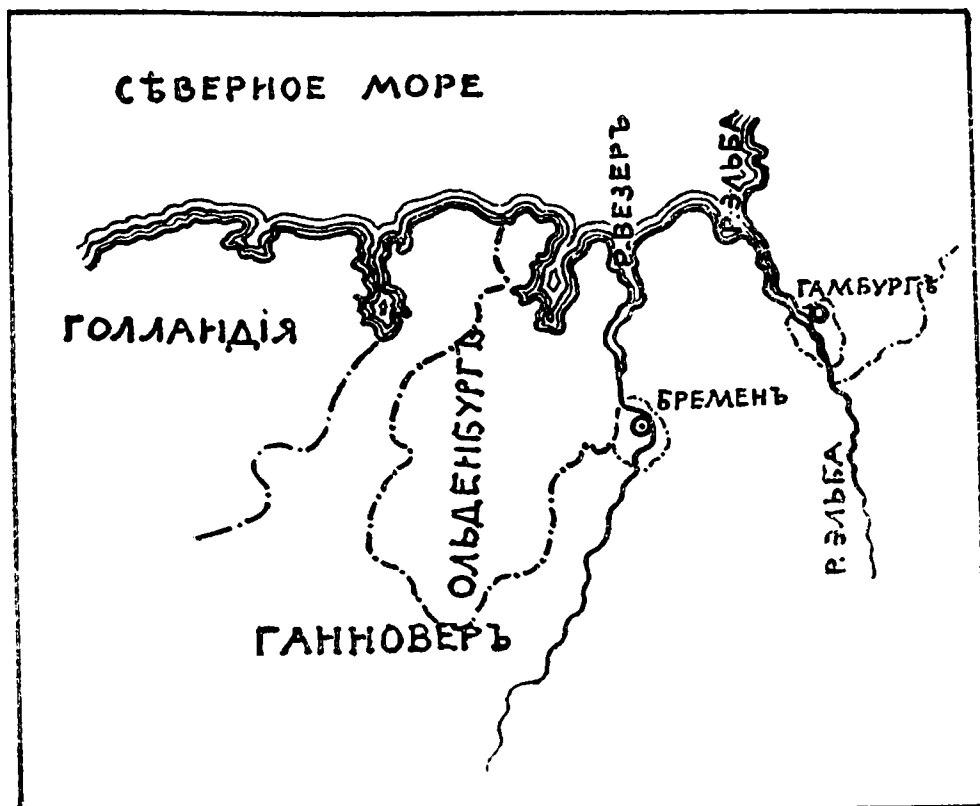
Но если въ это время обѣ стороны, взаимно тяготясь другъ другомъ, еще не нарушили явно своихъ обязательствъ, то съ началомъ слѣдующаго 1811 года, и Россія, и Франція—обѣ почти

одновременно совершили крупныя отступленія отъ условій, заключенныхъ ими въ Тильзитъ.

Стараясь сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ земли Европы, главнымъ образомъ—лежащія на сѣверномъ ея побережьѣ,—все въ тѣхъ-же цѣляхъ возможно безпрепятственнѣе вредить Англїи—Наполеонъ прибѣгъ къ цѣлому ряду насильственныхъ захватовъ.

Напримѣръ, въ іюль 1810 года присоединена была къ французскимъ владѣніямъ Голландія, въ декабрь—земли Ганзейскихъ городовъ. Послѣднее обстоятельство влекло за собою, въ цѣляхъ установленія непрерывной территорїи, включеніе въ ея составъ и нѣкоторыхъ германскихъ второстепенныхъ государствъ, въ томъ числѣ Ольденбургскаго герцогства. Но тогдашній герцогъ Ольденбургскій приходился роднымъ дядей русскаго Императора. Сперва Наполеонъ, какъ бы желая избѣжать неудовольствїя со стороны Александра Павловича, предлагалъ герцогу либо согласиться на введеніе у себя французскихъ таможенъ, либо обмѣнять свои владѣнія на Эрфуртъ. Послѣднее равносильно было сокращенію вшестеро территорїи и втрое населенія, не говоря уже о томъ, что Ольденбургскій герцогъ и не помышлялъ о возможности для себя отказа отъ наследственныхъ владѣній своего рода. Поэтому онъ отклонилъ предложеніе Наполеона, въ самыхъ, впрочемъ, сдержанныхъ выраженїяхъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ безъ дальнихъ разговоровъ занялъ герцогство своими войсками, а въ январѣ 1811 года, не обращая никакого вниманія на протесты герцога, подписалъ декретъ о присоединенїи Ольденбурга. Въ этомъ насильственномъ дѣйствїи, въ высшей степени оскорбившемъ и раздражившемъ нашего Государя, заключалось, кромѣ того, прямое нарушеніе Тильзитскаго договора, по которому обезпечивалась неприкосновенность владѣній нѣкоторыхъ германскихъ князей, въ томъ числѣ и Ольденбургскаго герцога.

Извѣстіе о присоединенїи Ольденбурга не могло быть Россїей оставлено безъ протеста. Онъ былъ составленъ сдержанно, но твердо и предъявленъ нашимъ парижскимъ посломъ кн. Куракинымъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ. Почти одновременно, въ декабрь 1810 года, у насъ состоялось измѣненіе пошлинъ на иностранныя товары, весьма для французовъ невыгодное. Положимъ, сдѣлано это было по необходимости, чтобы поднять нашъ курсъ, сокративъ нѣсколько ввозъ изъ заграницы предметовъ

роскоши... Но все-таки получалась у насъ съ Франціей, какъ говорится, таможенная война, и можно было съ полнымъ на то основаніемъ считать это нарушеніемъ Тильзитскаго трактата, который предоставлялъ у насъ Франціи значительныя торговыя льготы.

Первоначально Наполеонъ понялъ эту мѣру, закрывавшую русскій рынокъ французскимъ издѣліямъ, какъ отместку съ нашей стороны за проявленное имъ въ отношеніи Ольденбурга безцеремонное самовластіе. Онъ приказалъ точнѣйшимъ образомъ установить и доложить ему даты изданія указа и полученія въ Петербургѣ постановленія французскаго сената о присоединеніи германскихъ областей. Представленный ему расчетъ неопровержимо доказалъ, что принятая Россіей враждебная таможенная мѣра возникла самостоятельно. Наполеонъ рѣшаетъ тогда, что союзъ съ Россіей фактически расторгнутъ, что вмѣсто союзника—у него опасный врагъ, который, какъ подтверждалъ цѣлый рядъ слуховъ

и свѣдѣній, уже готовитъ втайнѣ оружіе. И вотъ, послѣ трехъ бессонныхъ ночей Наполеонъ въ свою очередь рѣшаетъ безотлагательно приступить къ вооруженіямъ, ассигнуетъ на это 100 милліоновъ франковъ и предрѣшаетъ будущую наступательную войну съ Россіей...

Подозрѣнія его о нашихъ тайныхъ враждебныхъ замыслахъ были не лишены основаній. Дѣйствительно, Императоръ Александръ, узнавъ о послѣднихъ, упомянутыхъ выше, захватахъ Наполеона и усматривая въ этомъ стремленіе его къ всемірному господству, сталъ серьезно задумываться надъ необходимостью положить предѣлъ столь непомерно-быстрому возрастанію могущества Франціи. Ему показалось соблазнительнымъ немедленно разорвать съ Наполеономъ и воспользоваться благопріятными обстоятельствами для начатія съ нимъ войны. Дѣйствительно, большая часть русскихъ войскъ была въ то время сосредоточена на западной границѣ Россіи; у французовъ-же въ Германіи былъ только одинъ корпусъ Даву; Пруссія, изнемогавшая подъ игомъ Наполеона, конечно, только и ждала случая освободиться отъ него; точно также и мелкія германскія государства, не взирая на благодѣянія, оказываемыя имъ Наполеономъ, втайнѣ жаждали сбросить съ себя его власть. Если-бы намъ удалось, внезапно для Наполеона, вторгнуться въ Германію, то тамъ мы уже несомнѣнно встрѣтили-бы не только сочувствіе, но и поддержку.

Однако, такой планъ не могъ имѣть никакихъ шансовъ на успѣхъ безъ увѣренности въ томъ, чью сторону примутъ поляки. Имѣя въ тылу и на флангѣ враждебную намъ и союзную Наполеону Польшу, нечего было и думать о вторженіи въ сердце Германіи для ея освобожденія изъ подъ власти французовъ. Поэтому Императоръ Александръ прибѣгъ къ посредничеству своего друга и сотрудника первыхъ годовъ царствованія, князя Адама Чарторижскаго, прося его, подъ покровомъ строгой тайны, выяснить состояніе умовъ въ Польшѣ и въ какой степени можно рассчитывать на присоединеніе къ намъ поляковъ и разрывъ ихъ съ Наполеономъ, если двинуть русскую армію на Варшаву и если онъ, Императоръ Александръ, одновременно объявитъ себя королемъ Польши, провозгласивъ ея возстановленіе? Но сообщенныя Чарторижскимъ свѣдѣнія были такого рода, что вышеуказанный планъ былъ нами оставленъ.

Генералъ Коленкуръ.
(Съ гравированнаго портрета Гапвуда).

Такимъ образомъ, къ началу 1811 года, Россія и Франція, сохраняя по внѣшности дружественныя и даже союзныя отношенія, на самомъ дѣлѣ уже стоятъ на порогѣ открытаго разрыва и приступаютъ, сперва подъ величайшимъ секретомъ, а затѣмъ все болѣе и болѣе открыто, къ направленнымъ другъ противъ друга военнымъ приготовленіямъ (см. главу II-ю).

Искусные дипломатическіе переговоры ведутся обѣими сторонами все это время, вплоть до самой войны, какъ-бы для того только, чтобы выиграть время, нужное для этихъ приготовленій, и чтобы замаскировать ихъ. Между прочимъ, узнавъ объ невыгодномъ для французовъ измѣненіи нашихъ ввозныхъ пошлинъ, Наполеонъ лично писалъ Императору Александру; письмо это, написанное весьма умѣреннымъ тономъ, перечисляло всѣ выгоды для Россіи Тильзитскаго трактата; въ немъ заявлялась готовность дать вознагражденіе Ольденбургскому герцогу; обращалось вниманіе на непріязненность принятой нами таможенной мѣры и т. п. Но въ то же время въ этомъ письмѣ впервые употреблено слово „война“, такъ какъ Наполеонъ въ немъ высказалъ, что возможность соглашенія Россіи съ Англіей была бы равносильна войнѣ между обѣими Имперіями. Въ свою очередь въ Россіи Канцлеръ графъ Румянцовъ, стоявшій во главѣ такъ-называемой „французской партіи“, т. е. лицъ, признававшихъ для Россіи полезнымъ поддерживать союзъ съ Наполеономъ, старался уладить дѣло, предложивъ дать понять Наполеону, что удовлетворить Россію за захватъ Ольденбурга можно было бы отдѣленіемъ ей части герцогства Варшавскаго. Такая комбинація, по мнѣнію Румянцова, достигала одновременно и другой цѣли, ибо ею совершенно устранялся, съ окончательнымъ раздробленіемъ территоріи прежняго Польскаго королевства, вопросъ о возстановленіи Польши.

Въ мартѣ 1811 года, Императоръ Александръ командировалъ въ Парижъ съ своимъ отвѣтнымъ письмомъ флигель-адъютанта полковника Чернышева (впослѣдствіи графъ, генераль-адъютантъ и военный министръ при Императорѣ Николаѣ I). Въ этомъ письмѣ говорилось, что Россія войны не желаетъ, что если послѣдняя произойдетъ, то не иначе, какъ по почину Наполеона; въ вопросѣ-же объ Ольденбургѣ Наполеону предлагалось самому поставить себя на мѣсто русскаго Государя и рѣшить, какое вознагражденіе могло-бы соответствовать интересамъ Россіи. Что-же касается до

придуманной Румянцовымъ комбинаціи относительно Варшавскаго герцогства, то объ этомъ Канцлеръ далъ Чернышеву наставленіе намекнуть только въ крайнемъ случаѣ, и то въ личномъ съ Наполеономъ разговорѣ.

Но этотъ дипломатическій ходъ не удался. Наполеонъ былъ раздраженъ, не найдя въ письмѣ отвѣта на свои предложенія. При приемѣ посланца русскаго Царя онъ настойчиво добивался отъ него категорическаго отвѣта относительно желаній Россіи. Когда-же намекъ о Варшавскомъ герцогствѣ былъ, наконецъ, сдѣланъ Чернышевымъ, Наполеонъ разразился угрозами, страшая Россію, что она можетъ сама потерять не только польскія свои провинціи, но и Крымъ...

Въ маѣ 1811 года прибылъ въ Парижъ только что замѣненный другимъ лицомъ бывшій свыше четырехъ лѣтъ посломъ Франціи въ Петербургѣ Коленкуръ (Caulaincourt), искренній сторонникъ франко-русскаго союза. Наполеонъ его принялъ тотчасъ по пріѣздѣ и далъ ему аудіенцію, продолжавшуюся болѣе семи часовъ. Коленкуръ безбоязненно отстаивалъ передъ своимъ повелителемъ всѣ доводы въ пользу сохраненія мира; онъ доказывалъ, что Россія совершенно не желаетъ разрыва, что ея притязанія, въ сущности основательны; рисовалъ передъ Наполеономъ картину всей огромной трудности веденія вооруженной борьбы съ Россіей и, въ заключеніе, привелъ французскому Императору слѣдующія, сказанныя ему русскимъ Монархомъ, слова: „Побѣда не доставитъ Императору Наполеону мира. Имѣя позади себя достаточно свободнаго „пространства, мы не рискнемъ арміей и сохранимъ ее. Императору „Наполеону необходимы результаты столь-же быстрые, какъ его „мысль. Онъ не достигнетъ ихъ противъ насъ. Я воспользуюсь его „уроками. Нашъ климатъ, наша зима—будутъ нашими союзниками. „Французы храбры, но менѣе выносливы, нежели мы; они скорѣе „падаютъ духомъ. Чудеса совершаются только тамъ, гдѣ Императоръ, „а онъ не можетъ быть вездѣ и притомъ вынужденъ будетъ вернуться „во Францію. Первымъ я не обнажу меча, но въ ножны вложу его „послѣднимъ. Я предпочту удалиться въ Камчатку, нежели сдѣлать „уступки областей или подписать въ занятой столицѣ миръ, который „будетъ только перемиріемъ“.

Наполеонъ съ большимъ вниманіемъ выслушалъ Коленкура и разговоръ этотъ произвелъ на него большое впечатлѣніе; но вза-

Александр Иванович Чернышевъ.

(Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена).

имное недоверіе между обоими государствами зашло уже слишкомъ далеко, чтобы можно было рассчитывать на возвращеніе къ старому.

Въ головѣ Наполеона война уже была въ это время дѣломъ рѣшеннымъ. Въ сущности, переговоры велись только для выигрыша времени, дабы успѣть закончить эти грандіозныя приготовленія, которыя онъ, считаясь съ серьезностью своего противника, на этотъ разъ велъ съ такимъ вниманіемъ и тщаніемъ, какъ никогда прежде. Дабы заручиться возможно большимъ количествомъ силъ, онъ сталъ подбирать себѣ союзниковъ въ лицѣ тѣхъ государствъ Европы, которыя либо находились подъ его могущественнымъ вліяніемъ, либо, какъ онъ думалъ, имѣли причины затаить вражду противъ Россіи.

По договору съ *Австріей* (2 марта 1812 г.) послѣдняя обязалась выставить 30 т. вспомогательный корпусъ. Но *Меттернихъ* одновременно пообѣщаль нашему вѣнскому послу, что корпусъ этотъ будетъ меньшей числительности, не получитъ ни подкрѣпленій, ни укомплектованій и вообще будетъ дѣйствовать уклончиво, примѣрно такъ же, какъ дѣйствовали русскіе противъ Австрійцевъ въ 1809 году. Словомъ, Австрія становилась въ роль союзницы Наполеона скрѣпя сердце, давая намъ одновременно понять, что не перестаетъ оставаться, въ сущности, на сторонѣ Россіи. Что касается *Пруссіи*, то ея нахожденіе между двухъ огней было самымъ опаснымъ; только что разгромленная и обезсиленная Наполеономъ, она, по географическому своему положенію, неминуемо подвергалась привлеченію къ борьбѣ, либо въ качествѣ базы французовъ—въ случаѣ наступленія Наполеона, либо какъ театръ военныхъ дѣйствій—въ случаѣ нашего наступленія. Поэтому, предвидя неминуемость столкновенія и подавляемая увѣренностью въ превосходствѣ силъ и искусствѣ Наполеона, Пруссія первая обратилась къ нему съ просьбою о заключеніи союза. Замедленіе въ полученіи отвѣта, умышленное со стороны Наполеона, дабы возможно дольше скрыть свои намѣренія, повергло Прусское правительство въ величайшее безпокойство. Опасаясь повторенія разгрома, оно стало спѣшно вооружаться, а само обратилось въ Петербургъ; здѣсь его посланный, генераль Шарнгорстъ, подписалъ соглашеніе, по которому, въ случаѣ серьезной опасности со стороны Наполеона, русская армія должна была придвинуться къ рѣкѣ Вислѣ.

Вооруженія Пруссіи заставили Наполеона потребовать отъ нея прервать всѣ эти приготовленія и, затѣмъ, предложить ей союзъ.

Прусскому Королю пришлось подчиниться этимъ требованіямъ, порвать съ Россіей и (въ февраль 1812 г.) подписать соглашеніе съ Франціей, обязавшись выставить 20 т. вспомогательный корпусъ.

Заручившись этими двумя союзниками и имѣя въ своемъ полномъ распоряженіи всѣ мелкія германскія государства, Наполеонъ попытался при помощи дипломатическаго воздѣйствія оказать намъ вредъ въ Турціи и въ Швеціи.

Въ *Турціи*, съ которой мы еще съ 1806 года находились въ войнѣ, его хлопоты направлены были къ тому, чтобы помѣшать заключенію мира, очевидно для того, чтобы оттягивать часть нашихъ силъ. Наполеонъ добивался наступленія турокъ за Дунай и выдѣленія ими 40 т. вспомогательнаго корпуса, преимущественно изъ конницы, дабы составить этимъ противовѣсъ нашимъ казакамъ. За такую помощь Турціи обѣщаны были Молдавія и Валахія, Крымъ и Черноморское побережье, т. е. все то, что одновременно утратила Турція въ борьбѣ съ Россіей. Но Турція не довѣряла Наполеону, который послѣ Тильзитскаго мира оставилъ ее на произволъ судьбы, дабы дать Россіи возможность съ ней покончить; кромѣ того, ослабленная пораженіями и лишенная средствъ къ веденію борьбы, особенно благодаря послѣднимъ искуснымъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ подъ предводительствомъ Кутузова (будущаго Главнокомандующаго Отечественной войны), Турція пала духомъ и сама искала съ нами мира. Онъ и былъ заключенъ въ Бухарестѣ 16 мая 1812 года, и привлеченіе отсюда нашихъ войскъ на театръ борьбы съ Наполеономъ сыграло впослѣдствіи самую рѣшительную роль.

Въ *Швеціи* Наполеону казалось, что ему удастся заручиться ея содѣйствіемъ, соблазнивъ ее возможностью обратнаго возвращенія только что отнятой у нея Россіей Финляндіи; кромѣ того, въ 1810 году наслѣдникомъ шведскаго престола былъ избранъ французскій маршалъ Бернадоттъ, родственникъ семьи Бонапартовъ. Но Бернадоттъ всегда завидовалъ своему болѣе счастливому родичу и былъ недоволенъ имъ за то, что тотъ недостаточно выдвигалъ его.

Хитрый Бернадоттъ началъ подъ сурдину переговоры и съ Франціей, и съ Россіей, какъ только стала назрѣвать возможность между ними войны. Вопросъ былъ для него въ томъ, гдѣ больше можно выиграть. Наполеонъ предлагалъ Финляндію и денегъ; Россія обѣщала Норвегію. Личное нерасположеніе Бернадотта къ Напо-

Князь Александр Борисович Куракинъ.
(Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго).

леону и захватъ французскими войсками Шведской Помераніи склонили вѣсы въ пользу Россіи. По договору съ нами (конецъ марта 1812 г.) Швеція выговорила себѣ Норвегію и вспомогательныя русскія войска для организациі совмѣстной высадки въ Данію съ цѣлью дѣйствій на сообщенія Наполеона.

Итакъ, къ началу войны, изъ пяти государствъ, непосредственно граничившихъ съ Россіей, только одно—герцогство Варшавское, осколокъ прежней Польши, вошло вѣми своими силами въ составъ французской арміи и вѣми средствами своими участвовало въ борьбѣ, исходъ которой имѣлъ для него рѣшающее значеніе. Двѣ другихъ державы (Австрія и Пруссія) дали Франціи вспомогательныя силы, а еще двѣ (Турція и Швеція) остались нейтральными, такъ какъ помощь намъ Швеціи свелась фактически къ соблюденію въ отношеніи Россіи дружественнаго нейтралитета. Что-же касается другихъ Европейскихъ державъ, то изъ нихъ только Англія, Испанія и Португалія могли оказать Россіи содѣйствіе, и только косвеннымъ путемъ: Англія—снабжая денежными средствами (что она и стала дѣлать, какъ только начались враждебныя дѣйствія), а государства Пиринейскаго полуострова,—отвлекая на себя продолжавшеную тамъ войною часть силъ нашего противника.

Въ началѣ февраля 1812 г. уже началось сосредоточеніе войскъ, предназначенныхъ въ составъ „великой арміи“; но дипломатическіе переговоры между Франціей и Россіей все еще продолжались. Наполеонъ послалъ изъ Парижа Чернышева доложить Императору Александру условія возможнаго соглашенія; на самомъ-же дѣлѣ имѣлось въ виду, прежде всего выиграть время, а затѣмъ—удалить изъ Парижа самого Чернышева, который, какъ увидимъ ниже, весьма ловко раскинулъ тамъ паутину тайной развѣдки...

Нашъ отвѣтъ на сообщенныя Чернышевымъ предложенія, переданный черезъ посла въ Парижѣ Куракина, былъ такъ рѣшителенъ и категориченъ, что въ сущности являлся тѣмъ, что на дипломатическомъ языкѣ зовется „ультиматумомъ“. Россія соглашалась вести переговоры по вѣмъ спорнымъ вопросамъ подъ непремѣннымъ условіемъ предварительнаго сокращенія Данцигскаго гарнизона и вывода французскихъ войскъ изъ Пруссіи и Шведской Помераніи.

Дальнѣйшій образъ дѣйствій Императора французовъ подсказанъ уже чисто-военными соображеніями. Не закончивъ еще сосредоточенія своихъ войскъ къ границамъ Россіи, онъ предви-

дѣль, что немедленный отрицательный отвѣтъ—а иного и быть не могло—дать возможность русскимъ (силы которыхъ уже были въ готовности) предупредить его на линіи рѣки Вислы и, такимъ образомъ, воспрепятствовать выполненію намѣченного плана сосредоточенія. Надо было такъ или иначе оттянуть время. Наполеонъ не постѣснился прибѣгнуть къ обману, пославъ своего генераль-адъютанта съ письмомъ къ нашему Государю, помѣченнымъ заднимъ числомъ; въ то же время посланецъ (графъ Нарбоннъ) долженъ былъ вывѣдать о нашихъ военныхъ предположеніяхъ. Тѣмъ временемъ, нашъ парижскій посоль Куракинъ, двѣ недѣли не получая отвѣта на русскій ультиматумъ и считая это оскорбленіемъ по адресу своего Монарха, потребовалъ 27 апрѣля свои паспорта и пригрозилъ покинуть Францію. Наполеонъ въ это время уже выѣхалъ къ арміи...

6 мая въ Вильнѣ Императоръ Александръ принялъ Нарбонна и снова повторилъ, что не обнажитъ оружія первымъ, но, развернувъ карту Россіи, указалъ на Чукотскій полуостровъ: „если Императоръ Наполеонъ рѣшился на войну, и счастье будетъ не на сторонѣ праваго дѣла, ему придется дойти до сихъ поръ, чтобы заключить миръ“.

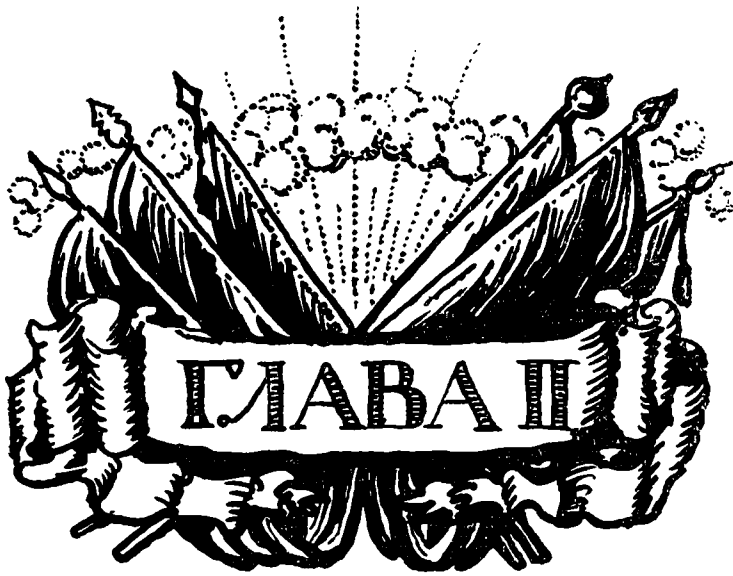
Наполеонъ тѣмъ временемъ черезъ Дрезденъ прибылъ къ Вислѣ. 4 іюня въ Кенигсбергѣ онъ распорядился выдачей паспортовъ Куракину, отозваніемъ изъ Петербурга Лористона и сообщеніемъ всѣмъ державамъ о разрывѣ своемъ съ Россіей. Пять дней спустя онъ подписалъ воззваніе къ войскамъ о началіи войны, а еще черезъ три дня, 12 іюня, французы перешли Нѣманъ. Жребій былъ брошенъ.

Извѣстіе о вторженіи Наполеона въ наши предѣлы получено было Императоромъ Александромъ въ Вильнѣ въ ночь съ 12 на 13 іюня на балѣ, въ загородномъ дворцѣ Беннигсена, совершенно такъ, какъ это описано гр. Л. Н. Толстымъ въ III части романа „Война и Миръ“. Узнавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Франція признала требованіе Куракинымъ своихъ паспортовъ равносильнымъ объявленію Россіей войны, Государь немедленно послалъ генераль-адъютанта Балашова съ письмомъ къ Наполеону, заявляя въ немъ, что Куракинъ превысилъ свои полномочія и приглашеніе еще возможно, если французы очистятъ русскую территорию. Императоръ Александръ считалъ своею святою обязан-

ностью сдѣлать все, что было въ его силахъ, для предотвращенія войны, чтобы снять съ себя всякую въ этомъ отношеніи отвѣтственность въ глазахъ своихъ подданныхъ и на страницахъ исторіи; но онъ, конечно, самъ не вѣрилъ въ успѣхъ сдѣланной имъ послѣдней попытки... И дѣйствительно, побѣдка Балашова ни къ чему не привела; онъ былъ принятъ Наполеономъ лишь по вступленіи французовъ въ Вильну, въ томъ самомъ кабинетѣ, изъ котораго его отправлялъ русскій Государь; съ первыхъ же словъ Императоръ французовъ далъ понять, что распря можетъ быть разрѣшена лишь оружіемъ... „Неужели вы думаете,—сказалъ онъ, между прочимъ, Балашову,—что я пришелъ къ Вамъ только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ“....

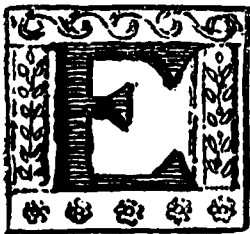

ПОДГОТОВКА КЪ ВОЙНЪ.

Предварительныя мѣры, принятыя Наполеономъ. Постепенное созданіе и устройство „великой арміи“, Оцѣнка ея внутренняго состоянія и духа. Сборъ свѣдѣній передъ началомъ военныхъ дѣйствій.

два Наполеонъ, въ началѣ 1811 года, пришелъ къ убѣжденію, что разрывъ съ Россіей неизбеженъ, онъ тотчасъ-же приступилъ къ широчайшимъ подготовительнымъ мѣропріятіямъ. „Никогда еще до сихъ поръ не дѣлалъ я столь обширныхъ приготовленій“, писалъ онъ самъ маршалу Даву. Благодаря обнародованнымъ въ настоящее время во Франціи документальнымъ даннымъ, можно тщательно и подробно прослѣдить ту по истинѣ гигантскую работу, которая была исполнена съ этою цѣлью лично этимъ геніальнѣйшимъ изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ военныхъ вождей. Съ неустанной энергіей и несокрушимой настойчивостью онъ разрабатывалъ самъ и требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ всѣ подробности устройства арміи, ея снабженія,

обезпеченія всѣмъ необходимымъ, устройства для нея базы *), организациі подвоза, сбора свѣдѣній о театрѣ войны и противникѣ и т. п.

Ядромъ будущей „великой арміи“ (la grande armée) долженъ былъ послужить корпусъ Даву, квартировавшей въ сѣверной Германіи еще съ 1809 года, имѣя штабъ въ Гамбургѣ. Надо сказать, что корпуса у Наполеона не имѣли вполне опредѣленной численности, и величина ихъ всецѣло зависѣла отъ степени довѣрія Наполеона къ способностямъ даннаго маршала. Даву былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ сподвижниковъ Наполеона, котораго послѣдній даже втайнѣ опасался, и бывали случаи, когда онъ намѣренно отстранялъ его отъ выдающейся роли. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ не могъ не отдать должнаго выдающимся качествамъ Даву, какъ военачальника, и поэтому корпусъ его своею величиною сильно отличался отъ прочихъ. Наполеонъ къ 1812 году довель его до состава пяти дивизій пѣхоты и двухъ кавалерійскихъ бригадъ, общею численностью въ 72 тысячи человекъ. Этотъ „корпусъ“,—въ сущности частная армія, по нынѣшнимъ понятіямъ,—былъ выдвинутъ впередъ, дабы быть въ состояніи своевременно поддержать поляковъ на Вислѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливается и пополняется Данцигъ, для того, чтобы, если Россія предупредитъ наступленіемъ, эта крѣпость, своимъ положеніемъ у насъ на флангѣ, могла связать свободу нашихъ активныхъ дѣйствій.

Кромѣ корпуса Даву, главнѣйшія остовы „великой арміи“ должны были образовать: польскія войска Варшавскаго герцогства, французскія войска изъ Голландіи и Сѣверной Франціи и итальянская армія вице-короля Евгенія; все остальное можетъ быть отнесено къ категоріи вспомогательныхъ иноземныхъ континентовъ.

Располагая средствами 60-ти миллионнаго населенія, не считая союзниковъ,—ибо, кромѣ Франціи, Наполеонъ въ то время фактически владѣлъ Италіей, Далмаціей, Иллиріей, герцогствомъ Варшавскимъ и государствами Рейнскаго союза,—онъ къ 1812 году насчитывалъ въ рядахъ своей арміи въ общей сложности одинъ миллионъ сто восемьдесятъ семь тысячъ человекъ.

*) См. примѣч. на стр. 23.

Но изъ нихъ для вторженія въ Россію онъ могъ назначить 608 т. *) при 1,372 ор. **) и 180 тыс. лошадей. Вся эта масса была раздѣлена на двѣнадцать корпусовъ, не считая гвардіи и резервной кавалеріи (4 корпуса). Каждый пѣхотный корпусъ состоялъ изъ 2—5 пѣхотныхъ дивизій, 1—2 кавалерійскихъ бригадъ, 2 батарей резервной артиллеріи и 1 понтонной роты, располагавшей средствами для наводки и исправленія мостовъ. Каждая пѣхотная дивизія состояла изъ 2—7 пѣхотныхъ полковъ, съ присоединеніемъ, иногда, одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ батальоновъ, двухъ батарей, роты саперъ. Нѣкоторыя дивизіи, въ видѣ исключенія, имѣли въ своемъ составѣ кавалерію. Кавалерійскія дивизіи имѣли отъ 4—6 полковъ конницы при 1—2 конныхъ шестьюрудійныхъ батареяхъ. Та конница, которая не вошла въ составъ корпусовъ, была сведена въ 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса. Вотъ перечень корпусовъ „великой арміи“ съ показаніемъ ихъ первоначальной численности:

Гвардія (Маршалы Лефевръ, Мортъе и Бессьеръ) .	47 ¹ / ₂ тыс.
I корп. Даву .	72 „
II „ Удино	37 „
III „ Нея	39 ¹ / ₂ „
IV „ В. Кор. Евгенія (Итальянскій)	45 „
V „ Кн. Понятовскаго (Польскій).	36 ¹ / ₂ „
VI „ С. Сира (Баварскій) .	25 „
VII „ Ренье (Саксонскій)	17 „
VIII „ Вандама, потомъ Жюно (Вестфальскій)	18 „
X „ Макдональда (Прусскій)	32 ¹ / ₂ „
XII „ Кн. Шварценберга (Австрійскій).	34 „
Резервная конница Мюрата.	
1-й рез. кав. корпусъ Нансуги	12 тыс.
2-й „ „ „ Монбрена	10 ¹ / ₂ „
3-й „ „ „ Груши	9 ¹ / ₂ „
4-й „ „ „ Латуръ-Мобура	8 „
Конвойныя части при штабѣ арміи	4 „
Итого .	448 т. при 1200 ор.

*) 492 тыс. пѣхоты, 96 т. кавалеріи и 20 т. осаднаго парка, инженерныхъ войскъ и фурштадта.

**) Въ томъ числѣ 130 осадныхъ (Данцигскій осадный артиллерійскій паркъ).

Кромѣ того 2 корпуса оставлено въ тылу для охраны базы:	
IX корп. Виктора .	34 тыс.
XI „ Ожеро	60 „
<hr/>	
Итого	94 тыс.

Вѣра Наполеоновскихъ войскъ въ геніальность и непобѣдимость своего вождя не была еще поколеблена; духъ арміи, возбужденный славою безчисленныхъ, непрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ побѣдъ, стоялъ довольно высоко передъ началомъ кампаніи. Но и тогда уже были признаки, значительно умалявшіе качество этой внушительной силы, грозной своею небывалою потѣмъ временамъ числительностью, а также всесвѣтнымъ обаяніемъ военнаго генія своего вождя...

„Великая армія“ отличалась крайнимъ разнообразіемъ входившихъ въ ея составъ національностей. Изъ всѣхъ поименованныхъ выше корпусовъ ея, чисто-французскими были только гвардія, да корпуса Даву и Нея, а изъ прочихъ—семь корпусовъ были почти сплошь иноземными, какъ показано выше. Самъ Наполеонъ впослѣдствіи писалъ, что въ великой арміи было не болѣе 140—150 тыс. человекъ, роднымъ языкомъ которыхъ былъ французскій, и что война стоила Франціи не болѣе 50,000 человекъ... При отсутствіи общихъ спланивающихся интересовъ, такой составъ вооруженной силы уже самъ по себѣ можетъ оказаться опаснымъ зародышемъ быстраго разложенія при неудачахъ. Изъ иноземныхъ народностей только одни поляки шли на войну съ пылкимъ одушевленіемъ, уповая на возстановленіе своей прежней государственности; итальянцы, баварцы, вестфальцы, саксонцы, виртембергцы и др., хотя и не въ первый разъ шли сражаться бокъ о бокъ съ французами, но безъ всякаго увлеченія, не ощущая къ нимъ никакихъ товарищескихъ чувствъ; послѣднее отчасти зависѣло отъ высокомернаго и презрительнаго отношенія къ другимъ народностямъ избалованныхъ побѣдами французовъ. Что же касается австрійцевъ и пруссаковъ, то ихъ на войну съ русскими, ихъ недавними союзниками, тянули, можно сказать, силкомъ....

Что касается самихъ французовъ, то ихъ увлекала болѣе жажда новой славы подъ знаменами столько лѣтъ водившаго ихъ къ побѣдамъ любимаго вождя, чѣмъ какое-либо опредѣленное сознание пользы для родины предпринимаемаго нашествія. При такомъ

REYNIER

LATOUR MAUBOURG

DAVOUST

NEY

настроениі, понятно, что неуспѣхи должны были быстро колебать тѣ связующія начала, которыя сплавивали французское войско въ надежный, прочный организмъ... Къ тому-же и самая дисциплина, вообще во французской арміи недостаточно твердая, къ этому времени пала довольно замѣтно. Постоянныя войны въ богатыхъ государствахъ средней Европы развели привычку къ мародерству, которое не принимало грозныхъ размѣровъ только по скоротечности этихъ войнъ и изобилію средствъ всякаго рода на ихъ театрахъ... Въ войну 1812 года, которую пришлось вести при совершенно иныхъ условіяхъ, какъ видно будетъ ниже, зловѣщіе признаки разложенія проявились въ Наполеоновскихъ войскахъ еще до перехода черезъ Нѣманъ, о чемъ свидѣлствуютъ приказы по арміи за май и іюнь мѣсяцы... Непрестанныя побѣды французовъ, способствуя подъему въ войскахъ духа, а въ начальникахъ развитію рѣшимости и увѣренности въ себѣ, въ то же время породили извѣстнаго рода самомнѣніе, которое влекло за собою подчасъ небрежность.

Командный составъ „великой арміи“ былъ несомнѣнно ниже, чѣмъ въ прежніе годы; лучшіе, опытнѣйшіе офицеры и генералы были перебиты... Что же касается маршаловъ, стоявшихъ во главѣ корпусовъ, то большинство изъ нихъ, за немногими исключеніями вродѣ упомянутаго уже Даву, по собственному отзыву о нихъ Наполеона, могли хорошо воевать только „на большихъ дорогахъ и въ сферѣ пушечнаго огня“; другими словами, онъ не считалъ ихъ способными къ самостоятельному командованію, безъ постоянной его указки. А между тѣмъ, веденіе войны столь большими силами и на огромномъ пространствѣ, влекло за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, необходимость выдѣлять отдѣльныя группы войскъ съ самостоятельными задачами. И вотъ въ такихъ положеніяхъ Наполеоновскіе сподвижники обыкновенно пасовали.

Необходимо указать также, что Наполеонъ сдѣлалъ немало-важное упущеніе, придавъ въ устройствѣ своего командованія въ эту войну большое значеніе родственнымъ и политическимъ соображеніямъ. Подраздѣливъ въ началѣ войны—какъ увидимъ ниже при разборѣ плановъ дѣйствій—свою армію на три главныхъ группы, воплотившій современному понятію о частныхъ арміяхъ, онъ ввѣрилъ одну изъ нихъ пасынку своему, Итальянскому вице-королю Евгенію, а другую—брату своему Іерониму. Евгеній Богарне хотя и пользовался въ арміи уваженіемъ и любовью по личнымъ

своимъ качествамъ, но обладалъ лишь средними военными способностями, уступая многимъ другимъ маршаламъ. Что-же касается Иеронима Бонапарте, то онъ, въ противоположность своему геніальному брату, совершенно лишень былъ качествъ полководца, отличаясь на бѣду крупнымъ самомиѣніемъ. Обстоятельство это, т. е. предоставленіе королю Иерониму столь отвѣтственной роли, было, какъ увидимъ ниже, одною изъ важнѣйшихъ причинъ постигшей Наполеона въ первый періодъ кампаніи неудачи, несмотря на рядъ благопріятствовавшихъ успѣху обстоятельствъ.

Какъ только въ отношеніяхъ съ Россіей стало проявляться охлажденіе, Наполеонъ предусмотрительно принялъ цѣлый рядъ мѣръ по организациі тайнаго сбора свѣдѣній обо всемъ, что только могло интересовать его въ Россіи въ военномъ отношеніи.

Большое вниманіе—больше, чѣмъ когда-либо прежде—обращено было Наполеономъ на сборъ свѣдѣній о предполагаемомъ противникѣ и о мѣстности будущаго театра войны. Для того, чтобы слѣдить за подготовительными мѣрами Россіи, цѣлая сѣть тайныхъ агентовъ, поселившихся вблизи границы, поддерживала сношенія съ поляками на Литвѣ и на Волыни... Пользовались для этого услугами евреевъ-подрядчиковъ и комиссіонеровъ, а также полоцкихъ іезуитовъ. Откровенная болтливость нашихъ офицеровъ, даже нерѣдко въ крупныхъ чинахъ, играла агентамъ въ руку. Всѣ агентурныя свѣдѣнія сосредоточивались въ двухъ пунктахъ—у коменданта крѣпости Данцига Раппа и у командующаго польскою арміей (позже—корпусомъ) Понятовскаго; отсюда они направлялись въ Гамбургъ къ Даву и имъ уже, въ обработкѣ, представлялись самому Наполеону.

Въ результатѣ послѣдній былъ своевременно освѣдомлень обо всѣхъ мѣрахъ, нами принимаемыхъ, обо всѣхъ передвиженіяхъ русскихъ войскъ, устройствѣ магазиновъ, усиленіи крѣпостей, даже о наступательномъ планѣ, одно время, какъ уже сказано, мелькнувшемъ у Императора Александра. Къ началу войны свѣдѣнія Наполеона относительно числительности и распредѣленія нашихъ вооруженныхъ силъ почти въ точности соотвѣтствовали истинѣ.

Самъ Наполеонъ посвятилъ лично массу труда и времени дѣлу изученія будущаго театра военныхъ дѣйствій. Онъ перечиталъ все, что можно было въ то время найти лучшаго по части геогра-

фическихъ и топографическихъ свѣдѣній о Россіи вообще и о Литовскихъ и Прибалтійскихъ ея провинціяхъ въ особенности. Нѣкоторыя сочиненія были спеціально для него переведены на французскій языкъ; изданы также спеціальныя карты, перепечатанныя съ русскихъ, но съ французскими названіями.

Образованное при главномъ штабѣ „великой арміи“ особое развѣдочное бюро обязано было ежедневно доставлять Императору свѣдѣнія о расположеніи и передвиженіяхъ русскихъ войскъ и о театрѣ войны. Въ это бюро стекались, со времени его учрежденія, всѣ тѣ данныя, которыя направлялись ранѣе къ Даву; оно вѣдало въ теченіе всей войны службой шпіоновъ, допросомъ плѣнныхъ и жителей, перехватываніемъ писемъ и т. п. Тамъ-же составлены были, по распроснымъ свѣдѣніямъ, описанія путей вглубь страны, а также рѣкъ Днѣпра, Зап. Двины и др., окрестностей Витебска, Полоцка, Смоленска.

Отсюда видно, насколько заботливо и внимательно старался Наполеонъ снабдить себя возможно болѣе точными и обстоятельными данными, дабы не дѣйствовать ни въ какомъ отношеніи ошупью.

Не менѣе, если не болѣе того, были велики его заботы объ устройствѣ своего тыла. Величайшему военному генію не могло не быть ясно, что главная трудность въ войнѣ противъ Россіи, при особенностяхъ театра военныхъ дѣйствій, малонаселеннаго и скуднаго по сравненію съ богатыми областями Средней Европы, гдѣ до сихъ поръ привыкли вести войну французы, заключается въ разрѣшеніи вопроса о питаніи арміи всѣмъ необходимымъ.

База *) французской арміи была расположена за рѣкою Вислой, отъ Варшавы до устья. Главнымъ складочнымъ пунктомъ былъ Данцигъ, сильная крѣпость, обладавшая обширными помѣщеніями и, сверхъ того,—большой торговый портъ и хлѣбный рынокъ, выгодно расположенный при устьѣ Вислы. Черезъ Данцигъ легко

*) Базой или основаніемъ для дѣйствій въ стратегіи принято называть пунктъ или рядъ пунктовъ, а при большихъ силахъ—цѣлую полосу мѣстности въ тылу дѣйствующихъ войскъ, заблаговременно подготовленную въ смыслѣ снабженія арміи всѣмъ необходимымъ. Базу обыкновенно стараются обезпечить либо естественными преградами, либо прибѣгая къ устройству крѣпостей и укрѣпленій. Пути, связывающіе армію съ базой (коммуникаціонные пути или сообщенія), особенно тщательно охраняются, и перерывъ ихъ противникомъ грозитъ самыми тяжелыми послѣдствіями.

было переправлять запасы водою въ Эльбингъ и Кенигсбергъ. Къ январю 1812 года въ одномъ Данцигѣ былъ заготовленъ 50 дневный запасъ продовольствія для 400 тыс. чел. и 50 тыс. лошадей. Кромѣ того значительные магазины были заложены въ Варшавѣ, Модлинѣ (теперь Новогеоргіевскъ), Торнѣ и Мариенбургѣ. Множество военныхъ хлѣбопекаренъ устроено было для перепечки муки въ хлѣбъ и сухари; онѣ сгруппированы были преимущественно въ Торнѣ... Въ Модлинѣ и Торнѣ устроены были обширные склады артиллерійскихъ запасовъ: въ Варшавѣ, Торнѣ, Влоцлавскѣ, Мариенбургѣ, Эльбингѣ и Данцигѣ были учреждены госпитали...

Не считая первоклассной крѣпости Данцига, база Наполеона была обезпечена крѣпостями Торномъ и Модлиномъ, а также укрѣпленіями Праги, Варшавскаго предмѣстья и Замостья. Всѣ эти крѣпости и укрѣпленія были усилены и приведены въ полную боевую готовность; сверхъ того, устроены новыя укрѣпленія и усилены существующія у входа во Фришгафъ, чтобы преградить сюда доступъ русскому и англійскому флотамъ.

Опасаясь, чтобы Пруссія, хотя и числившаяся его союзницей, но на дѣлѣ преисполненная затаенной къ нему вражды, не рѣшилась проявить еѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, Наполеонъ, не ограничиваясь непосредственною охраной своей базы, принялъ мѣры еще къ тому, чтобы держать всю Пруссію въ полномъ и безпрекословномъ повиновеніи. Берлинъ, Шпандау, Кюстринъ, Пиллау, Кенигсбергъ—всѣ эти крѣпости заняты были французскими гарнизонами съ французскими комендантами во главѣ... Цѣлый корпусъ (IX маршала Виктора *) былъ оставленъ въ Германіи, для охраны сообщеній великой арміи съ Франціей; Виктору подчинены были всѣ войска между Рейномъ и Вислою; его главная квартира была въ Берлинѣ.

Еще во время похода 1806—07 годовъ Наполеонъ имѣлъ случай убѣдиться, что даже въ предѣлахъ Восточной Пруссіи и Польши бѣдность страны, малонаселенность ея, малое развитіе путей сообщенія и т. п. почти совершенно исключаютъ возможность той системы довольствія, которой онъ обыкновенно придерживался въ своихъ предшествовавшихъ войнахъ. Французы въ 1807 году жестоко страдали отъ голодовокъ, и шайки мародеровъ,

*) Потомъ привлеченный на театръ войны и замѣщенный XI корпусомъ Ожера.

Офицеры инженерного корпуса.

Штабъ и оберъ-офицеръ карабинерн. п.

Уланъ.

Гусаръ.

до и послѣ Прейсишъ-Эйлаусскаго сраженія, буквально наводняли всю страну.

Разъ на мѣстныя средства будущаго театра войны нельзя было полагаться,—а они обыкновенно и составляли главное основаніе питанія Наполеоновскихъ войскъ, что, понятно давало возможность дѣйствовать быстро и рѣшительно, не завися отъ всегда медленныхъ подвозовъ,—то приходилось волей-неволей обосновывать продовольственныя соображенія на совершенно другихъ началахъ.

Вотъ почему Наполеонъ въ данномъ случаѣ тщательнѣе обыкновеннаго оборудовалъ свою базу. Ему приходилось устанавливать спеціальныя основанія для устройства продовольственной части, дабы разсчитывать преодолѣть предстояшія ему, при тогдашнихъ условіяхъ (отсутствіе желѣзныхъ дорогъ) трудности.

Основанія эти заключались въ томъ, чтобы, во 1-хъ, совершить переправу черезъ Нѣманъ, имѣя нетронутыми войсковые запасы, т. е. 4-хъ дневной на людяхъ и 20-ти дневной въ войсковыхъ обозахъ и обозныхъ баталіонахъ, для достиженія чего надлежало *до Нѣмана* жить исключительно средствами страны. Во 2-хъ, предположено было въ самыхъ широкихъ предѣлахъ использовать *водные пути* для доставки продовольствія, а кромѣ того усилить перевозочныя средства арміи образованіемъ особыхъ транспортовъ изъ обывательскихъ подводъ, взимаемыхъ съ населенія. Наконецъ, трудный вопросъ о фуражномъ довольствіи всей массы коннаго состава великой арміи предполагалось разрѣшить, начавъ операціи не раньше іюня мѣсяца, чтобы воспользоваться подножнымъ кормомъ.

Наполеонъ настойчиво требовалъ строжайшаго соблюденія перваго изъ приведенныхъ распоряженій, и, между прочимъ, приказано было ежедневно офицерамъ повѣрять состояніе носимаго на себѣ людьми такъ называемаго ранцеваго запаса. Кромѣ того, ежедневные раціоны хлѣба были нѣсколько уменьшены (съ $1\frac{1}{8}$ ф. до 86 зол. всего).

. Пока армія сосредоточивалась по Вислѣ, въ Данцигѣ и Эльбингѣ изъ заблаговременно собранныхъ судовъ было образовано два плавучихъ транспорта, которые вмѣстѣ могли поднять 11-ти дневную пропорцію муки на всю армію. Одинъ изъ нихъ, одновре-

менно съ наступленіемъ арміи къ Нѣману, направился по Прегелю черезъ Куришгафъ въ Нѣманъ.

Кромѣ того, всѣ грунтовые пути въ предѣлахъ Германіи и до Нѣмана были приведены въ полную исправность; на нихъ назначены этапы, съ особыми комендантами, а также магазинами и госпиталями. Былъ установленъ строжайшій порядокъ тыловой службы и всѣхъ передвиженій въ тылу отъ арміи къ базѣ и обратно.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю эту колоссальную предусмотрительность и заботливость, зловѣщіе признаки, указывавшіе, что въ продовольственной части въ данномъ случаѣ именно и таится главный корень зла, проявились еще до перехода французовъ черезъ Нѣманъ. Затрудненія въ продовольствіи ощущались на каждомъ шагу, и войсковые запасы, вопреки намѣренію Наполеона, пришлось тронуть съ самаго начала. Въ арміи уже появились *мародеры*, и пришлось сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи особыхъ судныхъ комиссій для разбора преступленій противъ дисциплины и порядка. Въ распоряженіе этихъ комиссій назначены были особыя летучія колонны изъ жандармовъ, конницы или мѣстной національной гвардіи, предназначенныя спеціально для ловли мародеровъ.

Все это служило какъ-бы предвѣстіемъ необходимости для Наполеона вести предстоящую войну, въ противность своему обыкновенію, съ осторожностью и постоянно оглядываясь назадъ.

Какъ видно изъ 1-й главы, подготовка Россіи къ войнѣ началась, въ сущности, одновременно съ Франціей, когда обѣ стороны рѣшили про себя, что разрывъ неизбеженъ.

Въ отношеніи элемента *силы*, по сравненію съ Наполеономъ, мы находились въ условіяхъ значительно менѣе выгодныхъ. Во 1-хъ, мы не могли рассчитывать, какъ уже говорилось, на чью-либо непосредственную помощь *войсками*, тогда какъ Наполеонъ имѣлъ возможность по своему усмотрѣнію располагать большею частью силъ тогдашней Европы. Во 2-хъ, наличныя наши войска, достигавшія въ общей сложности внушительной цифры почти въ 480.000 человекъ, были, въ силу необходимости,

частью отвлечены для еще продолжавшейся борьбы съ Турціей, частью для выполнения других неотложныхъ задачъ.

Въ результатъ, къ началу 1811 года на западной границѣ у насъ находилось всего три корпуса, численностью не болѣе 100 тысячъ человекъ.

При помощи новыхъ формированій, пополненія войскъ, уже бывшихъ на пограничномъ театрѣ, а также перемѣщенія трехъ дивизій съ Дуная, двухъ дивизій изъ восточныхъ предѣловъ Имперіи и одной изъ Финляндіи, наши силы на западной границѣ были удвоены—до 200 тысячъ человекъ. Сверхъ того, оставалось еще 87 тысячъ въ Дунайской арміи Кутузова, 20 тысячъ въ Крыму и Новороссіи, 34 тысячи на Кавказѣ и въ Грузіи и 30 тысячъ въ Финляндіи.

Всѣ эти силы нельзя было тронуть; миръ съ Турціей заключенъ былъ, какъ извѣстно, только передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій, а войска на окраинахъ государства были необходимы для обезпеченія ихъ спокойствія.

Кромѣ того имѣлись: формировавшаяся въ Москвѣ 27-я пѣхотная дивизія (9 тысячъ), впоследствии притянутая на театръ военныхъ дѣйствій, отдѣльныя части, не входившія въ составъ дивизій, (10 т.) и до 80 тысячъ человекъ въ запасныхъ батальонахъ и эскадронахъ, служившихъ для пополненія убыли въ своихъ частяхъ.

Въ окончательномъ видѣ войска на западной границѣ составили *десять* пѣхотныхъ корпусовъ, *четыре* резервныхъ кавалерійскихъ корпуса и *три* казачьихъ отряда (36 полковъ); всего 240 батальоновъ, 262 эскадрона, 36 казачьихъ полковъ и 910 орудій,—*210.000 человекъ*.

Первоначально, въ мартѣ 1812 года, войска эти были разделены на 2 арміи: *1-ю западную*, по сѣверную сторону Полѣсья и *2-ю западную*, по южную сторону Полѣсья. Первая была въ составѣ 6-ти пѣхотныхъ и 2-хъ кавалерійскихъ корпусовъ, вторая—4-хъ пѣхотныхъ и 2-хъ кавалерійскихъ корпусовъ.

Первоначальное дѣленіе на двѣ арміи было впоследствии измѣнено, по соображеніямъ, съ которыми ознакомимся ниже, при изложеніи нашихъ предварительныхъ плановъ. Изъ состава 2-й арміи была выдѣлена такъ называемая 3-я „резервная обсерваціонная“, оставленная на Волыни; 1-я же и 2-я арміи обѣ расположились сѣвернѣе Полѣсья.

Составъ и численность армій были слѣдующіе:

1-я западная армія Барклай-де-Толли.

I	пѣх. корпусъ	гр. Витгенштейна	23	тыс.
II	„	„ Багговута	17	„
III	„	„ Тучкова I-го	18 ¹ / ₂	„
IV	„	„ гр. Шувалова (потомъ Остермана, Толстого)	15 ¹ / ₂	„
V	„	„ Вел. Князя Константина Павловича (гвардія).	20	„
VI	„	„ Дохтурова	17	„
	1-й рез. кав. корпусъ	Уварова	3	„
	2-й „	„ бар. Корфа	4	„
	3-й „	„ гр. Палена	2 ¹ / ₂	„
	Летучій казачій корпусъ	Платова	7	„
Всего 127 ¹ / ₂ тысячъ при 558 орудіяхъ.				

2-я западная армія князя Багратіона.

VII	пѣх. корпусъ	Раевского	16	тыс.
VIII	„	„ Бороздина	16	„
	4-й рез. кав. корпусъ	Сиверса	3 ¹ / ₂	„
	Летучій казачій отрядъ	Иловайскаго	4	„
Всего 39 ¹ / ₂ тысячъ при 180 орудіяхъ.				

3-я резервная обсервационная армія гр. Торماسова.

	Корпусъ графа	Каменскаго .	10 ¹ / ₂	тыс.
	„	„ Маркова .	15 ¹ / ₂	„
	„	„ барона Сакена	8	„
	Кавалерійскій корпусъ	графа Ламберта .	5	„
	9 казачьихъ полковъ		5	„
Всего 43 тысячи при 168 орудіяхъ.				

Армія наша имѣла почти непрерывный боевой опытъ и бережно хранила, несмотря на характеръ реформъ предыдущаго царствованія Императора Павла, самобытныя традиции побѣднаго вѣка Екатерины, когда вся боевая подготовка нашихъ войскъ поконилась на строго-національныхъ началахъ, и военное дѣло находилось въ рукахъ такихъ выдающихся людей, какъ Румянцевъ,

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.
(Съ рѣдкой литографіи Бегрова).

Потемкинъ и особенно гениальный Суворовъ. Поэтому она являлась во всеоружіи наилучшихъ боевыхъ качествъ.

Предшествующія войны съ Наполеономъ, будучи неудачными въ конечномъ своемъ исходѣ, не поколебали однако стойкости духа нашего офицера и солдата. Аустерлицкій разгромъ 1805 года приписывали преимущественно ошибкамъ австрійцевъ, выдвигая славныя для насъ дѣла Дюренштейнское и Шенграбенское; въ 1807 же году армія наша подъ Прейсишъ-Эйлау блестяще доказала, что можетъ мѣряться даже съ самимъ Наполеономъ, который именно послѣ этого кровопролитнаго и безрезультатнаго для него сраженія, истиннаго предтечи Бородина, сказалъ, что „русскаго солдата мало убить, его надо еще повалить“.... Войска наши горѣли пламеннымъ желаніемъ смыть унижительный для нихъ Тильзитскій миръ, обусловленный, какъ они всегда думали, только политическими соображеніями; призванныя-же на этотъ разъ вести борьбу за родную землю, они всѣ, отъ генерала до послѣдняго рядового, были наэлектризованы небывалой дотолѣ энергіей и потому, не взирая на сравнительно меньшую свою численность, представляли собою грозную силу....

Какъ только политическій горизонтъ сталъ омрачаться, и наше правительство начало предчувствовать неизбѣжность болѣе или менѣе близкаго разрыва съ Наполеономъ,—тотчасъ-же приняты были мѣры къ тому, чтобы раздобыть возможно болѣе полныя данныя о противникѣ. Въ этомъ отношеніи наша подготовительная работа ничуть не уступала Наполеоновой. Работали наши дипломатическіе представители, а также особые агенты, слѣдившіе за главнѣйшими путями слѣдованія и мѣстами сосредоточенія французовъ; поляки, преданные Россіи, получали много данныхъ отъ своихъ соотечественниковъ изъ Варшавскаго герцогства; евреи, конечно, усердствовали въ качествѣ шпионовъ, ухитряясь, разумеется, угождать обѣимъ сторонамъ и такимъ образомъ зарабатывать двойныя деньги... Но наиболѣе обстоятельныя и цѣнныя свѣдѣнія доставлялъ уже упомянутый въ гл. I-й флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ.

Чернышевъ, будучи неоднократно командированъ изъ Петербурга въ Парижъ и обратно для обмѣна личной корреспонденціи между обоими Императорами, что требовало выдающагося такта,

такъ какъ ему приходилось служить, кромѣ того, и живымъ средствомъ обмѣна мыслей между Наполеономъ и Александромъ, использовалъ свои періодическія посѣщенія Парижа въ цѣляхъ *тайной военной развѣдки*. Ведя по внѣшности разсѣянную свѣтскую жизнь въ высшемъ парижскомъ обществѣ, онъ подкупилъ одного изъ чиновниковъ французскаго военнаго министерства и ловко добывалъ отъ него, между прочимъ, копіи съ секретнѣйшихъ подробныхъ квартирныхъ расписаній французской арміи, передъ ихъ представленіемъ, каждая двѣ недѣли, самому Императору Наполеону! Положимъ, дѣятельность Чернышева, въ концѣ концовъ, была раскрыта, но уже по окончательномъ его отъѣздѣ изъ Франціи, и тогда, когда наше правительство располагало подробными и вполне точными данными о численности непріятельскихъ силъ, ихъ устройствѣ, расположеніи и прочихъ подготовительныхъ мѣрахъ...

Что касается нашей собственной подготовки, въ смыслѣ устройства и усиленія нами базы, и вообще, какъ говорится, подготовки нами театра войны въ инженерномъ и продовольственномъ отношеніяхъ, то объ этомъ сказано будетъ ниже, при обзорѣ самого театра. Намѣреваясь вести войну въ своей собственной странѣ и, слѣдовательно, находясь ближе къ источникамъ своихъ средствъ, мы, очевидно, въ дѣлѣ разрѣшенія всѣхъ этихъ важныхъ вопросовъ, оказывались въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, чѣмъ нашъ противникъ, превосходившій насъ, впрочемъ, въ отношеніи *денежныхъ средствъ*. Наполеонъ располагалъ средствами почти всей Европы и имѣлъ значительный денежный запасъ отъ предыдущихъ побѣдоносныхъ войнъ; въ Россіи же финансы были въ плохомъ состояніи, покаместъ, уже впоследствии, не пришла къ намъ въ этомъ отношеніи на помощь непримиримая ненавистница Наполеона—Англія.

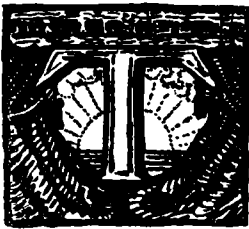

Театръ военныхъ дѣйствій. Важнѣйшія направленія. Подготовка нами театра въ инженерномъ и продовольственномъ отношеніяхъ.

Планы сторонъ. Различныя соображенія по этому поводу у насъ. Окончательное рѣшеніе.

Планъ Наполеона. Переправа черезъ Нѣманъ.

еатромъ военныхъ дѣйствій въ Отечественную войну въ дѣйствительности оказалось огромное пространство отъ западной нашей границы, шедшей тогда по рѣкамъ Нѣману и Зап. Бугу, — до Москвы на востокъ. Въ меридіональномъ направленіи операціи распространились на сѣверъ до Риги, на югъ — до Луцка. Вся пограничная полоса этой площади дѣлится *Польсьемъ*, т. е. лѣсистоболотистою долиною р. Припяти съ притоками, на два отдѣльныхъ театра, *сѣверный* и *южный*, значеніе которыхъ, въ зависимости отъ условій слагавшейся борьбы, было неодинаково.

Польсье, въ формѣ треугольника между Брестомъ и линіей рѣки Днѣпра отъ Кіева до Рогачева, являлось въ то время пространствомъ труднопроходимымъ, бѣднымъ дорогами и населеніемъ, неудобнымъ для связныхъ дѣйствій значительныхъ силъ. Въ то же время закрытость и труднодоступность этой площади

создавала изъ нея удобное убѣжище для развитія оттуда набѣговъ мелкими партіями на сообщенія непріятельскихъ войскъ, наступающихъ вглубь страны сѣвернѣ или южнѣ его.

Пространство сѣвернѣ Полѣсья или *сѣверный театр* имѣло во всѣхъ отношеніяхъ первенствующее значеніе. Здѣсь пролегли прямые пути къ двумъ важнѣйшимъ политическимъ центрамъ—Петербургу и Москвѣ; здѣсь можно было,—какъ когда-то и поступилъ Петръ Великій, препятствуя вторженію Карла XII,—искусно избрать такое расположеніе, чтобы, не раздѣляя своихъ силъ, охранять эти оба направленія.

Что касается *южнаго театра*, то здѣсь пролегли лишь пути къ Кіеву, менѣе важному предмету дѣйствій, чрезъ который движеніе на Москву было-бы кружнымъ. Зато, избравъ этотъ театръ для главныхъ своихъ операцій, Наполеонъ попадалъ-бы въ области, несравненно болѣе богатая всякаго рода запасами, и потому, гораздо надежнѣе, чѣмъ на сѣверномъ театрѣ, могъ-бы разсчитывать на мѣстныя средства...

Но великій полководецъ, привыкшій всегда избирать кратчайшій и быстрѣйшій способъ достиженія цѣли и по опыту своихъ войнъ въ Европѣ увѣренный, что захватъ политическаго центра государства почти навѣрняка долженъ сломить упорство врага, рѣшилъ избрать сѣверный театръ. Къ тому-же это давало ему и то преимущество, что опираться здѣсь приходилось не на малонадежную въ его глазахъ Австрію, а на униженную и вполнѣ подвластную ему Пруссію. Но сѣверный театръ былъ неизмѣримо скуднѣе продовольствіемъ, что и заставило Наполеона потратить почти цѣлый годъ на усиленную подготовку важнаго дѣла снабженія своей арміи.

Для наступленія на *Петербургъ* Наполеонъ могъ здѣсь избирать между двумя направленіями: 1) отъ *Тильзита* чрезъ *Ригу*, или 2) отъ *Новны* чрезъ *Динабургъ* (нынѣ *Двинскъ*).

Въ случаѣ-же наступленія на *Москву* можно было пользоваться однимъ изъ слѣдующихъ направленій: 1) отъ *Новны* чрезъ *Вильну*—*Витебскъ*—*Смоленскъ*; 2) отъ *Новны* чрезъ *Вильну*—*Минскъ*—*Смоленскъ* и 3) отъ *Бѣлостока* чрезъ *Слонимъ*—*Бобруйскъ*—*Могилевъ*—*Смоленскъ*.

Всѣ эти направленія, кромѣ послѣдняго, пересѣкались рѣкою *Нѣманъ*, которая, по размѣрамъ и характеру береговъ, могла бы

**Генераль-отъ-кавалеріи
Николай Михайловичъ Борздинъ.**

служить отличной оборонительной линіей; но это была наша граница, и мы владѣли однимъ только правымъ ея берегомъ; кромѣ того, нижнее теченіе Нѣмана принадлежало Пруссіи, и тамъ переправу можно было совершить безпрепятственно, послѣ чего обойти съ фланга обороняющагося.

Еще болѣе серьезною преградой по своимъ свойствамъ могла бы явиться *Западная Двина*, особенно ниже Динабурга, но только въ случаѣ наступленія на Петербургъ; избравъ-же Москву главною цѣлью своихъ дѣйствій, Наполеонъ могъ свободно нацѣливаться въ 75-ти верстный промежутокъ между верховьями Двины и Днѣпра, обходя такимъ образомъ и послѣдній. Этимъ значеніе *Днѣпра*, какъ преграды, умалялось; къ тому-же на немъ въ верхнемъ теченіи (выше Орши) довольно много бродовъ. Болѣе серьезное препятствіе, вслѣдствіе болотистой долины и труднодоступныхъ береговъ, представлялъ собою притокъ Днѣпра *Березина*.

Всѣ три направленія на Москву сходились въ *Смоленскъ*, который, хотя и не былъ укрѣпленъ согласно тогдашнимъ требованіямъ, но имѣлъ сохранившіяся еще съ XVI вѣка толстыя каменные стѣны съ башнями, довольно надежно обезпечивавшія отъ тогдашней гладкостѣнной артиллеріи.

Пути на Петербургъ и Москву расходились изъ *Вильны*, которая такимъ образомъ имѣла важное значеніе узла этихъ основныхъ направленій. Крѣпость *Рига* препятствовала французамъ проникнуть въ Западную Двину съ моря и такимъ образомъ не давала имъ воспользоваться этою рѣкой, какъ путемъ подвоза, что, при трудности обезпеченія такового по мѣрѣ углубленія въ страну, оказывало-бы, безъ сомнѣнія, французамъ огромную помощь.

Восточнѣе Смоленска противникъ до самой *Москвы* уже не встрѣчалъ никакихъ препятствій; Москва, помимо своего огромнаго историческаго, политическаго и духовно-нравственнаго значенія, какъ колыбель могущества Россіи и святыня, почитаемая издавна каждымъ русскимъ человѣкомъ, имѣла еще значеніе узла всѣхъ путей сообщеній, какъ отъ западной границы, такъ и во всѣ прочія части Имперіи.

Заблаговременная, начатая еще въ 1810 году, подготовка театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи выразилась

въ усиленіи уже существующихъ и сооруженіи новыхъ крѣпостей и укрѣпленій на главнѣйшихъ направленіяхъ возможнаго наступленія непріятели.

На линіи р. Западной Двины приступлено къ сооруженію крѣпости *Динабургъ* (нынѣ Двинскъ), которая однако къ началу войны окончена не была, а возведено было лишь предмостное укрѣпленіе. На линіи рѣки Березины построена крѣпость *Бобруйскъ*, которая хотя и не была вполнѣ доведена до конца, но все же осаду могла выдержать.

Кромѣ того значительно расширены были укрѣпленія *Риги* и, южнѣ Польша, — *Кіева*.

Далѣе, уже въ апрѣлѣ 1812 года, приступлено было къ сооруженію на лѣвомъ берегу р. Двины у *Дриссы* большого укрѣпленнаго лагеря, — въ зависимости отъ принятаго плана дѣйствій, о чемъ скажемъ ниже. На правомъ берегу Березины у *Борисова*, начали строить еще предмостное укрѣпленіе, но ко времени подхода сюда французовъ оно было окончено лишь на половину.

Что же касается обезпеченія *продовольствія* арміи, то для насъ этотъ вопросъ разрѣшался гораздо легче, чѣмъ для Наполеона: мы были въ своей странѣ, и всѣ ея средства были къ нашимъ услугамъ. Поэтому подготовка у насъ въ этомъ отношеніи выразилась только въ устройствѣ магазиновъ, *главныхъ* въ *Динабургѣ*, *Диснѣ* и *Дриссѣ* (по линіи Зап. Двины), *Бобруйскѣ* (на Березинѣ) и въ *Кіевѣ* и цѣлаго ряда *расходныхъ*.

Обратимся къ предварительнымъ соображеніямъ сторонъ въ отношеніи *плана предстоящихъ дѣйствій*.

У насъ соображенія эти возникли съ конца 1810 года и въ первое время, — какъ уже указывалось въ 1-й главѣ — они были характера *наступательнаго*. Императоръ Александръ, сносясь съ своимъ другомъ Чарторижскимъ въ цѣляхъ выясненія настроенія поляковъ, высказывалъ предположеніе двинуть стотысячную армію въ предѣлы Варшавскаго герцогства, имѣя позади вторую такую же армію въ резервѣ; возстановивъ подъ своимъ скипетромъ „*крулевство*“ Польское, онъ рассчитывалъ затѣмъ усилить себя его войсками и перейти Вислу. Императоръ Александръ пребывалъ при этомъ въ увѣренности, что Пруссія, угнетаемая Наполеономъ, поспѣшитъ воспользоваться случаемъ и примкнетъ къ Россіи, бла-

Князь Адамъ Чарторижскій.
(Съ гравюры Золимана, сдѣланной съ портрета Паска).

годаря чему силы союзниковъ уже возросли-бы до 330.000 чедовѣкъ. Далѣе ожидалось, что Австрія тоже присоединится къ союзу, равно какъ и мелкія государства Сѣверной Германіи, тяготившіяся властью Франціи.

Но, какъ только стало яснымъ, что на поляковъ рассчитывать не приходится, всякая мысль о наступленіи была оставлена. Очевидно, что принятіе такого плана было цѣлесообразно только въ томъ случаѣ, если Польша была-бы на нашей сторонѣ, такъ какъ иначе она всегда связывала бы наши наступательныя дѣйствія, вися у насъ на флангѣ. Кромѣ того, такой планъ требовалъ быстроты и рѣшительности, а главное—*упрежденія* противника, т. е. начатія войны ранѣе, чѣмъ послѣдній успѣетъ изготовить и стянуть свои силы. А такъ какъ съ нашей стороны употреблялись всѣ средства избѣжать столкновенія, то дѣло затягивалось, и, слѣдовательно, Наполеонъ получалъ въ свое распоряженіе достаточно времени для того, чтобы выполнить всѣ свои подготовительныя мѣры. Да и у насъ въ 1811 году положеніе силъ не позволяло сразу выполнить вышеуказанный планъ; всякая-же проволочка уменьшала вѣроятность его удачи.

Съ половины 1810 года у насъ, разными лицами, разработанъ былъ цѣлый рядъ соображеній, записокъ и плановъ для предстоящихъ дѣйствій. При всемъ разнообразіи въ деталяхъ, основная мысль во всѣхъ этихъ предложеніяхъ господствовала *одна*,—всецѣло притомъ обоснованная на *знаніи характера* своего противника, на его изученіи.

Отличительными чертами военного искусства въ рукахъ Наполеона были быстрота, рѣшительность, стремительность ударовъ. Въ основу всѣхъ его дѣйствій положено было *начало дѣятельности*. Вполнѣ поэтому естественно было противопоставить этому началу противоположное начало *затягиванія дѣла*, утомленія, изнуренія своего противника. Наперекоръ стремленію Наполеона какъ можно скорѣе рѣшить участь всей войны побѣдоноснымъ, истребительнымъ боемъ, очевидно, надлежало уклоняться отъ рѣшительнаго столкновенія, затягивать войну. Французы привыкли совершать быстрые марши, жить такъ называемыми *ренаузиціями*, т. е. сборомъ средствъ страны; очевидно,—нужно лишать ихъ этихъ средствъ, втягивая за собою вглубь предварительно раззоренной страны, а затѣмъ нажимая въ обходъ фланговъ на

*

тыль, на сообщенія, дѣлающіяся у противника при этихъ условіяхъ съ каждымъ шагомъ все чувствительнѣе и чувствительнѣе. Въ то же время, по мѣрѣ движеній впередъ, вглубь страны, противникъ ослаблялся, будучи вынужденъ расходовать силы на охрану путей, связывающихъ его съ базою, которые, при скудости мѣстныхъ средствъ, пріобрѣтали для него все большее и большее значеніе. Наоборотъ для русской арміи отступление было равносильно накопленію, наращиванію силъ и средствъ.

Короче говоря, чѣмъ дальше наступалъ Наполеонъ, тѣмъ больше и больше напрягались его силы, какъ тетива у лука, грозя ежеминутно лопнуть; для насъ-же отступление равносильно было постепенному сжиманію пружины, будущей отпоръ которой тѣмъ страшнѣе, чѣмъ сильнѣе она сжата.

Подобный планъ дѣйствій, для насъ, при обширности театра войны, бѣдности его продовольственныхъ средствъ и сравнительной суровости климата, логически вытекалъ изъ природы вещей и, въ предвидѣніи разрыва съ Наполеономъ, можно сказать, носился въ воздухѣ. Вспоминалась кампанія Великаго Петра 1707—09 г.г. противъ Карла XII-го, завершившаяся знаменитымъ Полтавскимъ разгромомъ, которая именно и обязана была своимъ успѣхомъ принятію, въ существѣ, схожаго съ этимъ плана.

Идея этого способа дѣйствій именно противъ Наполеона настолько распространилась въ то время, что трудно указать опредѣленныхъ личностей, отъ которыхъ онъ исходилъ. Сторонниковъ-же этой идеи насчитывалось не мало. Такъ, имѣется свидѣтельство, что еще въ 1807 году, лечась въ Мемелѣ отъ полученной подъ Прейсишъ-Эйлау тяжелой раны, Барклай-де-Толли,—будущій нашъ первый главнокомандующій въ Отечественную войну—разсказывалъ извѣстному историку Нибуру, что, если-бы ему пришлось дѣйствовать противъ Наполеона, то онъ, Барклай, завлекъ бы французскую армію отступленіемъ вглубь Россіи, даже за Москву, и истощивъ ее постепенно, уготовалъ-бы Наполеону на берегахъ Волги вторую Полтаву.

Самъ Императоръ Александръ, повидимому, вполне раздѣлялъ эти идеи. По крайней мѣрѣ о томъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ принцъ Евгений Виртембергскій; подтверждаетъ это и приведенный въ главѣ I-й разговоръ съ Коленкуромъ. Флигель-адъютанту прусскаго короля Кнезебеку, присланному въ Петер-

бургъ въ февралѣ 1812 г. съ письмомъ отъ Фридриха-Вильгельма, имѣвшимъ цѣлю предотвратить разрывъ между Франціей и Россіей, Императоръ Александръ сказалъ: „Передайте Королю, что я не заключу мира, хотя-бы очутился даже въ Казани!“.

Всѣ записки и соображенія о будущей войнѣ передавались для разбора состоявшему при Государѣ генералу Фулю (Pfuhl), а болѣе важныя докладывались и военному министру, Барклаю-де-Толли.

Въ виду важной роли, выпавшей на долю Фуля въ первомъ періодѣ Отечественной войны, необходимо сказать о немъ нѣсколько словъ.

Фуль былъ пруссакъ, который, послѣ разгрома Пруссіи Наполеономъ въ 1806 году, по приглашенію Императора Александра перешель въ нашу службу. Онъ считался у себя на родинѣ однимъ изъ образованнѣйшихъ въ военномъ отношеніи офицеровъ. Слѣдуя по стопамъ тогдашняго военного теоретика Бюлова, онъ придавалъ рѣшающее значеніе на войнѣ соображеніямъ чисто геометрическаго характера. Высшее проявленіе военного искусства онъ видѣлъ въ дѣяніяхъ Фридриха Великаго и только въ нихъ искалъ готовыхъ рецептовъ для побѣдъ. Будучи сухимъ кабинетнымъ мыслителемъ, Фуль совершенно былъ чуждъ практической стороны военного дѣла; онъ не допускалъ никакого уклоненія отъ выработанныхъ имъ идей и всѣ успѣхи Наполеона въ предшествующихъ войнахъ объяснялъ исключительно отступленіемъ его противниковъ отъ этихъ правилъ. Надо отдать справедливость Фулю, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ какихъ-бы то ни было интригъ и руководствовался исключительно идеальными, а отнюдь не личными побужденіями. Угрюмый, нелюдимый затворникъ, вѣчно погруженный въ свои соображенія, онъ ни съ кѣмъ не сближался; но если кто оспаривалъ его утвержденія, легко приходилъ въ раздраженіе и выражался рѣзко. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, Фуль такъ и не научился говорить по-русски, не имѣлъ никакихъ связей ни въ обществѣ, ни въ высшихъ военныхъ сферахъ.

Призванный Императоромъ Александромъ руководить его занятіями военнымъ искусствомъ, Фуль естественно сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ Государя по вопросамъ о планѣ предстоящихъ военныхъ дѣйствій противъ Наполеона, когда стала назрѣвать возможность близкой съ нимъ войны.

Слѣдую теоріи Бюлова, по которой оборонительную войну всегда надлежало вести двумя арміями, изъ коихъ одна должна сдерживать непріятеля на избранномъ имъ операціонномъ направленіи, а другая дѣйствовать ему на сообщенія, Фуль предложилъ образовать сперва двѣ арміи, по обѣ стороны Полѣсья. При наступленіи Наполеона съвернѣе Полѣсья (что справедливо считалось болѣе вѣроятнымъ), первая армія должна была отступать къ укрѣпленному лагерю у Дриссы, а вторая, перейдя черезъ Полѣсье, ударить главнымъ силамъ Наполеона въ тылъ. Дѣйствуя такимъ способомъ, Фуль рассчитывалъ не пустить Наполеона далѣе линій рѣкъ Двины и Днѣпра.

Весь 1811 годъ прошелъ въ обсужденіи предложеній Фуля и другихъ, постепенно видоизмѣнявшихся и все подробнѣе и подробнѣе развиваемыхъ. Не сочувствуя взглядамъ Фуля, Барклай въ это время сталъ отдавать преимущество идеямъ наступательнаго характера, отстаиваемымъ Багратиономъ, Ермоловымъ и другими, по которымъ войну надлежало начать съ захвата восточной Пруссіи и Варшавскаго герцогства. Онъ представилъ въ этомъ смыслѣ подробный планъ Императору Александру осенью 1811 года. Какъ только французы перейдутъ Эльбу, наша армія должна была вторгнуться черезъ границу отъ Юрбурга, Бѣлостока и Бреста, занять важнѣйшіе пункты и немедленно приступить къ опустошенію всей пограничной полосы, дабы лишить врага возможности при наступленіи своемъ пользоваться мѣстными средствами.

Императоръ Александръ окончательно отказался отъ такого плана, опасаясь, что подобныя дѣйствія навлекутъ на Россію много нареканий, и предпочелъ ожидать врага въ своей землѣ.

Къ началу 1812 года наши силы на западной границѣ были сосредоточены въ слѣдующихъ *четыре*хъ группахъ.

а) I корпусъ Витгенштейна — у Шавель (прикрывая путь на Ригу).

б) Главныя силы 1-й арміи—въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ.

в) Обсерваціонный корпусъ (сперва Лаврова, потомъ Эссена и, наконецъ, Дохтурова)—у Пружанъ.

г) 2-я армія—у Луцка.

Необходимость дать вполнѣ опредѣленныя указанія на случай открытія военныхъ дѣйствій привела къ выработкѣ инструкціи, составленной Барклаемъ такъ, чтобы по возможности совмѣстить

его собственные взгляды съ воззрѣніями Фуля. Инструкція эта давала указанія какъ на случай наступательной войны—согласно вышеприведеннымъ взглядамъ самого Барклая, такъ и оборонительной; въ послѣднемъ случаѣ торжествовали уже Фулевскія идеи. При этомъ, если главныя силы Наполеона пойдутъ въ направленіи на Ригу, то Витгенштейнъ долженъ былъ отступать къ послѣдней, 1-я армія—наступать противнику во флангъ и тылъ, а 2-я армія, движеніемъ на Люблинъ и Варшаву, угрожать его сообщеніямъ; что же касается обсерваціоннаго корпуса, то онъ долженъ былъ поддерживать связь между обѣими арміями. Если противникъ пойдетъ противъ 1-й арміи, то она должна отходить, уклоняясь отъ боя, черезъ Свенцяны къ Дрисскому укрѣпленному лагерю; обсерваціонный корпусъ отходить къ линіи р. Припяти и обороняетъ еѣ; 2-я армія наступаетъ во флангъ и тылъ противнику черезъ Варшавское герцогство; правофланговый корпусъ 1-й арміи дѣлаетъ то же въ обходъ лѣваго фланга французовъ. Наконецъ, если-бы Наполеонъ пошелъ противъ 2-й арміи, то послѣдняя должна была отходить черезъ Житомиръ къ Кіеву; обсерваціонный корпусъ—обороняться на Припяти фронтомъ на югъ, а всѣ прочія силы—наступать въ обходъ лѣваго фланга и въ тылъ французамъ.

Всѣ эти соображенія Фуля упустили совершенно изъ вида самую главную въ данномъ случаѣ данную, а именно—*соотношеніе силъ сторонъ*.

Почти тройное преобладаніе Наполеона надъ нами въ силахъ позволяло ему, во-первыхъ, начать наступленіе *одновременно противъ всѣхъ* нашихъ группъ достаточными силами, а во-вторыхъ—имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ надежную охрану своихъ сообщеній.

Въ половинѣ апрѣля Императоръ Александръ прибылъ въ Вильну. Не вступая въ командованіе арміями, Государь однако на дѣлѣ отдавалъ всѣ распоряженія по высшему управленію сосредоточенными на границѣ войсками. Много новыхъ проектовъ и плановъ было еще представлено ему, но по прежнему взглядамъ Фуля придавалось первенствующее значеніе.

Когда, въ маѣ мѣсяцѣ, стало извѣстно, что главная масса французовъ сосредоточивается на нижней Вислѣ, Императоръ Александръ пришелъ къ заключенію, что силы на сѣверномъ театрѣ недостаточны. Князю Багратиону было тогда приказано,

оставивъ часть своихъ силъ на Волыни, для образованія изъ нихъ 3-й резервной обсервационной арміи (во главѣ которой поставлень Тормасовъ), самому перейти на мѣсто обсервационнаго корпуса, который былъ притянуть въ свою очередь къ 1-й арміи (къ Лидѣ).

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, передъ открытіемъ кампаніи, наши войска на важнѣйшемъ, сѣверномъ театрѣ*) были сгруппированы слѣдующимъ образомъ:

а) 1-я западная армія, военнаго министра *Барллая-де-Толли*, силою въ 124.000 человекъ, была растянута по дугѣ отъ *Россіенъ* до *Лиды*, имѣя главную квартиру въ *Вильнѣ*.

б) 2-я западная армія, князя *Багратіона*, силою въ 40.000 человекъ, имѣла главную квартиру въ *Волковыскѣ*.

Протяженіе фронта 1-й арміи—170 верстъ; 2-й арміи—40 верстъ; между лѣвымъ флангомъ 1-й и правымъ 2-й арміи былъ промежутокъ въ 100 верстъ.

Изъ изложеннаго видно, что основная идея втягиванія Наполеона вглубь страны, идея естественная и логически вытекавшая изъ сравненія всѣхъ условій предстоящаго столкновенія враждующихъ сторонъ, была совершенно искалѣчена въ рукахъ пресловутаго Фуля. Конечною точкою отхода нашихъ войскъ почему-то назначается *Дрисскій лагерь*, въ какихъ-нибудь 300 верстахъ отъ границы, притомъ *въ сторонѣ* отъ прямыхъ путей къ главнымъ вѣроятнымъ предметамъ дѣйствій Наполеона, *Москвѣ* и *Петербургу*, въ силу пристрастія Фуля, по теоріи Бюлова, къ занятію непременно такъ называемыхъ *фланговыхъ* позицій. вмѣсто того, чтобы наши и безъ того гораздо болѣе слабыя силы держать въ совокупности и какъ можно сосредоточеннѣе, мы раздѣлили ихъ на двѣ группы, растянувъ ихъ притомъ на 300 верстъ по фронту, съ опаснымъ между ними промежуткомъ почти въ 100 верстъ; если же считать еще и 3-ю армію, то все протяженіе фронта нашего простиралось уже до 500 верстъ.

Существеннымъ обстоятельствомъ, долженствовавшимъ крайне невыгодно отразиться на ходѣ нашихъ операций, было ненормальное устройство *верха арміи*. Главнокомандующаго не было; Государь, находясь при арміи, на себя этого званія не принималъ,

*) Такъ какъ на этомъ театрѣ разыгрывались главныя, рѣшающія судьбу кампаніи, операціи, то въ послѣдующемъ изложеніи на нихъ обращено преимущественное вниманіе.

Егеря.

Артиллеристы.

Генералы.

Оберъ-офицеръ кирасирскаго полка.

хотя, понятно, окончательное разрѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ зависѣло отъ него. Между стоявшими во главѣ армій, хотя-бы только 1-й и 2-й, какъ призванныхъ дѣйствовать совмѣстно, начальствующими лицами—никакихъ командныхъ отношеній установлено не было. Багратіонъ былъ старше въ чинѣ, чѣмъ Барклай, который, однако, занималъ постъ военнаго министра. Императоръ Александръ, вообще любившій неопредѣленность, проявилъ её и здѣсь, не установивъ никакихъ взаимныхъ между ними отношеній, результатомъ чего и явилось то пагубное двоевластіе, вредныя послѣдствія котораго такъ дали себя знать въ первомъ періодѣ кампаніи.

Барклай-де-Толли, не обладая блестящими способностями, имѣлъ, однако, много драгоцѣнныхъ для полководца качествъ. Онъ обладалъ яснымъ, практическимъ умомъ, невозмутимымъ въ самыя критическія минуты спокойствіемъ, твердостью и настойчивостью въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли и вполне рыцарскимъ благородствомъ. Въ Финляндскую войну 1808—09 годовъ онъ выдѣлился смѣлымъ (хотя и не принесшимъ ощутительной пользы) зимнимъ переходомъ черезъ проливъ Кваркенъ изъ Финляндіи въ Швецію; онъ-же подъ конецъ войны сталъ во главѣ всѣхъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ шведовъ. Будучи несообщительнымъ, нѣсколько сухимъ и не умѣя привлекать къ себѣ массы, онъ не пользовался популярностью въ арміи, чему, отчасти способствовало и его нѣмецкое происхожденіе.

Багратіонъ, одинъ изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ Суворова, былъ типомъ боевого практика. Способности онъ имѣлъ выдающіяся, но образованіемъ не обладалъ и потому, будучи великолѣпнымъ предводителемъ на ограниченномъ пространствѣ тогдашняго поля сраженія, пока не требовалось широкихъ стратегическихкихъ соображеній, чувствовалъ себя гораздо менѣе увѣренно во главѣ армій, когда приходилось самостоятельно вести операціи на обширномъ сравнительно театрѣ. Обладая безстрашіемъ, хладнокровіемъ и находчивостью въ бою, Багратіонъ въ Итальянскомъ и особенно Швейцарскомъ походахъ всегда назначался Суворовымъ въ самыя опасныя и отвѣтственныя мѣста. Въ 1805 же году подъ Шенграбеномъ со своимъ слабымъ арьергардомъ онъ оказалъ блестящій подвигъ, вынеся на своихъ плечахъ напоръ Наполеоновскаго авангарда и тѣмъ обезпечивъ благополучный отходъ фланговымъ движеніемъ

всей арміи Кутузова, которая иначе рисковала быть совершенно отрѣзанной. Багратіонъ, въ противоположность Барклаю, пользовался въ арміи огромнымъ обаяніемъ. Имя его было связано съ свѣжею еще для всѣхъ памятью „чудо-вождя“, неподражаемаго Суворова. Багратіонъ къ тому же былъ воспитанъ въ Суворовской школѣ, зналъ солдата, умѣлъ съ нимъ говорить, умѣлъ на него дѣйствовать, и вліяніе его на войска могло, когда нужно, быть чудодѣйственнымъ.

Вообще, большинство нашихъ генераловъ и офицеровъ того времени еще не утратили благотворнаго вліянія Суворовскихъ завѣтовъ, и духъ величайшаго русскаго полководца еще жилъ въ арміи... Но, наряду съ этимъ, сказывалась въ арміи и народившаяся при Императорѣ Павлѣ гатчинская школа, въ которой въ военномъ дѣлѣ все отдано было въ жертву показной внѣшности. Въ то же время при главной квартирѣ и непосредственно около Государя было множество лицъ безъ опредѣленныхъ назначеній и самаго разнообразнаго происхожденія, всякаго рода выходцевъ, пріютившихся (въ родѣ Фуля) на русской службѣ. Каждому такому авантюристу хотѣлось выдѣлиться, обратить на себя вниманіе, понятно, цѣною крушенія чьей-либо карьеры; очевидно, поэтому, что здѣсь было гнѣздилище всевозможныхъ интригъ и пересудовъ, осложнявшихъ до крайности и безъ того уже ненормально установленныя на верхахъ командныя отношенія.

Первоначально французская армія, въ первыхъ числахъ мая расположилась по линіи р. Вислы, имѣя лѣвый флангъ (I корп. Даву) у *Эльбинга*, а правый флангъ (VII корпусъ Ренье) у *Козеницы*, не считая австрійскаго корпуса Шварценберга, собиравшагося у *Львова*, въ Галиціи. Въ такомъ положеніи фронтъ французскихъ войскъ отъ Эльбинга до Козеницы былъ около 300 верстъ; но такъ какъ, при равномъ почти съ нами протяженіи его, у французовъ силъ было вдвое болѣе (не считая войскъ въ тылу и на флангахъ), то ихъ исходное положеніе мы вправѣ признать сосредоточеннымъ, въ противоположность нашей растянутости.

Въ указанномъ выше положеніи французская армія провела около трехъ недѣль, отдыхая послѣ продолжительныхъ маршей въ періодъ сосредоточенія.

19 мая Наполеонъ прибылъ въ Познань и 22-го въ Торнь, уже составивъ себѣ, по обыкновенію въ общихъ чертахъ, планъ предстоящихъ дѣйствій.

Конечно цѣлью этого плана являлась Москва. „Если я займу Кіевъ,—говорилъ онъ,—,я возьму Россію за коги; если овладѣю Петербургомъ, я возьму ее за голову; занявъ-же Моснву—я поражу ее въ сердце“.

Для достиженія этой цѣли онъ рѣшилъ воспользоваться нашими ошибками и планъ свой всецѣло обосновалъ, какъ на разбросанномъ и растянутомъ положеніи нашемъ, такъ и на томъ неблагопріятномъ разъединяющемъ вліяніи, которое оказывали на это развертываніе свойства Полѣсья.

Сосредоточивъ главную массу своихъ войскъ въ Восточной Пруссіи, онъ намѣренъ былъ быстро перебросить ее черезъ среднее течение Нѣмана и, откинувъ часть нашихъ силъ на сѣверъ, захватить Вильну. Движеніе это должно было быть такъ соображено, чтобы сразу разъединить наши силы и предупредить ихъ на кратчайшемъ направленіи къ Москвѣ.

Свои войска Наполеонъ собралъ въ слѣдующія главныя группы, которыя, хотя и не получили опредѣленнаго наименованія, но, по существу дѣла, соотвѣтствовали современному понятію о *частныхъ арміяхъ*.

Главная масса, 220 тысячъ *), подъ личнымъ начальствомъ самого Наполеона, должна была перейти Нѣманъ близъ Ковно и нанести главный ударъ въ центръ нашей сильнѣйшей 1-й арміи, отбрасывая еѣ къ сѣверу.

Другая группа, 80 тысячъ **), подъ начальствомъ вестфальскаго короля Иеронима (Жерома) Бонапарта, образуя правое крыло, должна была, сдерживая нашу 2-ю армію, обезпечить флангъ и тылъ главной массы.

Наконецъ третья группа, тоже 80 тысячъ ***), подъ начальствомъ вице-короля Евгенія, пасынка Наполеона, направлена была въ промежутокъ между вышеуказанными двумя, вклиниваясь между обѣими нашими арміями и тѣмъ содѣйствуя успѣху первыхъ двухъ группъ, а также способствуя разъединенію русскихъ силъ.

*) Гвардія, корпуса I, II, III и 1-й и 2-й кавалерійскіе.

**) Корпуса V, VII, VIII и 4-й кавалерійскій.

***) Корпуса IV, VI и 3-й кавалерійскій.

Успѣхъ этого замысла, который, какъ и всѣ планы Наполеона, поражаетъ своею простотою, вѣрнымъ признакомъ истиннаго генія, и удивительной проникновенностью въ обстановку, обезпечивался: во-первыхъ соотвѣтственнымъ направлениемъ отдѣльныхъ крыловыхъ корпусовъ, а затѣмъ—цѣлымъ рядомъ демонстрацій, долженствовавшихъ ввести насъ въ заблужденіе и замаскировать истинныя намѣренія французовъ.

Съ праваго фланга Шварценбергъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Торماسова, а Макдональдъ съ лѣваго фланга наступать на Тильзитъ—Ригу, захватъ которой давалъ бы французамъ возможность впослѣдствіи, какъ уже сказано было, использовать для подвоза водный путь по западной Двинѣ.

Демонстративныя мѣры были направлены къ тому, чтобы вселить въ насъ убѣжденіе, что главный ударъ будетъ направленъ на Воынь. Для этого корпусъ (VII) Ренье, входившій въ составъ группы короля Іеронима, былъ расположенъ близъ самой австрійской границы; Іерониму указано сдѣлать распоряженіе о заготовкѣ въ Люблинѣ большого запаса сухарей и объ отводѣ ему тамъ квартиры; Ренье долженъ былъ распускать слухи, что его корпусъ будетъ переправляться у Пулавъ для дальнѣйшаго движенія къ Замостью, о чемъ Іеронимъ даже сообщилъ официально коменданту этой крѣпости. Вице-король Евгенийъ распускалъ слухи о предстоящемъ своемъ движеніи *на Варшаву*; туда-же сдѣланы были предупрежденія о близкомъ прибытіи Наполеона; вмѣстѣ съ тѣмъ Бертье, начальникъ штаба Императора, официально предварялъ о скоромъ осмотрѣ послѣднимъ войскъ V корпуса и праваго крыла. Всѣ эти распоряженія, о которыхъ черезъ шпионовъ дѣлалось сейчасъ-же извѣстнымъ у насъ, должны были заставить насъ думать, что ударъ свой полководецъ направляетъ въ *юго-восточномъ направленіи*, черезъ Варшавское герцогство, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, онъ намѣренъ былъ обрушиться на насъ въ восточномъ и частью сѣверо-восточномъ направленіи.

Принятая Наполеономъ группировка силъ расчитана была не только на болѣе вѣроятный случай нашего отступленія въ цѣляхъ исканія соединить свои силы гдѣ-либо въ глубинѣ страны (что и случилось), но и на случай возможнаго наступленія нашего лѣваго фланга (что и предполагалось по плану Фуля). Въ предвидѣніи этого, Іеронимъ долженъ былъ, съ началомъ общаго на-

Евгеній Богарне.

ступленія, не прекращая демонстрацій на Волюнь, двигаться по отношенію къ главнымъ силамъ нѣсколько назадъ уступомъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ нашего наступленія, тотчасъ же начать отходить на сѣверо-западъ къ Модлину (Новогеоргіевскъ), пользуясь чѣмъ, самъ Наполеонъ намѣренъ былъ, быстро перемѣнивъ фронтъ на югъ, перехватить намъ сообщенія.

Наступленіе французы (главныя силы) начали 25 мая. Освѣдомленный о передвиженіи Багратіона изъ Луцка сѣвернѣе Польска (что, какъ извѣстно, вызывалось соотвѣтствующимъ видоизмѣненіемъ нашего плана), Наполеонъ понялъ это, какъ приведеніе нами въ исполненіе его предположенія, т. е. что мы намѣрены сосредоточиться гдѣ-либо у Бѣлостока или Бреста и отсюда потѣснить его правое крыло. Онъ рѣшилъ поэтому сперва перейти Нѣманъ и, потѣснивъ 1-ю армію, овладѣть Вильной, а затѣмъ уже обрушиться на 2-ю армію, которую пока долженъ былъ удержать Іеронимъ.

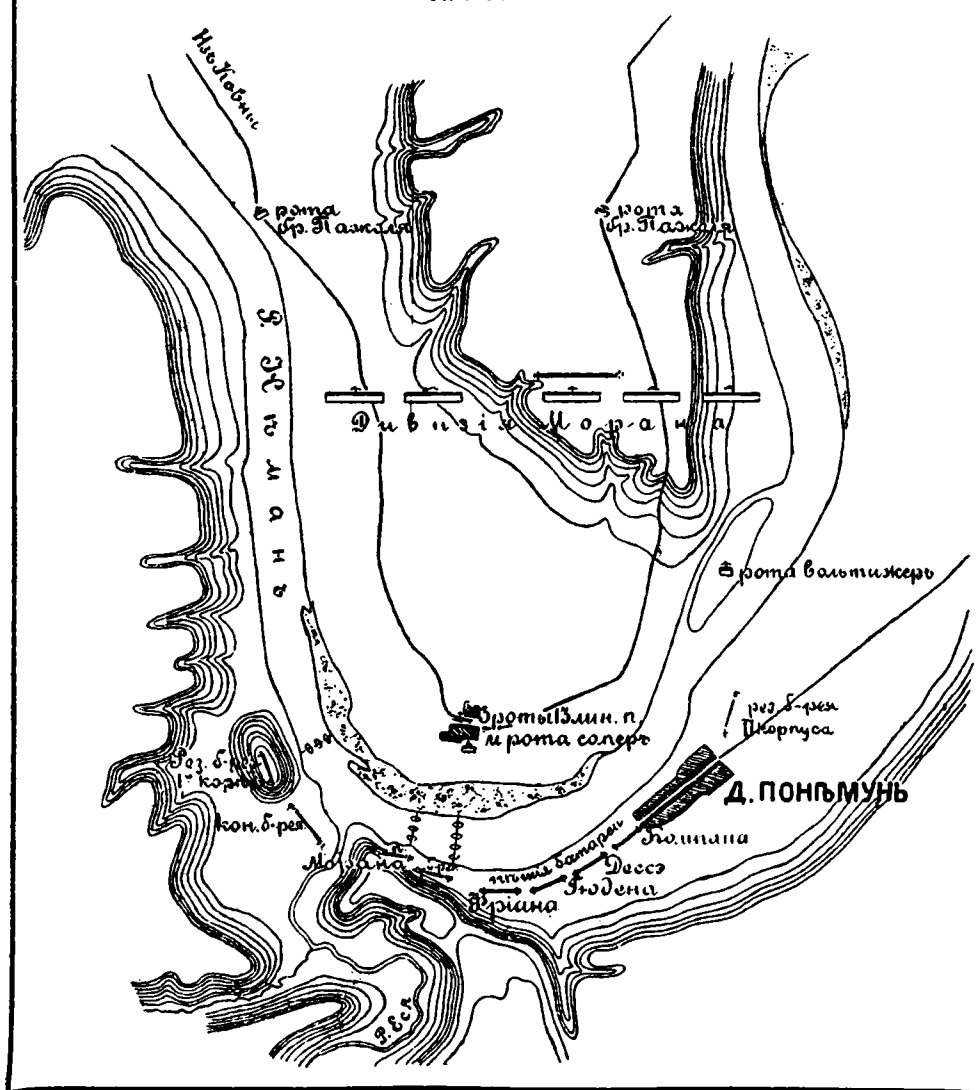
Для переправы избраны окрестности Ковны. Въ этомъ выборѣ немалую роль играло то соображеніе, что здѣсь въ Нѣманъ впадаетъ Вилія, которую, до Вильны, можно было воспользоваться какъ воднымъ комуникаціоннымъ путемъ *).

11 іюня Наполеонъ, переодевшись въ польскій мундиръ, лично осмотрѣлъ окрестности Ковны и окончательно избралъ мѣсто для переправы, нѣсколько выше города, у д. Понѣмунь. Здѣсь рѣка, между д. д. Еся и Понѣмунь, дѣлаетъ глубокую излучину въ сторону лѣваго берега, образуя полуостровъ около 3 верстъ длины и $1\frac{1}{2}$ в. ширины. Лѣвый нагорный берегъ, охватывая этотъ полуостровъ дугою, значительно надъ нимъ командуетъ. У д. Еся въ Нѣманъ втекаетъ ручей; здѣсь возвышается высокая вершина, которую донинѣ мѣстные крестьяне зовутъ „Наполеоновой горой“. Нѣсколько выше д. Понѣмунь на рѣкѣ имѣется островъ.

Такія мѣстныя условія ставили обороняющагося, подвергавшагося на полуостровѣ перекрестному огню съ командующихъ высотъ, въ крайне невыгодное положеніе; деревня Новый Дворъ, роща впереди ея и самый городъ Ковно, послѣ захвата ихъ пере-

*) Расчеты эти не оправдались, такъ какъ рѣка эта оказалась слишкомъ извилистой и порожистой.

СХЕМА ПЕРЕПРАВЫ У КОВНЫ 12 июня

довыми частями, создавали отличную опору для прикрытия устройства мостовъ.... Словомъ, избранное Наполеономъ для переправы мѣсто точно на заказъ удовлетворяло всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ тактикою для наступательной переправы....

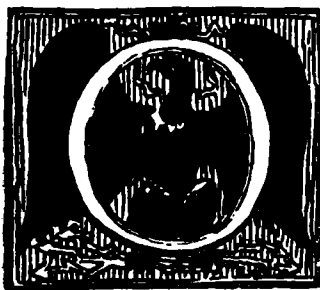
Руководство переправой возложено было Наполеономъ на Маршала Даву, который со своимъ корпусомъ долженъ былъ переправляться въ головѣ арміи. Къ вечеру 11 іюня, войска были подведены къ рѣкѣ, вблизи которой и расположились скрытно. Огни разводить было воспрещено и приказано соблюдать полную тишину. Когда совершенно стемнѣло, на лодкахъ и на плотахъ переправились на тотъ берегъ три роты пѣхоты и рота саперъ, которыя, отогнавъ наши казачьи посты, укрѣпились въ дер. Новый Дворъ, прикрывъ голову переправы. Островъ выше Понѣмуни былъ занятъ еще одной ротою, а 68 орудій артиллеріи I и II корпусовъ развернулись дугою на нагорномъ берегу. Къ 11 час. вечера три моста были наведены, и войска „великой арміи“, могучимъ, неудержимымъ потокомъ двинулись, безъ объявленія войны, въ предѣлы той Россіи, откуда лишь очень немногимъ изъ нихъ суждено было возвратиться...

Отходъ первой арміи и занятіе французами Вильны. Сосредоточеніе 1-й арміи къ Свенцянамъ.

Распоряженія Наполеона для дѣйствій противъ Багратіона. Положеніе 2-й арміи съ начала войны и до достиженія Багратіономъ Невежи. Дѣло у Мира.

переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ стало извѣстнымъ въ Вильнѣ, поздно вечеромъ 12 іюня. Императоръ Александръ (находившійся на балу въ моментъ полученія этого донесенія) немедленно объявилъ о вторженіи въ приказѣ по арміи, выразивъ одновременно въ рескриптѣ фельдмаршалу графу Салтыкову свою непреклонную волю вести борьбу до послѣдней крайности. „Я не положу оружія—выразился Государь—доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.

Положеніе 1-й арміи, фронтъ которой оказывался прорваннымъ, было весьма рискованное. VI корпусу Дохтурова, бывшему въ Лидѣ, грозила участь быть отдѣленнымъ отъ остальныхъ силъ арміи, и онъ легко могъ подвергнуться отдѣльному пораженію. Чтобы, по возможности, обезопасить его отъ этого, Барклай задержалъ два корпуса (III и IV), подъ Вильной. Вообще, надо сказать,

что Барклай не сочувствовалъ взгляду Фуля, по которому слѣдовало 1-й арміи немедленно и безостановочно отходить къ Свенцянамъ. Командующій 1-й арміей считалъ, что надо прежде дожидаться соприкосновенія съ противникомъ и вести отступление только подъ непосредственнымъ его давленіемъ, задерживая его гдѣ и какъ возможно. Помимо этого судьба Дохтурова его весьма заботила. Но выждать въ Вильнѣ удалось только до 16-го; развѣзды доносили о томъ, что грозныя по числу силы французовъ надвигались съ запада и юго-запада, такъ что долѣе медлить было нельзя....

Тѣмъ временемъ Императоръ Александръ, выѣхавшій изъ Вильны рано утромъ 13 іюня, по прибытіи въ Свенцяны, тотчасъ-же далъ указанія Багратиону и казачьему отряду Платова (бывшему у Гродно) въ томъ смыслѣ, чтобы Платовъ шелъ на соединеніе съ 1-й арміей черезъ Лиду—Сморгонь на Свенцяны, а чтобы 2-я армія сообразовала свое движеніе съ Платовымъ и не допускала отрѣзать себя отъ направленія на Минскъ—Борисовъ. Когда-же выяснилось, что главная масса французовъ наступаетъ противъ 1-й арміи, было рѣшено тотчасъ-же помочь ей, притянувъ Багратиона такъ, чтобы онъ могъ облегчить положеніе Барклая, нажавъ на правый флангъ французовъ.

Въ дѣйствительности, какъ увидимъ далѣе, положеніе 2-й арміи въ это время не позволяло ей и думать о чемъ-либо подобномъ.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ, со своею главною массою, 16 іюня, послѣ незначительнаго кавалерійскаго дѣла, занялъ Вильно. Вступленіе его въ этотъ городъ, древнюю столицу великаго княжества Литовскаго, обставлено было весьма торжественно. Польское населеніе, только что восторженно привѣтствовавшее пребывавшаго въ Вильнѣ Императора Александра, теперь, со свойственнымъ ему непостоянствомъ и легкомысліемъ, предавалось шумной радости по адресу властелина, на котораго польскіе патріоты возлагали всѣ упованія въ отношеніи возстановленія былаго величія своей родины.

Проѣхавъ черезъ городъ, осмотрѣвъ окрестности и распорядившись наводкой мостовъ черезъ Вилію, Наполеонъ располо-

**Императоръ Александръ на балу получаетъ извѣстіе о
вторженіи непріятеля.**

Рис. М. Яковлевъ.

жился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, имѣлъ пребываніе Императоръ Александръ.

По занятіи Вильны, Наполеонъ не прекратилъ преслѣдованія нашихъ отступавшихъ войскъ. Прежде всего онъ организовалъ широкую развѣдку, выславъ по всѣмъ путямъ конницу, поддержанную сильными пѣхотными авангардами. Эта развѣдка выяснила ему, во-первыхъ, что главныя силы русскихъ отступаютъ къ Свенцянамъ, а затѣмъ раскрыла присутствіе русскихъ войскъ также въ южномъ и юго-восточномъ направленіяхъ отъ Вильны. Войска эти въ началѣ приняты были Наполеономъ за нашу 2-ю армію, пока онъ не получилъ о ней болѣе вѣрныхъ свѣдѣній. Въ дѣйствительности же это былъ VI корпусъ Дохтурова, отступившій изъ Лиды, а также авангардъ IV корпуса подъ начальствомъ Дорохова, который, будучи у Оранъ, оказался неожиданно отрѣзанъ французами отъ своихъ. Дохтуровъ, преодолевъ большія трудности и дѣлая въ день по сорока съ лишнимъ верстъ, проскочилъ благополучно мимо непріятеля и нагналъ армію. Что же касается до Дорохова, то ему такъ и не удалось пробиться на сѣверъ; приказаніе объ отступленіи до него не дошло; когда же онъ сталъ пытаться пройти на соединеніе къ своимъ, оказалось, что всѣ пути уже заняты французами, и не осталось другого исхода, какъ идти на соединеніе со 2-й арміей. Такая-же судьба какъ увидимъ ниже, постигла и казачій отрядъ Платова, бывшій у Гродно.

Въ самый день занятія французами Вильны, 16 іюня, произошло дѣло у Вилькомира, между передовыми войсками корпуса Удино и арьергардомъ нашего I корпуса графа Витгенштейна. Начальствовавшій этимъ арьергардомъ генераль Кульневъ, герой шведской войны 1808—09 года, искусно укрывъ свои войска въ лѣсистой мѣстности, подпустилъ противника бывшего безъ артиллеріи, на близкое разстояніе, а затѣмъ быстро привелъ его въ разстройство энергичнымъ огнемъ. Возобновленное противникомъ наступленіе, уже всѣми силами, причемъ главная масса корпуса грозила нашему арьергарду обходомъ, заставило Кульнева постепенно отойти.

Къ 19 іюня 1-я армія (кроме корпуса Дохтурова) была уже на линіи Свенцянь, причемъ отступала медленно и пріостанавливаясь.

Получивъ приказаніе Баркляя-де-Толли идти на соединеніе съ 1-й арміей къ Свенцянамъ, Дохтуровъ собралъ свой корпусъ 15 іюня къ Ольшанамъ. 3-й кавалерійскій корпусъ графа Палена, съ придачею двухъ егерскихъ полковъ, долженъ былъ прикрывать фланговое движеніе Дохтурова. Шестъ эскадроновъ полковника Крейца, выдвинутые къ Ошмянамъ, для обезпеченія корпуса съ лѣваго фланга, застали этотъ городъ, на разсвѣтъ 17 числа, въ рукахъ французовъ, которыхъ и выбили внезапнымъ налетомъ. Но къ полудню непріятель усилился; однако Крейць удерживался здѣсь до вечера и только въ темнотѣ отошелъ къ Сморгони, на присоединеніе къ графу Палену.

Пѣхота 6-го корпуса уже перешла Вилію, чтобы избѣжать французской конницы, двигавшейся ему наперерѣзъ. Дохтуровъ сдѣлалъ переходъ болѣе 40 верстъ, пользуясь обывательскими подводами для ранцевъ. Продолжая свое форсированное движеніе, Дохтуровъ къ 19 іюня достигъ Кобыльниковъ, совершенно ускользнувъ изъ подъ ударовъ французовъ.

Фронтъ 1-й арміи такимъ образомъ нѣсколько сократился; съ первоначальныхъ почти 200 верстъ (Кейданы—Лида) онъ уменьшился вдвое, до 100 верстъ.

Зато разстояніе между обѣими арміями, съ первоначальныхъ 100 верстъ *увеличилось до 250 верстъ*, и какъ разъ въ этомъ промежуткѣ, на прямомъ пути соединенія нашихъ силъ, была главная масса Наполеоновскихъ войскъ.

Итакъ, съ первыхъ же дней кампаніи Наполеонъ искусно воспользовался неправильнымъ исходнымъ положеніемъ нашихъ силъ, разрѣзалъ ихъ на-двое и пріобрѣлъ крайне выгодное (т. наз. въ стратегіи „внутреннее“) положеніе, позволявшее бить группы противника по очереди.

Чтобы понять, какъ это случилось, необходимо изложить первоначальныя дѣйствія нашей 2-й арміи, а затѣмъ и мѣры, принятыя нашимъ противникомъ; тогда критическое положеніе нашихъ силъ станетъ болѣе яснымъ.

По плану Наполеона, какъ сказано выше, противъ 2-й арміи долженъ былъ дѣйствовать съ 80 тысячами король Іеронимъ.

Ему приказано было перейти Нѣманъ у Гродно, но не на-сѣдять сразу на 2-ю армію, а лишь привлечь на себя ея внима-

КАРТА

ТЕАТРА СТРАТЕГИЧЕСКАГО РАЗВЕРТЫВАНІЯ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІЙ

Наконецъ, 21 іюня вечеромъ вестфальскій король получилъ отъ своего брата императора давно жданныя указанія, общій смыслъ которыхъ заключался въ необходимости для него какъ можно энергичнѣе преслѣдовать по пятамъ Багратіона. Остановка Іеронима, якобы для того, чтобы подтянуть свои растянувшіяся на маршѣ силы, признавалась пагубной. „Всѣ плоды моихъ маневровъ и прекраснѣйшій случай, когда либо представлявшійся на войнѣ, потеряны вслѣдствіе такого страннаго забвенія основныхъ понятій военнаго дѣла“, писалъ раздраженный Наполеонъ. Чтобы исправить ошибку брата и не дать Багратіону ускользнуть, Наполеонъ изъ Вильны выдѣлилъ около 50 тысячъ подъ начальствомъ Даву, лучшаго изъ своихъ маршаловъ, неоднократно выказавшаго способность къ самостоятельному командованію. Даву долженъ былъ двигаться такъ, чтобы *перехватывать* всѣ дороги, связующія путь слѣдованія 2-й арміи съ 1-й арміей, и всюду *предупреждать* стремленіе Багратіона идти на соединеніе съ Барклаемъ. Поэтому Даву и избралъ направленіе на Ошмяны—Воложинъ—Минскъ. Въ свою очередь Наполеонъ двинулъ во слѣдъ за Барклаемъ 110 тыс. массу подъ начальствомъ Мюрата, а самъ съ гвардіей остался для административныхъ и хозяйственныхъ распоряженій въ Вильнѣ, южнѣе которой двигались войска вице-короля Евгенія.

Въ теченіе проведенныхъ здѣсь восемнадцати дней, великій полководецъ преимущественно пополнялъ свои свѣдѣнія о театрѣ войны, старался привлечь къ себѣ мѣстное населеніе и возстановить его противъ Россіи, а затѣмъ—посвятилъ немало времени мѣрамъ по устройству тыла и по организаціи управленія занятыми областями.

Между прочимъ въ Вильнѣ приняты были Наполеономъ и генераль-адъютантъ Балашовъ, посланный Императоромъ изъ той-же Вильны, по полученіи вѣсти о переходѣ французами Нѣмана, въ цѣляхъ послѣдней попытки къ примиренію *).

Князь Багратіонъ еще 13 іюня былъ извѣщенъ Барклаемъ о начатіи французами переправы черезъ Нѣманъ и о томъ, что главная масса французовъ сосредоточена между Ковной и Мере-

*) Пріемъ этотъ и все сказанное при этомъ Наполеономъ въ точности воспроизведены въ романѣ „Война и Миръ“.

Принцъ Жеромъ Бонапартъ.

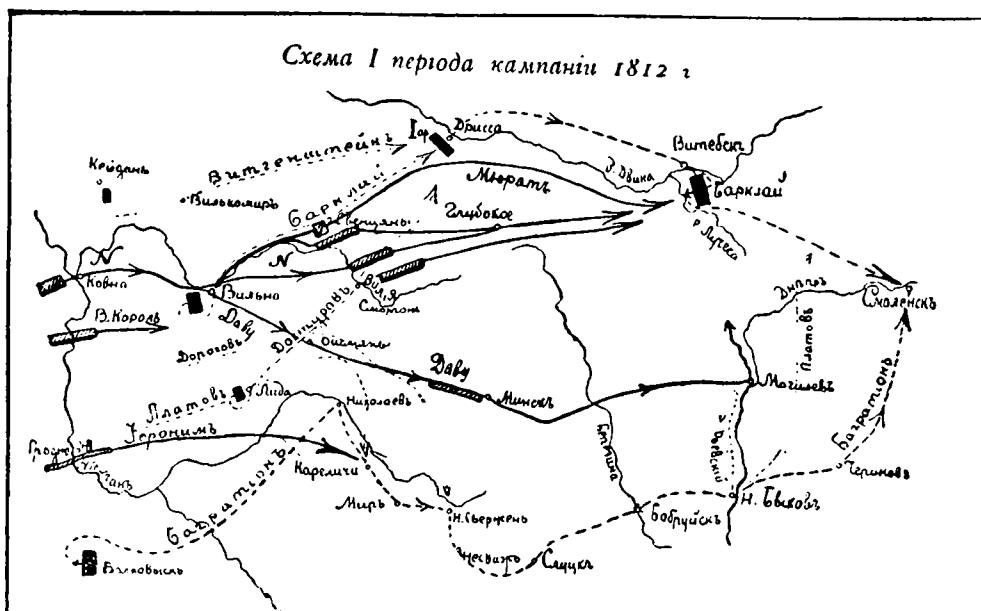
чемъ; на другой день ему было сообщено объ отходѣ 1-й арміи къ Вильнѣ. Согласно данныхъ ему первоначальныхъ, основанныхъ на Фулевскомъ планѣ, указаній, Багратіонъ долженъ былъ отступать лишь передъ превосходными силами; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ, что французы, если онъ промедлитъ, могутъ занять раньше его Минскъ и совершенно отрѣзать его отъ Баркляя. Поэтому онъ не только испросилъ у Государя разрѣшеніе отходить къ Минску, но даже, не дождавшись отвѣта, самъ началъ это отступление; мало того, чтобы обезпечить за собою вышеназванный пунктъ, пріобрѣтавшій для него огромное значеніе,—значеніе спайки, черезъ которую могла быть восстановлена связь съ 1-й арміей,—Багратіонъ распорядился, чтобы шедшая къ нему на присоединеніе изъ Москвы 27-я пѣх. дивизія удерживала Минскъ въ случаѣ появленія французовъ со стороны Вильны, причѣмъ дивизію эту было велѣно усилить находившимися въ тылу арміи частями.

Выступивъ 16 іюня изъ Волковыска, князь Багратіонъ пошелъ въ направленіи на Слонимъ, причѣмъ 18 іюня, у Зельвы, вся его армія была сосредоточена, за исключеніемъ арьергарда, въ составъ котораго назначена была сводная гренадерская дивизія г. м. графа Воронцова съ двумя полками конницы г. ад. князя Васильчикова.

По соединеніи всѣхъ своихъ силъ въ Зельвѣ, главнокомандующій 2-ю западной арміей отдалъ нижеслѣдующій приказъ:

„Воины русскіе! нужно-ли мнѣ возбуждать любовь вашу къ „Отечеству, когда Государь призываетъ васъ къ защитѣ онаго? „Намъ остается внимать гласу Его и, съ надеждою на помощь „Всемогущаго Бога, слѣпымъ повиновеніемъ начальству и неустрашимостью на полѣ брани, заставить раскаяться врага, дерзнувшаго ступить на землю русскую“.

Между тѣмъ, прибывшій 18 іюня къ Багратіону отъ Государя флигель-адъютантъ Бенкендорфъ передалъ ему Высочайшее повелѣніе идти въ сѣверно-западномъ направленіи, на Бѣлицу или Новогрудокъ, для содѣйствія 1-й арміи, которую предполагалось отвести къ Дрисскому лагерю, гдѣ и принять бой. Такимъ образомъ пока еще придерживались Фулевскихъ идей, и 2-я армія должна была выходить въ тылъ и флангъ противнику, атакующему первую. Но для выполненія этого распоряженія 2-й арміи надле-

жало совершить опасный фланговый маршъ передъ войсками короля Іеронима; о движеніи же Даву Багратіону покамѣсть еще ничего извѣстно не было. Придя 21-го, послѣ пяти дней марша, въ Новогрудокъ, причѣмъ подъ непрерывнымъ дождемъ было пройдено до 150 верстъ, Багратіонъ узналъ, черезъ еврейскаго шпиона, что на Воложинѣ, со стороны Нѣмана, идутъ большія силы французовъ, ему наперерѣзъ. Это былъ Даву. Свѣдѣнія эти вскорѣ подтверждены были донесеніями Дорохова и Платова, которые правымъ берегомъ Нѣмана вынуждены были идти на присоединеніе ко 2-й арміи.

Дѣйствительно, Платовъ со своими казаками, бывшій въ Гродно, пошелъ, согласно полученнаго имъ предписанія, на Щучинъ къ Лидѣ, куда прибылъ 19 іюня. Уничтоживъ бывшіе здѣсь продовольственныя склады, чтобы не достались непріятелю, Платовъ вознамѣрился идти на Вишневь, на соединеніе съ 1-й арміей, но оказалось, что Вишневь уже занятъ войсками Даву. Тогда Платовъ рѣшился повернуть на Бакшты, на соединеніе съ отрядомъ Дорохова, тоже отрѣзаннымъ отъ 1-й арміи.

Дорохову Багратіонъ тотчасъ-же предписалъ упорно держаться въ Воложинѣ, куда могъ присоединиться и шедшій черезъ Лиду Платовъ; самъ-же Багратіонъ рѣшилъ переправить армію черезъ Нѣманъ

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.
(Съ гравированнаго портрета начала XIX столѣтя).

у Николаева и броситься на флангъ Даву. Но, когда часть 2-й арміи уже успѣла перейти на ту сторону рѣки, новыя донесенія установили приближеніе съ запада войскъ короля Іеронима; конница его была уже въ 25 верстахъ отъ Николаева. Если продолжать идти противъ Даву, то приходилось бросить обозы на жертву новому врагу и, въ случаѣ неудачи, рисковать полною гибелью, такъ какъ пришлось бы очутиться между двухъ огней. Багратіонъ мгновенно мѣняетъ рѣшеніе и, не колеблясь, приказываетъ уже переправившимся войскамъ немедленно идти обратно; онъ думаетъ попасть въ Минскъ черезъ Новый Свержень (въ истокахъ Нѣмана), въ расчетѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ Платовъ съ Дороховымъ съумѣютъ развлечь вниманіе Даву и задержать его.

На рѣшеніе князя Багратіона уклоняться отъ встрѣчи съ Даву въ данномъ случаѣ несомнѣнно оказывали извѣстное вліяніе преувеличенныя свѣдѣнія о силахъ корпуса Даву. У насъ первоначально предполагали, что здѣсь былъ весь его корпусъ, какъ извѣстно самый сильный у Наполеона. Но въ данномъ случаѣ Наполеонъ двинулъ Даву только съ тремя дивизіями. Съ другой стороны, Багратіонъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе, въ которомъ категорически указывалось „избѣгать рѣшительныхъ сраженій съ сильнѣйшимъ непріателемъ“.

Этотъ замѣчательный флангово-отступательный маршъ Багратіона заслуживаетъ быть занесеннымъ на скрижали исторіи, въ качествѣ классическаго примѣра. Разъяснивъ войскамъ въ особомъ приказѣ всю необходимость какъ можно быстрѣе достигнуть Минска и предупредить тамъ противника, а также сообщивъ имъ объ успѣхахъ Платова, Багратіонъ приказалъ идти „распашнымъ шагомъ“; при этомъ мясную и винную порціи приказано было отпустить дважды въ день.

„Г.г. начальникамъ вселить въ солдатъ, что всѣ войска не „пріятельскія не иначе что, какъ сволочь со всего свѣта; мы же „русскіе и единовѣрные. Они храбро драться не могутъ; особливо „же боятся нашего штыка. Наступай на него. Пуля мимо. По- „дойти къ нему—онъ побѣжитъ. Пѣхота коли, кавалерія руби и „топчи....

„Тридцать лѣтъ моей службы и тридцать лѣтъ, какъ я вра- „говъ побѣждаю черезъ вашу храбрость. Я всегда съ вами и вы

„со мною.... Въ Голлабрюннѣ (Шенграбенѣ) храбрые полки, Кіев-
 „скій гренадерскій, 6 егерскій и Черниговскій драгунскій, были сви-
 „дѣтелями, какъ мы, бывъ окружены стотысячною арміей, въ
 „числѣ 4.000 и безъ провіанта пробились сквозь и взяли въ
 „плѣнъ французовъ. Теперь насъ пятьдесятъ тысячъ, у насъ, кромѣ
 „провіанта, есть вино и мясо, есть и того болѣе—доброй воли
 „служить Государю Императору вѣрно“....

Наэлектризовавъ такимъ образомъ свои войска, Багратіонъ отправилъ Государю Императору донесеніе, разъяснявшее причины, по которымъ онъ вынужденъ былъ не выполнить назначенное ему движеніе на Вилейку и идти на Минскъ. Но этого послѣдняго намѣренія Багратіону, все таки, осуществить не пришлось. Поступавшія непрерывно донесенія свидѣтельствовали, что, съ одной стороны, 2-ю армію нагоняетъ Іеронимъ, а съ другой, что путь на Минскъ перехваченъ французами. Дороховъ былъ отбѣсненъ превосходными силами противника; Минскій губернаторъ вынужденъ былъ распорядиться вывозомъ изъ города денегъ и имущества; наконецъ, посланный Государемъ флигель-адъютантъ Бенкендорфъ, возвращавшійся черезъ Минскъ, далъ знать, что непріятель готовъ занять этотъ городъ тотчасъ послѣ его проѣзда.

Съ другой стороны передовая польская конница войскъ вестфальскаго короля показала уже у Новогрудка.

Продолжать при такихъ условіяхъ движеніе на Минскъ—значило бы рисковать тѣмъ же, что угрожало Багратіону при движеніи на Вилейку, т. е. быть зажатымъ въ клещи.

25 іюня, въ Мирѣ, Багратіонъ принялъ новое отважное рѣшеніе: отказаться отъ движенія на Минскъ и повернуть на Бобруйскъ, т. е. продолжить свое флангово-отступательное движеніе, причѣмъ войска Даву, уже подходившія къ Минску, приходилось обгонять.

Принявъ на себя въ Новомъ Сверженѣ отрядъ Дорохова, который, продержавшись сколько можно въ Воложинѣ, отошелъ на соединеніе со 2-й арміей, Багратіонъ, прикрываясь Нѣманомъ, продолжалъ движеніе на Несвижъ. Съ тыла этотъ отходъ былъ обезпеченъ Платовымъ съ его казачьей конницей (11 полковъ), которая перешла Нѣманъ у Николаева и, передвинувшись отъ Каре-

личей къ Миру, вошла въ соприкосновеніе съ конницей праваго крыла французовъ.

Несогласія между главнокомандующими Барклаемъ и княземъ Багратіономъ, столь вредно отразившіяся на послѣдующемъ періодѣ кампаніи, послѣ соединенія обѣихъ армій и до прибытія Кутузова, возникли еще съ самаго начала войны, какъ только войска наши стали отходить отъ границы. Барклай-де-Толли, не уясняя себѣ дѣйствительной обстановки, былъ недоволенъ тѣмъ, что Багратіонъ повелъ свое отступленіе въ расходящемся направленіи и приписывалъ ему отвлеченіе отъ первоначальнаго плана дѣйствій летучаго отряда Платова. Въ свою очередь Багратіонъ, считая, что именно противъ него сосредоточены главныя силы Наполеона, вмѣнялъ въ вину Барклаю, что онъ не атакуетъ противника во флангъ, чѣмъ облегчилось бы положеніе 2-й арміи. Не вникая въ положеніе дѣлъ „въ цѣломъ“ чего всегда требовалъ еще великій Суворовъ („смотри на дѣло въ цѣломъ“), оба они принимали во вниманіе лишь положеніе каждой арміи въ отдѣльности, наглядно подтверждая этимъ ненормальность самостоятельнаго дѣйствія двухъ отдѣльныхъ армій на одномъ и томъ-же театрѣ войны.

Императоръ Александръ, находившійся при 1-й арміи и потому, естественно, подпадавшій вліянію тѣхъ условій и обстоятельствъ, ближайшимъ свидѣтелемъ которыхъ онъ являлся, былъ недоволенъ образомъ дѣйствій Багратіона, находя, что послѣдній имѣлъ возможность пробиться въ направленіи на Минскъ. Но тѣмъ не менѣе онъ не выражалъ ему открыто своего недовольства, продолжая въ наставленіяхъ своихъ указывать на необходимость „дѣйствовать съ осмотрительностью“, подчеркивая, что главная цѣль „должна клониться къ тому, чтобы выиграть время“.

26 іюня Багратіонъ пришелъ въ Несвижъ, дѣлая все время не менѣе, какъ по 30 верстъ въ сутки. Страшное утомленіе войскъ, отчаянныя дороги, непрерывные дожди и задержка въ движеніи обозовъ побудили его дать здѣсь роздыхъ. Въ свою очередь Даву, достигнувъ Минска, счелъ главную часть своей задачи (помѣшать нашимъ арміямъ соединиться) выполненною и, держа въ своихъ рукахъ кратчайшій путь на Смоленскъ, также рѣшилъ предоставить своимъ утомленнымъ до крайности войскамъ возможность отдохнуть.

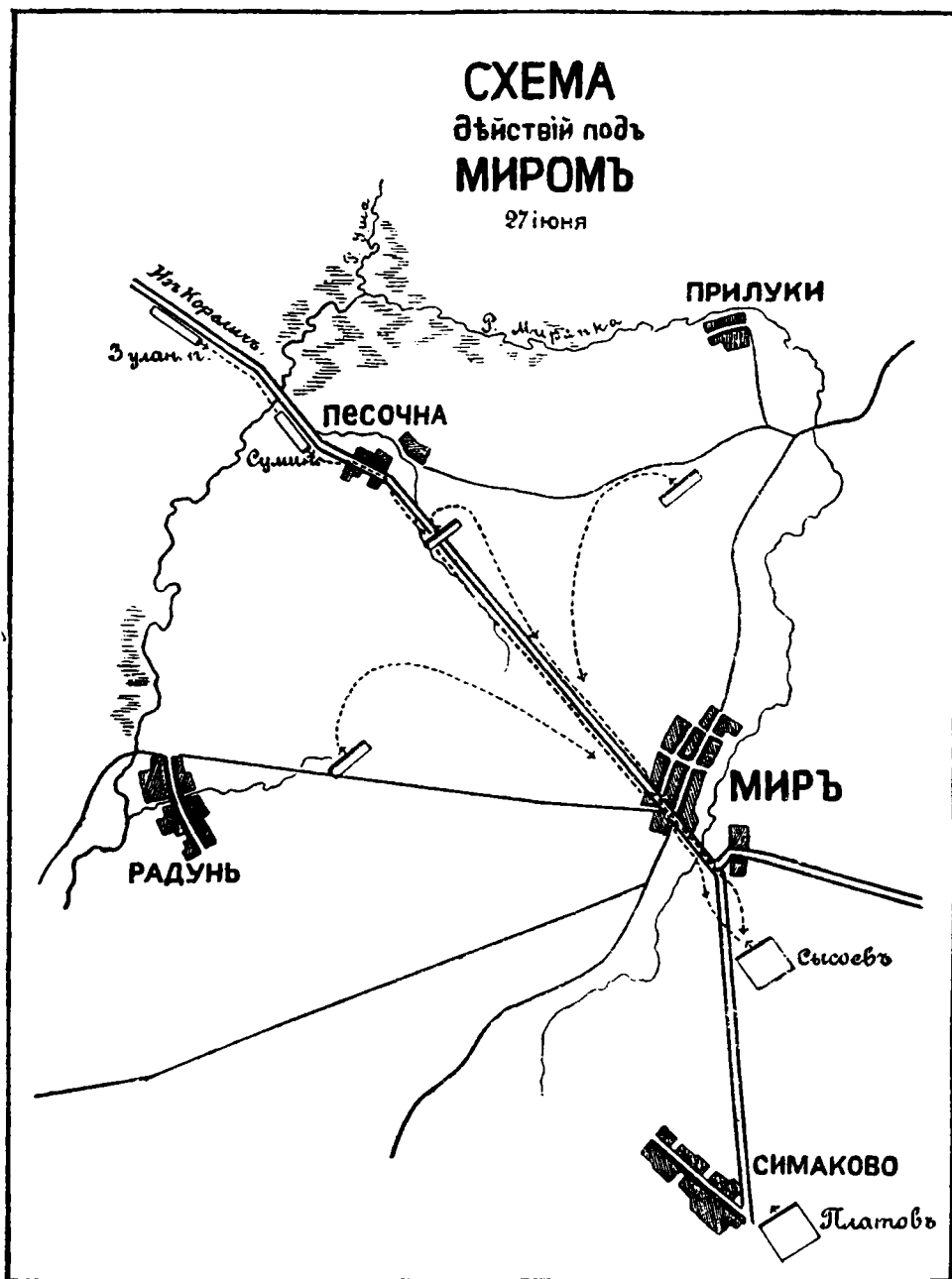
Зато король Іеронимъ, послѣ жестокихъ упрековъ Наполеона, считалъ себя обязаннымъ спѣшить и наверстать время, потерянное въ Гроднѣ. Несмотря на палящій зной, массу отсталыхъ, огромное количество людей, сраженныхъ солнечнымъ ударомъ, и даже рядъ случаевъ самоубійствъ въ войскахъ изъ-за нестерпимыхъ лишений, вестфальскій король настойчиво торопилъ свои колонны и 24 іюня его конница уже вошла въ соприкосновеніе съ Платовскими казаками (3.500 коней при 12 орудіяхъ).

Платовъ имѣлъ приказаніе Багратіона удержать во что бы то ни стало Миръ, дабы обезпечить отдыхъ арміи. Въ предвидѣніи столкновенія, Платовъ расположилъ свои главныя силы въ деревнѣ Симаковѣ, за Миромъ въ 5 верстахъ; одинъ-же полкъ (Сысоева) поставилъ въ самомъ мѣстечкѣ Мирѣ. Одну сотню, въ видѣ заставы, выдвинули еще впередъ, къ деревнѣ Пясечна (Песочна), а двѣ сотни отборныхъ казаковъ были скрыты въ засадѣ по обѣ стороны дороги. Съ приближеніемъ противника, застава должна была уходить назадъ, завлекая за собой непріятеля, какъ говорятъ казаки, въ „вентерь“ (снарядъ для ловли рыбы, вродѣ верши или морды); послѣ этого она должна была разомъ повернуть кругомъ и, поддержанная полкомъ Сысоева, вмѣстѣ съ двумя засадными сотнями, ударить на врага внезапно съ трехъ сторонъ.

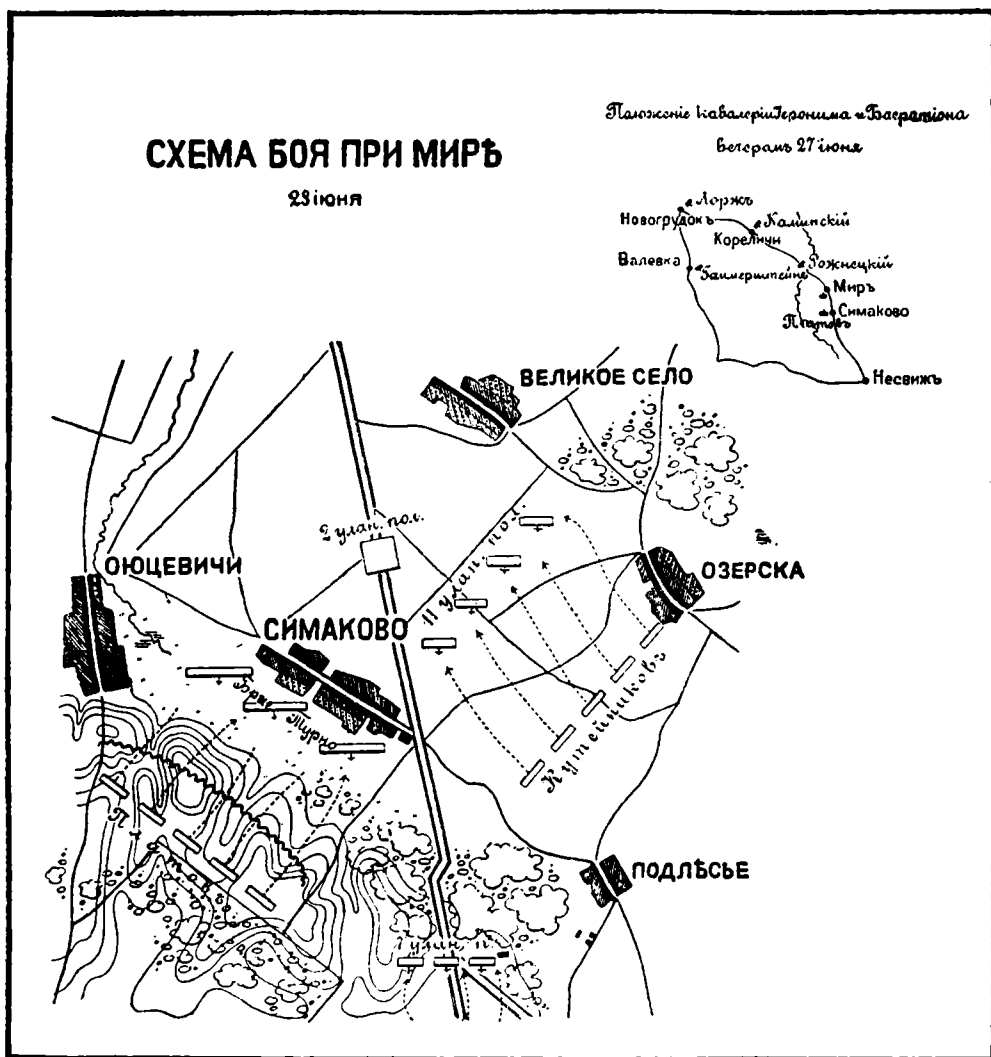
27 іюня передовая французская конница (три полка польскихъ уланъ) приблизилась къ Миру, причемъ передовой отрядъ (эскадронъ) атаковалъ казачью заставу и опрокинулъ еѣ. Увлеченные преслѣдованіемъ уланы проскакали черезъ мѣстечко; къ нимъ присоединились прочіе эскадроны полка; но за Миромъ ихъ встрѣтилъ полкъ Сысоева, а съ фланговъ и тылу ударили засады. Поляки, окруженные отовсюду, едва пробились и бѣжали въ смятеніи.

Подоспѣвшій съ остальными двумя полками польскій бригадный командиръ занялъ однимъ полкомъ переправы на болотистой рѣчкѣ Ушѣ, а съ другимъ полетѣлъ на выручку. Подкрѣпленія эти лишь ненадолго остановили казаковъ; въ горячей схваткѣ поляки были опрокинуты, прижаты къ болоту и здѣсь, завязивъ коней, потеряли очень много (до 600) людей и лошадей.

На другой день Багратіонъ, предвидя возвращеніе противника съ ббльшими силами и желая еще сутки отдыхать въ Несвижѣ,

подрѣпилъ Платова отрядомъ Васильчикова (3 полка конницы и 1 полкъ пѣхоты); кромѣ того Платовъ вернулъ обратно казачью бригаду Кутейникова, высланную для связи съ Дороховымъ въ направленіи на Камень.

Къ ночи съ 27 на 28 число ббольшая часть конницы короля Іеронима, подъ общимъ начальствомъ Латурь-Мобура, приблизилась къ Миру; дивизіи Рожнецкаго было приказано на другое утро занять Мирь и продолжать затѣмъ движеніе на Несвижъ; другой дивизіи, Каминскаго, находившейся еще въ 17 верстахъ сзади первой, велѣно было нагнать её и оказать ей поддержку.

На разсвѣтъ Рожнецкій двинулся и нашель Мирь оставленнымъ казаками. Несмотря на сообщеніе мѣстнаго ксендза, указавшаго, что Платовъ стоитъ со всѣмъ своимъ корпусомъ въ засадѣ неподалеку отъ Мира, Рожнецкій, стремясь отплатить за по-

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.
(Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена).

раженіе одного изъ полковъ своихъ 27 числа, бросился впередъ, не давъ даже пообѣдать людямъ и выѣсть фуражъ лошадамъ.

Платовъ хотѣлъ повторить пріемъ въ томъ же духѣ, какъ накануне, и, искусно скрывъ свои полки за холмами и дубняками, рассчитывалъ завлечь поляковъ въ засаду. Но послѣдніе на сей разъ были осторожны, пріостановились у д. Симаковой и выслали впередъ одинъ полкъ на развѣдку, съ категорическимъ воспрещеніемъ вступать въ бой. Казаки напрасно старались заманить врага ловкими маневрами, а польскіе развѣдчики высмотрѣли, гдѣ скрыты Платовымъ главныя силы его конницы.

Тогда Платовъ рѣшилъ дѣйствовать въ открытую и атаковалъ Рожнецкаго. Завязался упорный кавалерійскій бой, съ повторными атаками обѣихъ сторонъ. Дѣло рѣшено было появленіемъ подоспѣвшей уже къ вечеру бригады Кутейникова, которая, показавшись внезапно изъ-за перелѣсковъ, разомъ обрушилась на лѣвый флангъ поляковъ и опрокинула ихъ; тогда и Платовъ ударилъ вновь, и поляки погнаны были къ Миру, преслѣдуемые казаками, которые остановлены были только подоспѣвшею свѣжею бригадой съ конною полубатареей изъ дивизіи Каминскаго.

Цѣль, поставленная Платову, была достигнута; своими искусными дѣйствіями онъ задержалъ французскую конницу и обезпечилъ двухдневный отдыхъ Багратиону. Успѣшное разрѣшеніе этой задачи было въ значительной мѣрѣ облегчено, какъ пылкостью и неосмотрительностью поляковъ, необдуманно рвавшихся въ бой, такъ и отсутствіемъ общаго руководства и связи въ дѣйствіяхъ французской конницы. Командиръ кавалерійскаго корпуса Латурь-Мобуръ все время отсутствовалъ и ничѣмъ рѣшительно не проявилъ своего управленія подчиненной ему конницей.

Дѣйствія нашихъ казаковъ при Мирѣ высокопоучительны. Несмотря на сколько со стороны французовъ,—вѣрнѣе, поляковъ,—мы видимъ шаблонность и ничѣмъ неоправдываемую горячность, настолько наши станичники проявляютъ необычайную гибкость формъ, умѣнье обращать въ свою пользу случайности боя, знаніе слабыхъ сторонъ противника и вообще замѣчательное пользованіе *внезапностью*, этимъ признаннымъ всѣми великими военачальниками лучшимъ средствомъ подготовки успѣха на войнѣ.

Огромное преимущество тактики нашихъ казаковъ, какъ конницы самостоятельной, одинаково быющей на конѣ и спѣ-

шенно, легко переходя отъ одного способа дѣйствія къ другому и имѣя незамѣнимый ничѣмъ и, такъ сказать, неуловимый для регулярной конницы строй „лавы“,—сказалось въ этихъ бояхъ со всею яркостью. Не даромъ еще до войны самъ Наполеонъ особенно интересовался казаками, собирая о нихъ всевозможныя свѣдѣнія и видимо чувствуя, что въ нихъ противникъ имѣетъ могучее средство, въ противовѣсъ которому у него самого ничего равносильнаго нѣтъ.

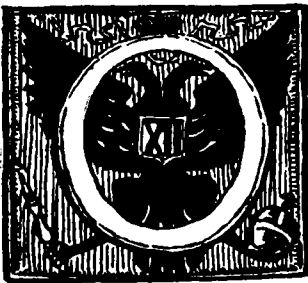

Дриссній лагерь. Разочарованіе въ немъ и въ планъ Фуля. Военный Советъ 1 іюля и его рѣшеніе.

Причины остановки Наполеона въ Вильнѣ.

Дальнѣйшій планъ Наполеона. Бои подъ Витебскомъ. Отъѣздъ Государя изъ арміи. Отходъ 1-й арміи къ Смоленску. Остановка французовъ на линіи Суражъ—Могилевъ.

Императоръ Александръ въ Вильнѣ и Москвѣ. Его распоряженія.

братимся теперь къ дѣйствіямъ 1-й арміи и настигавшей ее главной массы французовъ подъ предводительствомъ самого Наполеона. Отступивъ отъ Вильны къ Свенцянамъ, армія Барклая, послѣ непродолжительной пріостановки, продолжала движеніе къ Дриссѣ, вопреки желанію самого главнокомандующаго, находившаго, что слѣдуетъ отступать только подъ напоромъ противника. Исполненіе-же Фулевскихъ идей требовало безостановочнаго отхода къ Дриссѣ.

Императоръ Александръ еще продолжалъ оставаться при арміи, и Футь сохранялъ свое рѣшающее вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій; но вскорѣ обнаружилась полнѣйшая его неспособность при-

мѣняться къ неизбѣжнымъ на войнѣ неожиданнымъ измѣненіямъ въ обстановкѣ.

Во время движенія къ Дриссѣ въ главной квартирѣ получены были извѣстія о движеніи, якобы, французовъ, въ обходъ лѣваго фланга арміи, что грозило-бы намъ потерей сообщеній. На созванномъ по этому поводу совѣщаніи Фуль приписывалъ возникшее затруднительное положеніе арміи неисполненію Барклаемъ его требованій; когда-же ему предложили высказать, какія-же *теперь* слѣдуетъ принять мѣры для избавленія арміи отъ опасности—Фуль категорически отказался „помочь дѣлу“... Такимъ образомъ Фуль показалъ себя въ истинномъ свѣтѣ; его хватало лишь на кабинетныя измышленія; находчивости-же въ тяжелую минуту, творчества,—въ немъ не было и слѣда...

По прибытіи въ Дриссу, 1-я армія получила подкрѣпленія въ числѣ всего около 10.000 человекъ (19 запасныхъ батальоновъ и 20 запасныхъ эскадроновъ). Императоръ Александръ прибылъ сюда днемъ ранѣе начала вступленія арміи въ укрѣпленный лагерь, т. е. 26 іюня, и, повидимому, продолжалъ еще вѣрить въ исполнимость Фулевскаго плана; такъ, по крайней мѣрѣ свидѣтельствовали первыя его распоряженія. 27 числа, въ годовщину Полтавской „викторіи“, по войскамъ отданъ былъ нижеслѣдующій приказъ, возбуждавшій ихъ духъ и предвѣщавшій близкую ихъ встрѣчу съ врагомъ.

„Русскіе воины! Наконецъ вы достигли той цѣли, къ которой „стремились. Когда непріятель дерзнулъ вступить въ предѣлы нашей Имперіи, вы были на границѣ, для наблюденія оной. До со- „вершеннаго соединенія арміи нашей, временнымъ и нужнымъ „отступленіемъ удерживаемо было кипящее ваше мужество—оста- „новить дерзкій шагъ непріятеля. Нынѣ всѣ корпуса первой нашей „арміи соединились на мѣстѣ предназначенномъ. Теперь предстоитъ „новый случай оказать извѣстную вашу храбрость и пріобрѣсти „награду за понесенные труды. Нынѣшній день ознаменованный „Полтавскою побѣдою, да послужитъ вамъ примѣромъ! Память по- „бѣдоносныхъ предковъ вашихъ да возбудитъ васъ къ славнѣй- „шимъ побѣдамъ! они мощною рукою разили враговъ своихъ; „вы, слѣдя по стезямъ ихъ, стремитесь къ уничтоженію непріятельскихъ покушеній на Вѣру, честь, Отечество и семейства ваши.

„Правду нашу видитъ Богъ и ниспошлетъ на васъ свое благо-
„словеніе“.

Но „предназначенное мѣсто“, т. е. укрѣпленный Дрисскій лагерь, уже съ самого момента его занятія войсками 1-й арміи, сталъ возбуждать все большія и большія разочарованія, подрывая вѣру въ цѣлесообразность вообще Фулевскаго плана дѣйствій. Еще наканунѣ отдачи приведеннаго приказа, т. е. 26 іюня, принятый Государемъ инженерный офицеръ, полковникъ Мишо (взятый въ русскую службу сардинецъ), представилъ Императору Александру цѣлый рядъ весьма существенныхъ возраженій противъ Дрисскаго лагеря, съ точки зрѣнія тактической и инженерной.

Укрѣпленный Дрисскій лагерь расположенъ былъ въ изгибѣ, образуемомъ рѣкою Западной Двиной между городомъ Дриссой и деревней Шатровой. Онъ занималъ площадь около 4 верстъ по фронту и 3 верстъ въ глубину. Укрѣпленія его состояли изъ трехъ линій редутовъ и люнетовъ; впереди расположены были искусственныя препятствія. На лѣвомъ флангѣ былъ устроенъ рядъ засѣкъ для прикрытія позиціи со стороны близлежащаго лѣса и высоты, командовавшей надъ сосѣдними укрѣпленіями. Редуты были приспособлены только для ружейной обороны, но въ промежуткахъ между ними были устроены батареи. Для сообщенія съ сѣвернымъ берегомъ Двины сооружено было четыре моста; два—за центромъ позиціи, и по одному за каждымъ изъ ея фланговъ; всѣ мосты были обезпечены предмостными укрѣпленіями.

Помимо стратегической невыгоды расположенія арміи въ сторонѣ отъ прямыхъ и кратчайшихъ путей на Москву недостатки лагеря бросались прямо въ глаза. Онъ былъ, во-первыхъ, слишкомъ тѣсенъ для арміи; укрѣпленія его были слабой профили и плохо поддерживали другъ друга; въ тылу находилась непроходимая вбродъ рѣка, спуски къ которой были такъ круты, что артиллерию надо было стаскивать на рукахъ. Наконецъ, къ лѣвому флангу лагеря примыкалъ лѣсъ, позволявшій противнику скрытно приблизиться.

Мало этого, мѣстность внутри лагеря была изрѣзана оврагами, чрезвычайно затруднявшими связь между войсками и взаимную ихъ поддержку. Мостовыя укрѣпленія были крайне тѣсны, и такъ неудачно расположены, что съ высотъ, бывшихъ отъ нихъ

въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ, можно было внутри ихъ видѣть движеніе каждаго отдѣльнаго человѣка.

Послѣ личнаго объѣзда Императоромъ, съ многочисленною свитой, укрѣпленій Дрисскаго лагеря, голоса противниковъ послѣдняго и вообще нападки на Фуля и его планъ раздавались все чаще и громче; особенно ратовалъ Барклай, который еще 26 іюня настаивалъ на томъ, чтобы большую часть силъ сосредоточить внѣ лагеря, за лѣвымъ его флангомъ, чѣмъ обезпечить послѣдній отъ обхода. Что же касается недавно прибывшаго изъ Грузіи генераль-адъютанта маркиза Паулуччи, славившагося своею рѣзкостью, то онъ прямо объявлялъ, что Дрисскій лагерь могъ выдумать либо сумасшедшій, либо измѣнникъ!

1 іюля Государемъ созванъ былъ *военный советъ*, результатомъ котораго было окончательное оставленіе идей Фуля и принятіе предложенія Барклая—отступать на Витебскъ, гдѣ и ожидать присоединенія Багратіона.

Такимъ образомъ съ этого момента цѣлью дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій окончательно ставится, вмѣсто выполненія Фулевскихъ фантазій,—*соединеніе обѣихъ армій и прикрытіе сосредоточенными силами кратчайшихъ путей на Москву.*

Съ принятіемъ новаго плана дѣйствій произошли и весьма существенныя перемѣны въ личномъ составѣ 1-й арміи ея начальникомъ штаба назначенъ былъ генераль Алексѣй Петровичъ *Ермоловъ*, а генераль-квартирмейстеромъ—полковникъ *Толь*, оба—обладающіе большими способностями, энергіей и военными познаніями.

Кромѣ того, въ Дриссѣ Императоромъ Александромъ былъ сдѣланъ еще рядъ распоряженій, имѣвшихъ весьма важное значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи защиты нашего отечества.

Дунайской арміи, освободившейся по заключеніи мира съ турками, вмѣсто первоначально предположенной для нея диверсии къ Адриатическому морю, приказано было идти на Воынь, на соединеніе съ арміей Тормасова, благодаря чему силы послѣдняго почти удваивались.

Въ части тѣхъ губерній, которыя не должны были выставять ополченія (см. ниже), объявлялъ былъ дополнительный рекрутскій наборъ, а именно въ губерніяхъ Витебской, Могилевской, Воынской, Подольской и Эстляндской по 5 человѣкъ съ каждыя 500 душъ.

Въ добавокъ къ двѣнадцати полкамъ, уже сформировавшимся во Владимірѣ, Костромѣ, Рязани, Тамбовѣ, Ярославлѣ и Воронежѣ, повелѣно добавить еще шесть. Сверхъ того, кievскому военному губернатору, генералу отъ инфантеріи Милорадовичу поручено сформировать въ Калугѣ особый резервный корпусъ, въ составѣ 55-ти батальоновъ, 26-и эскадроновъ и 14-ти артиллерійскихъ ротъ. Корпусъ этотъ долженъ былъ послужить опорой для будущаго *ополченія*, о намѣреніи созвать которое впервые выражено Императоромъ Александромъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ Милорадовичу. Одновременно Государь писалъ главнокомандующему 1-й арміей: „Я рѣшился призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго требуетъ самая вѣра. Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ испанцамъ!“

* * *

Сравнительно благополучный для насъ исходъ первыхъ недѣль кампаніи, во время которыхъ обѣ арміи почти все время находились въ опасности отдѣльнаго пораженія, ежеминутно возростающей вслѣдствіе отступленія ихъ въ расходящихся направленія, во многомъ зависѣлъ отъ пріостановки главной массы войскъ Наполеона въ Вильнѣ.

Остановка эта, въ сущности, была своего рода „первымъ предостереженіемъ“ всемірному гению войны. Плохія дороги, сдѣлавшіяся прямо отвратительными послѣ продолжительныхъ дождей, порча отступавшими русскими войсками переправъ и гатей, истребленіе ими всѣхъ средствъ продовольствія и фуража, наконецъ,—постоянныя замедленія въ движеніи обозовъ, повозки которыхъ, къ тому же, не были совершенно приспособлены къ качествамъ дорогъ,—все это, въ общей сложности, вызвало, въ первые же дни кампаніи, форменный голодъ въ рядахъ французской арміи. Всѣ сношенія маршаловъ и генераловъ переполнены жалобами на недостатокъ продовольствія; приходилось прибѣгать къ фуражировкамъ, т. е., въ связи съ тяжелыми переходами и недостаткомъ пищи, къ узаконенному обиранию средствъ страны, что, очевидно, влекло за собою, въ качествѣ неизбѣжныхъ послѣдствій, грабежъ и мародерство. Рядомъ съ этимъ сильныя и продолжительныя холодныя дожди, нѣсколько дней подъ рядъ послѣ

палящихъ жаровъ, вызвали болѣзненность... Въ арміи развился кровавый поносъ.

Но еще хуже обстояло дѣло съ лошадьми. Довольствіе свѣжею травою, при усиленной работѣ, особенно артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей, вызвало среди нихъ повальный падежъ. Понятно, что вся матеріальная часть и вообще вся правильная работа тыла арміи, подготовитъ которую съ такими усиліями и затратами стоило столько трудовъ,—расшаталась при сказанныхъ условіяхъ съ первыхъ же шаговъ....

Опубликованные документы французскихъ архивовъ *) свидѣтельствуютъ краснорѣчиво о томъ разстройствѣ, которое проявилось во французскихъ войскахъ спустя самый короткій срокъ отъ начала военныхъ дѣйствій. Такъ, только на десятый день по переходѣ Нѣмана маршалъ Удино,—прося разрѣшенія Наполеона оставить въ тылу свой понтонный паркъ,—ходатайствовалъ о назначеніи въ прикрытіе къ нему португальской бригады, такъ какъ она до такой степени предается бродяжничеству, что не можетъ принести никакой пользы въ походѣ.

Устремивъ главное свое вниманіе на дѣйствіе противъ арміи Багратіона, для чего выдѣлены лучшія войска и лучший маршалъ Даву,—Наполеонъ пріостановилъ свои главныя силы въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ и здѣсь провелъ цѣлыхъ 18 дней въ самой напряженной дѣятельности по устройству тыла, организациі управленія занятымъ краемъ и приведенію въ порядокъ матеріальной части арміи. За это время устроена по Нѣману промежуточная база, подвезены запасы, налажено хлѣбопеченіе, обозы подтянуты, пополнены конскимъ составомъ **), и тяжелыя казенныя повозки замѣнены болѣе легкими, мѣстнаго типа. На Нѣманѣ, между Ковно и Гродно, устроены 4 мостовыхъ переправы, обезпеченныхъ предмостными укрѣпленіями; заложены новые магазины, хлѣбопекари ***); въ важнѣйшіе пункты назначены гарнизоны; пути подвозовъ устроены и обезпечены; краю дано военно-административное устройство и приступлено къ формированію польско-литовскихъ войскъ.

*) См. напр. трудъ Margueron: Campagne de Russie.

**) За недостаткомъ лошадей парки понтонный и артиллерійскій были запряжены волами.

***) Въ Вильнѣ устроено 5 большихъ хлѣбопекаренъ, дневная производительность которыхъ достигала 100 тыс. порцій хлѣба.

Штабъ и оберъ-офицеръ пѣх. пол.

Гренадеры.

Драгунъ.

Штабъ-офицеръ Донскаго казач. войска.

И все-таки, несмотря на всё эти мѣры, армія французовъ не переставала терпѣть недостатокъ во всемъ, и даже въ гвардіи сокращеніе раціоновъ на половину стало дѣломъ зауряднымъ.

Наоборотъ, русская армія, отступая вглубь своей собственной страны, не испытывала почти вовсе продовольственныхъ затрудненій. Пока арміи стояли на границѣ, примѣнена была система реквизиціи, т. е. сборъ запасовъ съ населенія по извѣстной раскладкѣ; дѣломъ этимъ вѣдали особые уѣздные „комитеты военныхъ потребностей“. Съ началомъ-же отступленія, арміи пополнялись послѣдовательно изъ тѣхъ магазиновъ, которые оказывались на пути ихъ слѣдованія.

Съ занятіемъ Вильны, разрѣзавъ наши силы на-двое, Наполеонъ заставилъ ихъ отходить врознь, а самъ сталъ на кратчайшемъ пути къ Москвѣ. Этимъ онъ приобрѣлъ довольно существенныя выгоды. 1-я армія наша, уклоняясь отъ боя, отошла на линію Двины; 2-я армія была загнана далеко южнѣе, отрѣзана совершенно отъ путей на Петербургъ и легко могла быть отхвачена и отъ Москвы. Считая сначала положеніе послѣдней болѣе для себя опаснымъ, Наполеонъ прежде всего рѣшается раздѣлаться съ нею. Іеронимъ долженъ тѣснить ее съ тыла, а Даву, обойдя съ фланга, перехватить съ головы. Но этотъ геніальный планъ былъ разрушенъ въ зародышѣ, благодаря извѣстной уже намъ задержкѣ Іеронима. Тогда, послѣ жестокихъ упрековъ по адресу брата, Наполеонъ рѣшается на новый планъ, въ которомъ главнымъ предметомъ дѣйствій должна была явиться уже не 2-я, а 1-я армія.

Продолжая, путемъ дальнѣйшаго продвиганія въ томъ же направленіи группы Даву, отжимать Багратіона къ югу, не давая ему соединиться съ Барклаемъ и стремясь даже перехватить ему путь отступленія на Москву, Наполеонъ рѣшилъ, съ главной массой своихъ войскъ, обойти лѣвый флангъ 1-й арміи, грозя ея сообщеніямъ съ обѣими столицами, пока Мюратъ (съ 2¹/₂ пѣхотными и 2 резервными кавалерійскими корпусами) будетъ осторожно развлекать ея вниманіе съ фронта.

Для прикрытія сообщеній французской арміи съ сѣвера назначень былъ корпусъ Макдональда, которому сперва надлежало, перейдя Двину, помогать операціямъ главныхъ силъ, а послѣ того частной цѣлью ему ставилось овладѣніе Ригой, что давало бы въ руки Наполеона всю водную линію Западной Двины.

Съ праваго фланга ту же главную задачу долженъ былъ выполнить корпусъ Ренье, который, совмѣстно съ австрійскимъ корпусомъ Шварценберга, долженъ былъ сдерживать нашу 3-ю армію и не давать ей съ Волыни вторгнуться въ Варшавское герцогство, грозя Наполеоновскому тылу *).

Узнавъ изъ донесеній Мюрата, выдвинутаго вслѣдъ за нашей 1-ю арміей, пока еще самъ Императоръ пребывалъ въ Вильнѣ, что Барклай сосредоточилъ свои силы въ Дрисскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, Наполеонъ окончательно рѣшаетъ обойти 1-ю армію слѣва, перейдя даже Двину между Дисною и Полоцкомъ.

Но 2 іюля наша 1-я армія очистила Дрисскій лагерь и, перейдя по сѣверную сторону Двины, пошла на Полоцкъ, прикрываясь рѣкою. Для обезпеченія направленія на Петербургъ оставленъ былъ у Дриссы 1 корпусъ Витгенштейна, которому, въ случаѣ необходимости въ отступленіи, намѣчено было направленіе на Себежъ—Псковъ—Новгородъ. Авангардъ этого корпуса, подъ начальствомъ прославленнаго героя финляндской войны 1808—09 г.г. Кульнева, имѣлъ 3 іюля удачное дѣло близъ Друи, въ которомъ наши казаки и Гродненскіе гусары разбили 2 французскія кавалерійскія бригады дивизіи Себастьяни.

Графъ Витгенштейнъ, желая имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о противникѣ, котораго скрывали высоты у Друи, приказалъ возобновить въ ночь съ 2-го на 3-е іюля мостъ противъ города и поручилъ Кульневу съ авангардомъ произвести развѣдку, придвинувъ самъ часть своего корпуса къ Придруйску на случай необходимости въ поддержкѣ. Кульневъ перешелъ Двину 3-го іюля рано утромъ. Казаки его выбили изъ Друи передовые посты французовъ и отогнали къ селенію Оникшты, гдѣ стояло 8 французскихъ эскадроновъ. Завязался кавалерійскій бой, причемъ гродненскіе гусары, шедшіе за казаками подъ командою Ридигера, обошли непріятельскую конницу съ обоихъ фланговъ. Когда выяснилось, что на пространствѣ между Друей и д. Черновой французской пѣхоты не имѣется, Кульневъ отвелъ свою конницу на сѣверный берегъ рѣки, оставя казаковъ наблюдать на южномъ.

Дѣло у Друи стоило французамъ до 300 человекъ, въ томъ числѣ 144 плѣнныхъ среди которыхъ былъ и бригадный генераль Женье.

*) См. ниже, главы VII и VIII.

Тѣмъ временемъ 1-я армія достигла Полоцка и здѣсь, 6 іюля, совершилось весьма крупное событіе, сильно повліявшее на характеръ управленія военными дѣйствіями съ нашей стороны. По ходатайству трехъ изъ высшихъ въ государствѣ лицъ—графа Аракчеева, Балашова и Шишкова, Императоръ Александръ, во вниманіе къ необходимости его присутствія внутри Имперіи, отбылъ изъ арміи.

Отъѣздъ этотъ, въ сущности, съ точки зрѣнія управленія войсками, можно было только привѣтствовать. Не принимая на себя званія главнокомандующаго и, слѣдовательно, не возлагая на себя и отвѣтственности за могущія произойти событія, Императоръ Александръ, по званію Верховнаго Вождя вооруженныхъ силъ, не могъ однако совершенно отказаться отъ вмѣшательства въ военныя дѣйствія, подчиняясь при этомъ нерѣдко разнорѣчивымъ совѣтамъ сопутствовавшей ему многочисленной и разноплеменной свиты изъ военныхъ спеціалистовъ всѣхъ странъ. При такихъ условіяхъ, кругъ дѣятельности лица, стоявшаго во главѣ той арміи, при которой былъ Государь со своимъ штабомъ, оказывался довольно таки стѣсненнымъ. Впечатлѣніе неудачи Фулевскаго плана несомнѣнно сыграло весьма большую роль въ принятомъ Государемъ самоотверженномъ и, съ военной точки зрѣнія, вполне правильномъ рѣшеніи оставить армію.

Но, къ сожалѣнію при этомъ допущено было весьма важное упущеніе: власть по командованію не была объединена въ рукахъ *одного* отвѣтственнаго лица. Барклай-де-Толли, Багратіонъ и Тормасовъ становились вполне самостоятельными, и согласованіе ихъ дѣйствій зависѣло всецѣло отъ взаимнаго ихъ соглашенія, достигнуть котораго именно въ данномъ случаѣ оказывалось весьма труднымъ. Что касается Тормасова, то на долю его „обсерваціонной“ арміи, до поры до времени, выпадала второстепенная роль, да къ тому-же дѣйствовать ему приходилось на отдѣльномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, внѣ прямой зависимости отъ главныхъ операцій. Наоборотъ, Барклай и Багратіонъ, ближайшей задачей которыхъ отнынѣ ставилось соединеніе ихъ силъ, были вынуждены дѣйствовать совмѣстно, и было очевидно, что при рѣзкомъ различіи ихъ взглядовъ, характеровъ и военныхъ качествъ, а также при щекотливости самолюбій и неустановленности командныхъ отно-

шений, — создавалась отнынѣ почва для весьма серьезных недо-
разумѣній.

Разставаясь съ Барклаемъ, Императоръ Александръ сказалъ ему: „Поручаю вамъ мою армію и не забывайте отнюдь, что у меня нѣтъ другой“. Слова эти, очевидно, сильно подѣйствовали на Барклая, въ смыслѣ необходимости соблюденія наибольшей осторожности въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Что же касается Багра-
тіона, то ему 5 іюля, передъ своимъ отбытіемъ, Государь отпра-
вилъ послѣднее Высочайшее повелѣніе, сущность котораго заклю-
чалась въ томъ, чтобы 2-я армія отнынѣ стремилась какъ можно ско-
рѣе достигнуть Смоленска, для чего ей надлежало идти на Бобруйскъ
и, перейдя Днѣпръ, прикрыть имъ дальнѣйшее свое движеніе. „Вся
цѣль наша должна къ тому клониться, чтобы выиграть время и
вести войну, сколько можно продолжительную“—такъ опредѣлялъ
въ этомъ предписаніи основную идею будущихъ нашихъ дѣйствій
самъ Императоръ.

Обратимся сперва къ положенію дѣлъ въ арміи Барклая. Онъ
вначалѣ рассчитывалъ пріостановиться въ Полоцкѣ, какъ пунктѣ,
позволявшемъ ему одновременно владѣть и путями на Москву
черезъ Витебскъ, и—на Петербургъ черезъ Себежъ и Невель,
чтобы выждать въ такомъ выгодномъ положеніи выясненія
обстановки. Но Наполеонъ не далъ ему привести въ испол-
неніе такого намѣренія; главная масса его войскъ, направленная,
какъ уже сказано, въ обходъ лѣваго фланга Барклая, была нацѣ-
лена на Бѣшенковичи и, такимъ образомъ, грозила даже преду-
предить насъ въ Витебскѣ. Барклаю пришлось усиленными пере-
ходами идти сѣвернымъ берегомъ Двины, спѣша къ Витебску;
Наполеонъ преслѣдовалъ его частью силъ Мюрата по тому-же
берегу, переправивъ ихъ у Дисны, а всѣ остальные силы, по тремъ
параллельнымъ путямъ, свернулъ прямо на Бѣшенковичи. Какъ
видно, великій полководецъ все время стремится *выиграть флангъ*
у нашей 1-й арміи, отжавъ еѣ, если удастся, отъ путей на Москву и
отъ возможнаго соединенія со 2-й арміей, которой, въ свою оче-
редь, должны были препятствовать въ этомъ назначенныя противъ
нея силы. Наполеонъ развиваетъ, въ сущности, все тотъ же основ-
ной планъ, совершенно правильно построенный на нашей корен-
ной ошибкѣ и если ему не удастся его осуществить, то только въ

Ми́хаи́ль Бо́гдано́вич Барклай-де-Толли.

силу предусмотрительности наших вождей и неутомимости войскъ, всякій разъ своевременно ускользавшихъ отъ удара...

Головныя части 1-й арміи прибыли къ Витебску 11 іюля и, перейдя снова Двину, расположились впереди его за рѣкою Лучесой, прикрывая путь на Смоленскъ—Москву. Дѣло въ томъ, что о положеніи и мѣстѣ нахожденія въ данный моментъ князя Багратіона не было ничего извѣстно; сношенія между арміями могли производиться только очень кружными путями, такъ какъ противникъ постепенно все глубже и глубже клиномъ вдвигался между ними. Поэтому либо посланные перехватывались неприятелемъ, либо волей-неволей весьма запаздывали.. Барклаю было бы рискованно выжидать подъ Витебскомъ присоединенія 2-й арміи, такъ какъ при неизбѣжно-кружномъ движеніи послѣдней Наполеонъ неминуемо успѣлъ-бы разгромить 1-ю армію отдѣльно. Уходить отъ Витебска на соединеніе къ Багратіону—приводило бы къ опасному фланговому маршу въ виду превосходнаго противника, а также, весьма возможно, и къ обнаженію путей на Москву. Наконецъ, продолженіе отступленія 1-й арміи къ Смоленску,—обрекало Багратіона на неминуемый разгромъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ основному замыслу Наполеона—раздвинуть могучимъ клиномъ наши обѣ арміи,—несомнѣнно суждено было бы окончательно и блестяще осуществиться. Въ виду такихъ соображеній Барклай, въ концѣ концовъ, остановился на рѣшеніи среднемъ; онъ намѣренъ былъ оставаясь за Лучесой, задержать французовъ сколько будетъ можно не ввязываясь отнюдь въ рѣшительный бой, послѣ чего уже начать отходить къ Смоленску.

Въ свою очередь Наполеонъ, убѣдившись, что задуманный имъ обходъ лѣваго фланга 1-й арміи не достигаетъ цѣли, рѣшилъ безостановочно идти на Витебскъ, рассчитывая принудить здѣсь русскихъ къ бою и нанести имъ столь желаемое рѣшительное пораженіе.

Надо сказать, что самое расположеніе нашей арміи за р. Лучесой, помимо вышеуказанныхъ соображеній, и само по себѣ не представляло никакихъ выгодъ для принятія боя. Наиболѣе обезпеченъ устьемъ Лучесы и Двиною былъ правый флангъ, который какъ разъ былъ менѣе важенъ, такъ какъ путь на Смоленскъ отходилъ отъ лѣваго фланга позиціи, но отходилъ очень невы-

годно, подь острымъ угломъ, что облегчало его перехватъ противнику. Вообще отступленіе съ позиціи затруднялось присутствіемъ въ тылу ея праваго фланга города съ цѣлымъ рядомъ узкихъ улицъ, а на остальномъ протяженіи позиціи—глубокаго оврага. Что же касается мѣстности впереди р. Лучесы, то она имѣла вообще закрытый характеръ, состоя изъ цѣлаго ряда лѣсныхъ площадей, и потому способствовала веденію боевъ арьергардами, т. е. сравнительно малыми силами въ цѣляхъ выигрыша времени.

Задача эта именно и была возложена Барклаемъ-де-Толли на IV пѣхотный корпусъ графа Остермана-Толстого (онъ смѣнилъ во главѣ этого корпуса графа Шувалова), усиленный бригадою драгунъ, двумя полками гусаръ и ротой конной артиллеріи, всего около 8 т. пѣхоты и 2 т. конницы. Корпусъ этотъ у *Островны*, въ 26 верстахъ впереди Витебска, принялъ на себя авангардъ Мюрата (8 т. конницы и 1 т. пѣхоты) и въ теченіе цѣлаго дня 13 іюля задерживалъ его.

Выступивъ еще до разсвѣта, Остерманъ въ 12 верстахъ за Витебскомъ уже вошелъ въ соприкосновеніе съ конницей французовъ, которая была опрокинута нашими лейбъ-гусарами и Нѣжинскими драгунами. Преслѣдуя французовъ до самой *Островны*, они здѣсь наткнулись на превосходныя силы и въ свою очередь приведены были въ разстройство. Сумскіе гусары, выдвинутые Остерманомъ на помощь, остановили противника. Тѣмъ временемъ, пѣхота Остермана безостановочно двигалась къ *Островнѣ*, впереди которой Мюратъ развернулъ свою пѣхоту и артиллерію.

Мѣстность между *Островной* и Витебскомъ вообще закрытая, съ преобладаніемъ отдѣльныхъ лѣсныхъ площадей, частью на болотѣ, подходившихъ почти на пушечный выстрѣлъ къ позиціи французовъ. Послѣдніе встрѣтили жаркимъ артиллерійскимъ огнемъ пѣхоту Остермана, развернувшуюся по обѣ стороны большой дороги, имѣя фланги прикрытыми болотистымъ лѣсомъ.

Въ первой линіи развернулась 11-я дивизія, а за нею стала въ батальонныхъ колоннахъ 23-я дивизія и конница. Французы имѣли только въ центрѣ разсыпанный цѣликомъ въ цѣпь 8-й полкъ егерей, по обѣ стороны котораго и сзади расположилась, въ трехъ группахъ, сильная конница французовъ (по 16 эскадроновъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ и 12 эскадроновъ на правомъ флангѣ).

Графъ Остерманъ Толстой.

Сперва Остерманъ бросилъ во флангъ французской конницы одинъ изъ своихъ драгунскихъ полковъ (Ингерманландскій), который, столкнувшись съ превосходными силами, былъ совершенно опрокинутъ и разсѣянъ. За то преслѣдовавшіе его непріятельскіе полки были искусно подведены подъ огонь скрывавшейся въ лѣсу нашей пѣхоты и, въ свою очередь, разстроены окончательно. Чтобы сбить разсыпанныхъ противъ нашего центра французскихъ стрѣлковъ, графъ Остерманъ двинулъ имъ во флангъ въ штыки три батальона: но французскіе эскадроны праваго крыла, ударившіе на флангъ этихъ батальоновъ, вынудили ихъ отойти назадъ къ лѣвому крылу нашего расположенія.

Руководствуясь неизмѣнно основною цѣлью, поставленною его отряду—задерживать елико возможно долѣе противника, графъ Остерманъ снова направилъ часть своихъ батальоновъ въ обходъ обоихъ фланговъ войскъ Мюрата. Обѣ эти атаки были отбиты французской конницей.

Такъ какъ, при почти равныхъ по численности силахъ, русскіе имѣли рѣшительный перевѣсъ въ пѣхотѣ, у французовъ же преобладала конница, причемъ мѣстность менѣе благопріятствовала дѣйствіямъ послѣдней, то Остерману, къ тому же, какъ видно изъ вышеизложеннаго, все время вѣдшему бой въ рѣшительномъ, активномъ духѣ, удалось успѣшно сковать авангардъ Мюрата въ теченіе цѣлаго дня.

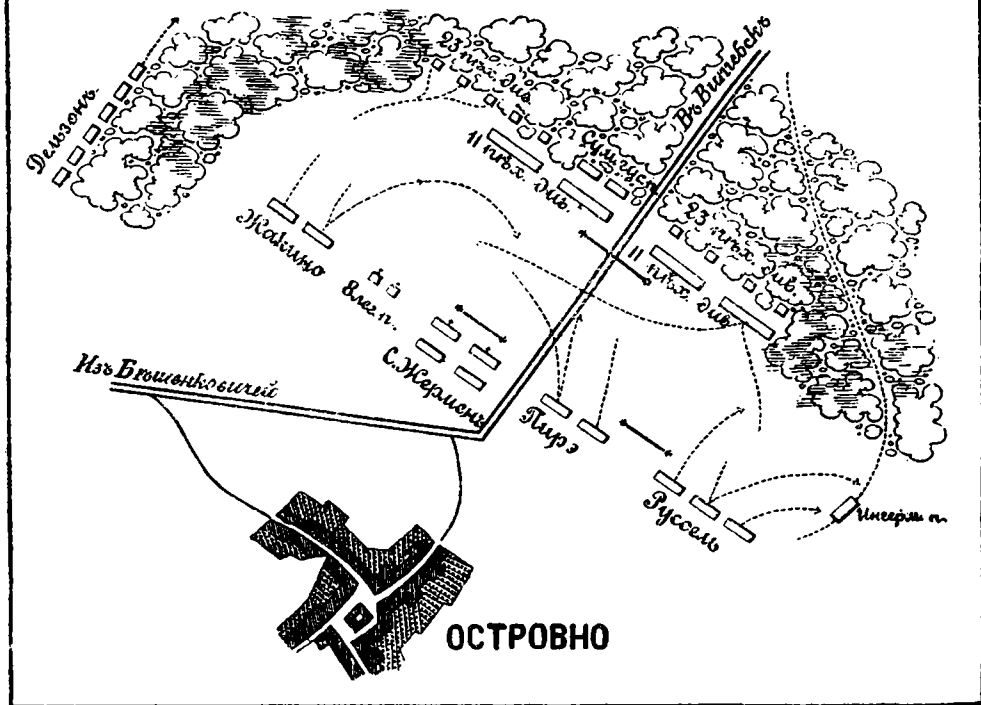
Когда Остерману докладывали объ огромныхъ потеряхъ въ полкахъ отъ огня французской артиллеріи и спрашивали, что дѣлать,—у него былъ одинъ отвѣтъ: „ничего не дѣлать,—стоять и умирать!“ Батарейному командиру, доложившему, что у него много людей перебито и есть подбитыя орудія, Остерманъ отрывисто сказалъ одно: „стрѣлять изъ остальныхъ“.

Благодаря такому упорству и умѣлому веденію боя, задача, поставленная Остерману была выполнена блистательно.

Однако, остальные эшелоны французской арміи продолжали двигаться безостановочно. Поэтому главнокомандующій послалъ на поддержку Остерману 1-й кавалерійскій корпусъ Уварова; но командиръ 4-го корпуса не счелъ нужнымъ вводить его въ дѣло. Графъ Остерманъ очистилъ свою позицію у Островно только къ вечеру, когда опредѣлилось движеніе вдоль Двины головныхъ частей корпуса вице-короля, угрожавшихъ его правому флангу; но онъ ото-

СХЕМА боя при ОСТРОВНО

13 июля

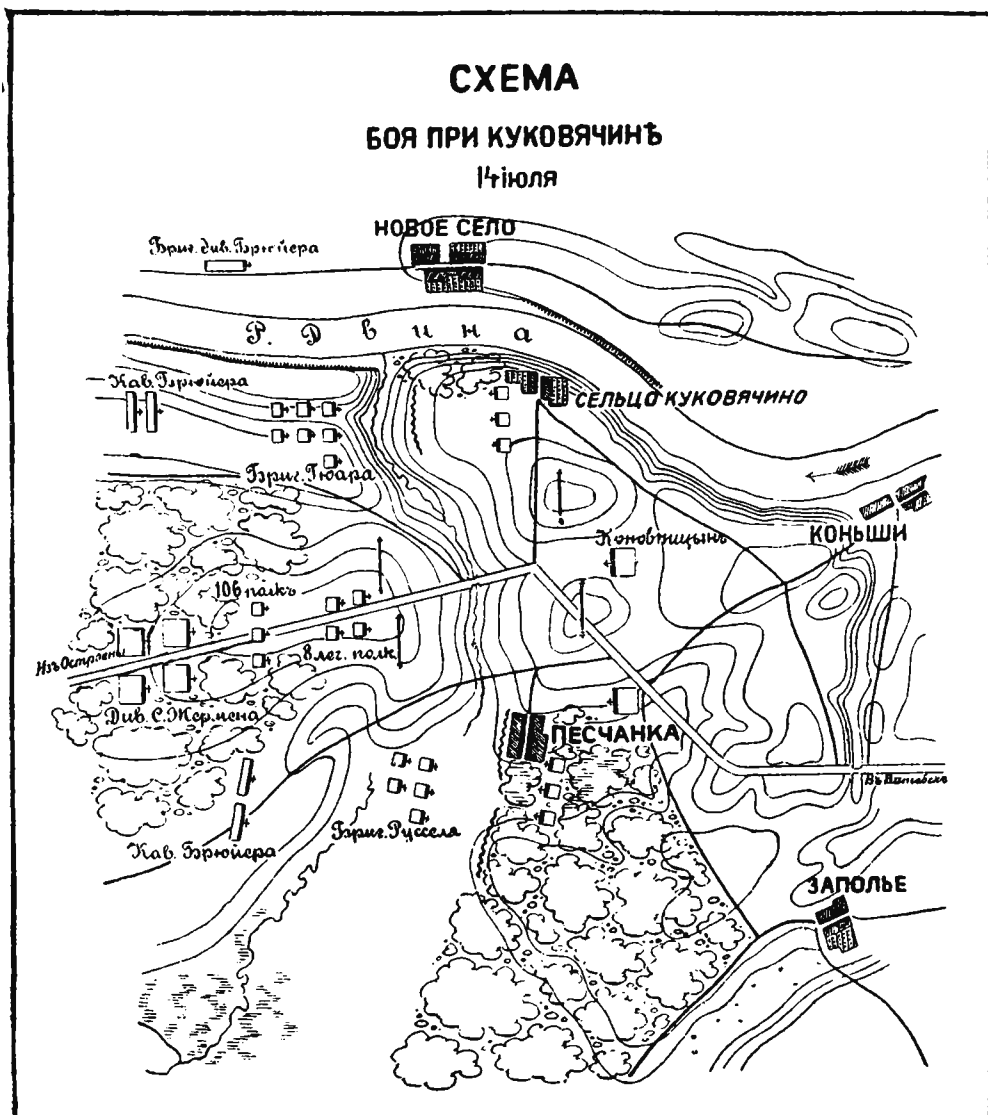
шелъ лишь на три версты и снова остановился. Вскорѣ онъ принять былъ на себя новымъ, высланнымъ Барклаемъ въ ночь съ 13 на 14 июня изъ Витебска, арьергардомъ Коновницына (его 3-я дивизія). Арьергардъ этотъ, примѣрно той-же силы, что и у Остермана, т. е. около 8 т. пѣхоты и 3 т. конницы, занялъ крѣпкую съ фронта позицію у д. *Куковячиной*; правый флангъ ея упирался въ Двину, лѣвый—въ густой болотистый лѣсъ у дер. *Песчанки*; фронтъ позиціи былъ защищенъ крутымъ оврагомъ. Между селцомъ Куковячинымъ и большою дорогою была командующая высота,—наиболѣе сильная точка позиціи; лѣвый ея флангъ былъ особенно важенъ, такъ какъ здѣсь можно было перехватить путь отступле-

нія на Витебскъ. Именно здѣсь, уступомъ за флангомъ Коновницына, и расположился отошедшій отъ Островны Остерманъ.

Въ 8 ч. утра 14 іюля французы подъ начальствомъ Мюрата атаковали позицію. На этотъ разъ у нихъ было пѣхоты 8 тысячъ и 7 тысячъ конницы, при 70 орудіяхъ. Въ головѣ шель кавалерійскій корпусъ, съ 2-мя батальонами легкой пѣхоты; послѣдняя, оттѣснивъ нашихъ егерей, занимавшихъ лѣсъ впереди оврага, развернулась на западномъ его берегу; артиллерія, ставшая по обѣ стороны дороги, начала громить наше расположеніе, правый флангъ котораго былъ вслѣдъ затѣмъ атакованъ 7-ью, а лѣвый—5-ью французскими батальонами. Первая изъ этихъ колоннъ (ген. Гюара), укрытая оврагомъ, легко дошла до гребня; зато вторая (Русселя), въ лѣсу у Песчанки, была отброшена. Пользуясь этимъ, Коновницынъ направилъ свой резервъ противъ Гюара, атаковалъ его съ фронта и фланговъ и сбросилъ назадъ въ оврагъ; только атака польской конницы, съ самимъ Мюратомъ во главѣ, задержала этотъ успѣхъ русскихъ. Вторичная атака превосходныхъ силъ французовъ была болѣе успѣшна; Гюару удалось, при поддержкѣ взятыхъ изъ резерва 2 батальоновъ, утвердиться на восточномъ краю оврага; Руссель овладѣлъ лѣсомъ южнѣ Песчанки.

Огромной опасности подверглась батарея, бывшая въ центрѣ нашего расположенія, на которую налетѣла масса конницы подъ предводительствомъ самого Мюрата.... Но генераль-майоръ Чоглоковъ, бывший по близости съ полками Кексгольмскимъ и Перновскимъ, бросился на выручку. Подоспѣвшій за нимъ Черниговскій полкъ отбилъ и тѣ три орудія, которыя непріятель успѣлъ захватить.

Коновницынъ сталъ отступать, не преслѣдуемый французами, начальники которыхъ приводили въ порядокъ свои разстроенныя войска на захваченной позиціи. Только самъ Наполеонъ, пріѣхавшій часа въ 3 дня къ авангарду, распорядился преслѣдованіемъ; но Коновницынъ, вѣрно понимая свою роль, отходилъ медленно, отбиваясь и задерживаясь гдѣ только возможно. У д. Комарово его подержала 1-я гренадерская дивизія, съ которой прибылъ и командиръ III корпуса Тучковъ, вступившій въ командованіе всѣми войсками... Онъ продолжалъ отступление, соединился съ Остерманомъ у деревни Добрейки, и оба арьергарда къ ночи дошли до праваго берега р. Лучесы, гдѣ были прочія войска I-й арміи.

Упомянутое выше рѣшеніе Баркляя только временно задерживать французовъ впереди Витебска, не ввязываясь въ рѣшительный бой, далось ему, собственно говоря, далеко не сразу. Сперва онъ думалъ о движеніи въ направленіи на Оршу, на соединеніе съ Багратиономъ; но, послѣ Островненскаго боя, когда убѣдился въ значительности силъ противника, шедшихъ отъ Бѣшенковичей, онъ отбросилъ это рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что на быстрое прибытіе 2-й арміи нечего было и рассчитывать при тѣхъ обстоятельствахъ,

въ которыхъ она оказывалась (какъ увидимъ ниже). Тогда Барклай, въ крайности, намѣренъ былъ даже съ одною своею арміею принять бой подъ Витебскомъ; но 14 числа, въ день боя у Куковячиной, объѣзжая со своимъ начальникомъ штаба Ермоловымъ предполагаемую позицію, онъ воочію убѣдился во всѣхъ ея вышеуказанныхъ недостаткахъ и, подъ вліяніемъ настояній Ермолова, рѣшился отойти за Витебскъ... Когда же, 15 числа, получены были, наконецъ, точныя свѣдѣнія о положеніи 2-й арміи, изъ которыхъ явствовало, что Багратиону у Могилева правымъ берегомъ Днѣпра пробиться не удалось, и онъ идетъ лѣвымъ берегомъ рѣки прямо къ Смоленску,—послѣдній пунктъ окончательно намѣчается точкою соединенія обѣихъ армій...

Въ сущности говоря, съ момента выступленія 1-й арміи изъ Дрисскаго лагеря о первоначальномъ планѣ Фуля не было и помина. Задачею всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій ставится *уничтоженіе вредныхъ послѣдствій* этого неправильнаго при данныхъ условіяхъ плана, т. е. *раздѣленія* нашихъ силъ, и стремленіе къ ихъ скорѣйшему *соединенію*. Обратно, противникъ, разгадывая это наше намѣреніе и развивая все ту же первоначальную свою идею, стремится къ возможно ббльшему разъединенію обѣихъ нашихъ армій и къ отдѣльному ихъ пораженію, отъ чего мы ускользаемъ только благодаря чуткости и искусству нашихъ вождей.

Такъ какъ рѣшеніе принять бой подъ Витебскомъ начало уже приводиться въ исполненіе,—диспозиція по войскамъ была разослана, всеподданнѣйшее донесеніе Государю отправлено,—то главнокомандующій счелъ за лучшее закрѣпить свое новое рѣшеніе о продолженіи отступленія посредствомъ военнаго совѣта. На совѣтѣ этомъ всѣ согласились съ мнѣніемъ Ермолова, но приняли и предложеніе генерала Тучкова 1-го: остаться на позиціи до вечера и отступить скрытно, подъ покровомъ темноты.

Къ 15 іюля Барклай составилъ у Витебска новый арьергардъ подъ начальствомъ Палена (силою около 3 т. пѣхоты, 4 т. конницы и 40 орудій). Этотъ арьергардъ занялъ позицію въ 5 верстахъ отъ Витебска, упираясь правымъ флангомъ въ Двину, за лощиной, по дну которой въ глубокомъ рвѣ протекалъ ручей. Такъ какъ протяженіе фронта этой позиціи было несоразмѣрно съ силами арьергарда, то Палену пришлось растянуть свой отрядъ, не имѣя никакого резерва.

Съ разсвѣтомъ 15-го французскій авангардъ (около 16 т. пѣхоты и 7 т. конницы) атаковалъ Палена. Пока пѣхота возстановляла мосты черезъ ручей, конница французовъ, перейдя ровъ, ударила на нашъ правый флангъ; но здѣсь батарея наша, стоявшая на высотѣ близъ большой дороги, брызнула на нее продольнымъ огнемъ, а лейбъ-казаки и Сумскіе гусары графа Орлова-Денисова атаковали эту конницу съ фланга. Французскіе конно-егеря приняли атаку стоя на мѣстѣ, залпомъ изъ карабиновъ съ коня. Въ мгновенье ока были они смяты, опрокинуты и тѣлами людей и коней завалили тотъ ровъ, который только что перешли. Преслѣдующіе казаки захватили даже французскую батарею, но не успѣли увезти орудій, такъ какъ подоспѣла непріятельская пѣхота, которая огнемъ отбила нашу конницу, причемъ, однако, французскимъ пѣхотинцамъ пришлось свертываться въ каре, чтобы отражать лихія атаки нашихъ кавалеристовъ. Послѣ этого французы, перейдя лощину и пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, атаковали Палена одновременно съ фронта и обоихъ фланговъ; выдержавъ нѣсколько атакъ, нашъ арьергардъ постепенно отошелъ на восточный берегъ Лучесы; французы, въ свою очередь, около 5 часовъ дня, прекратили бой...

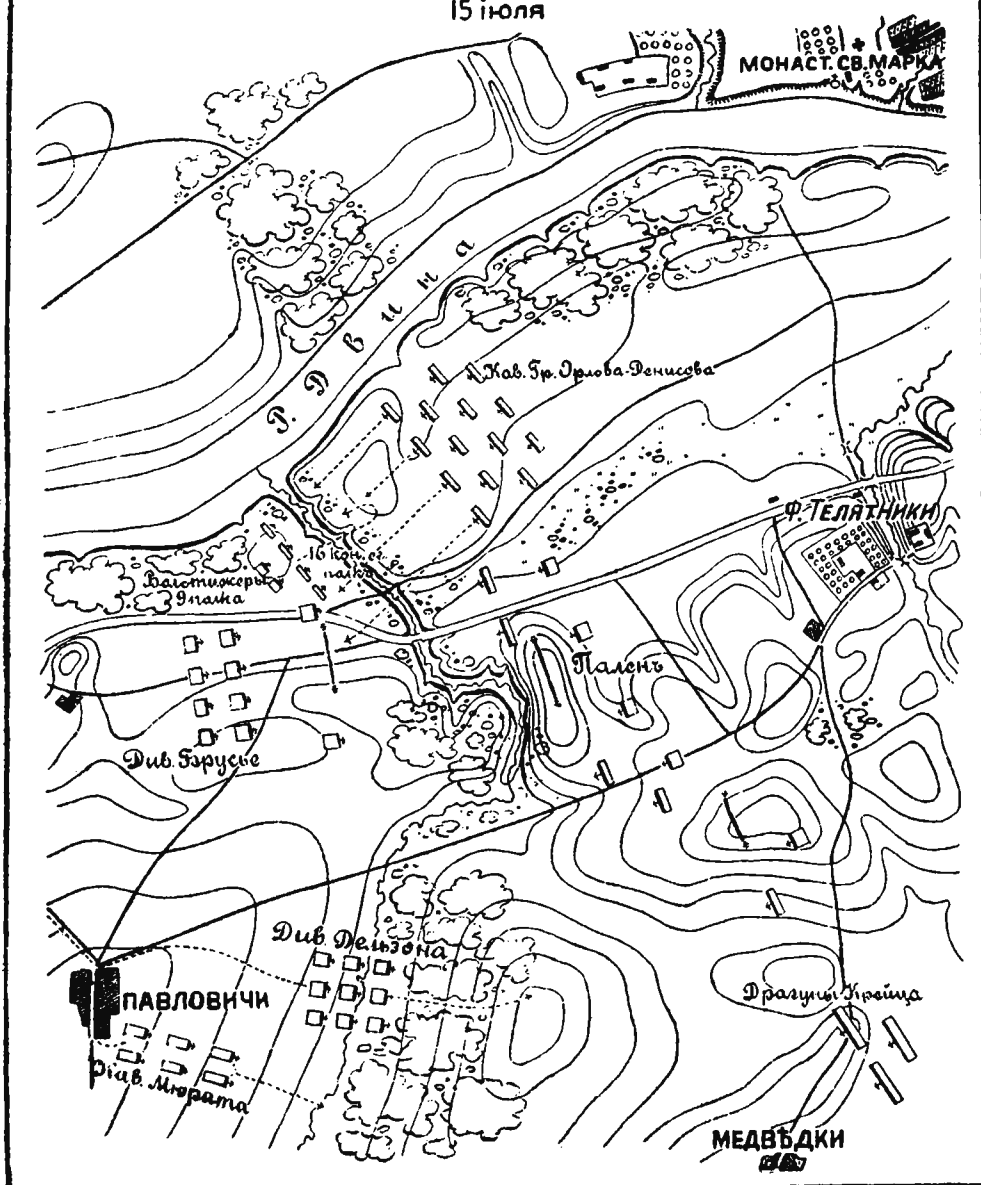
Дѣло въ томъ, что Наполеонъ, съ утра находившійся здѣсь и слѣдившій за ходомъ дѣла, заключилъ по упорству Палена, и такъ какъ непосредственно за войсками послѣдняго отчетливо былъ виденъ лагерь всей русской арміи, что Барклай-де-Толли, наконецъ, намѣренъ принять генеральное сраженіе. Поэтому великій полководецъ отсрочилъ ударъ свой до слѣдующаго дня, желая успѣть сосредоточить всѣ свои силы, дабы сдѣлать этотъ ударъ сокрушительнымъ... Наполеонъ какъ бы сознавалъ уже опасность слишкомъ значительнаго углубленія внутрь страны и, готовясь къ рѣшительному столкновенію, считалъ нужнымъ обезпечить себѣ крупный успѣхъ сразу всѣми мѣрами...

Лично направляя постепенно подходящія колонны сообразно уже намѣченнаго имъ плана предстоящаго сраженія, Наполеонъ заранѣе взвѣшивалъ всѣ условія обстановки и намѣревался, по обыкновенію, взвинтить духъ своихъ войскъ какимъ-либо театральнымъ эффектомъ и возбудительнымъ приказомъ... На русскомъ берегу Лучесы блистали мириады бивачныхъ огней, какъ бы укрѣпляя въ французахъ увѣренность, что близокъ рѣшительный часъ...

СХЕМА

БОЯ НА ЛЪВОМЪ БЕРЕГУ Р. ЛУЧЕСЫ

15 юли

*

А въ дѣйствительности вся русская армія находилась уже въ полномъ отступленіи... Принятое на совѣщаніе старшихъ начальниковъ рѣшеніе отступать скрытно, подъ кровомъ ночной темноты, было выполнено съ такимъ замѣчательнымъ искусствомъ и порядкомъ, что это отступленіе справедливо считается классическимъ образцомъ. 15-го числа, въ 4 часа дня, когда Палень велъ еще бой съ противникомъ, части, наиболѣе удаленныя отъ противника и скрытыя отъ него мѣстностью, начали вытягиваться въ колонну; остальные войска отошли только ночью, соблюдая полнѣйшую тишину и оставя на мѣстахъ своего пребыванія многочисленныя огромныя костры, блескъ которыхъ вводилъ въ заблужденіе непріятеля, заставляя его думать, что мы преспокойно продолжаемъ бивакировать.

На разсвѣтъ 16-го французы, собравшіеся начать атаку, съ изумленіемъ увидѣли, что русской арміи, какъ говорится, и слѣдъ простылъ. На путяхъ къ Витебску не было ни одного отсталаго, ни одной брошенной повозки. Всѣ окрестныя селенія были оставлены жителями, такъ что не у кого было даже освѣдомиться о направленіи отступленія русскихъ...

Правда, распоряженіями Наполеона соприкосновеніе съ противникомъ было вскорѣ возстановлено... Занявъ со своею гвардіею Витебскъ, онъ выслалъ впередъ конницу Мюрата и корпусъ Нея, въ разныхъ направленіяхъ, причемъ первый вскорѣ столкнулся у Гапоновщины съ Паленовскимъ арьергардомъ. 17 іюля Наполеонъ еще не былъ вполнѣ увѣренъ, куда именно отошли главныя силы русской арміи и продолжалъ развѣдку; только 18-го онъ пришелъ къ заключенію, что мы отошли двумя дорогами (черезъ Порѣчье и Рудню) къ Смоленску.

Сопоставляя эти данныя съ донесеніями Даву изъ Могилева о положеніи нашей 2-й арміи, Наполеонъ справедливо рассчитывалъ, что, продолжая безостановочно преслѣдовать Барклая, онъ могъ бы предупредить Багратіона въ Смоленскѣ и помѣшать соединенію русскихъ армій... Но французы, утомленные и разстроенные непрерывными усиленными маршами, при палящемъ іюльскомъ зноѣ, оказывались въ такомъ состояніи, что Наполеону, въ противность всѣмъ его обыкновеніямъ, пришлось рѣшиться на перерывъ въ операціяхъ, на нѣсколько дней. Это давало возможность не только

Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ.

(Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Кюгельхена, гравироваль Паннемакеръ).

вздохнуть войскамъ, но подтянуть отсталыхъ, а главное—обозы и упорядочить снабженіе войскъ. Състныхъ средствъ не хватало, благодаря усвоенной населеніемъ системъ уничтоженія и скрытія запасовъ, не истребленныхъ еще нашими войсками, а продовольственные транспорты, съ такимъ тщаніемъ организованные Наполеономъ, настолько отставали, вслѣдствіе безкормицы лошадей, что помощи отъ нихъ войскамъ въ дѣлѣ доставки продовольствія съ тыла не было, въ сущности, никакой...

Такимъ образомъ, несмотря на самое благоприятное время года для веденія военныхъ операцій, Наполеонъ вынужденъ былъ терять драгоцѣнное время, отказываясь окончательно отъ выполненія своего основного плана и допуская сосредоточеніе нашихъ силъ...

Трехдневные арьергардные бои подъ Витебскомъ 13-го, 14-го и 15-го іюля обошлись намъ въ 3764 человекъ; французы потеряли приблизительно столько же (3704 г.). Въ донесеніи объ этихъ дѣлахъ Государю главнокомандующій давалъ такую оцѣнку поведенію войскъ:

„Войска Вашего Императорскаго Величества, въ теченіе сихъ „трехъ дней, съ удивительною храбростью и духомъ сражались „противу превосходнаго непріятели. Они дрались какъ россияне, пренебрегающіе опасностями и жизнью за Государя и Отечество“.

* * *

Обратимся теперь къ дѣятельности Императора Александра по оставленіи имъ арміи.

Передъ отъѣздомъ своимъ 6 іюля, Императоръ Александръ отправилъ съ генераль-адъютантомъ княземъ Трубецкимъ въ Москву нижеслѣдующее воззваніе, обращенное къ первопрестольной столицѣ.

Первопрестольной столицѣ нашей, Москвѣ:

„Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. „Онъ идетъ раззорять любимое Наше Отечество. Хотя пылающее „мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и „низложить дерзость его и зломысліе; однако же, по отеческому

„сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, напервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она была всегда главою прочихъ городовъ Россійскихъ: она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства того требуютъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, которую благословляетъ Богъ и православная наша Церковь; да поставитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ Сами стать посреди Народа Своего въ сей столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи“.

Одновременно съ этими воззваніями былъ изданъ Высочайшій Манифестъ о созывѣ „внутри государства новыхъ силъ“, т. е. ополченія. Въ Манифестѣ этомъ выражалась надежда, что врагъ встрѣтитъ „въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. „Соединитесь всѣ“—возглашалъ Манифестъ—„со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы челоѣческія васъ не одолѣютъ“.

Дворянству всѣхъ губерній предоставлено было собирать выставляемыхъ ими для защиты Отечества людей, избирая изъ своей среды начальниковъ и о числѣ ополченцевъ сообщая въ Москву, гдѣ назначалось мѣстопробываніе главноначальствующаго всѣмъ ополченіемъ.

Выѣхавъ изъ Полоцка въ ночь съ 6 на 7 іюля, Государь по пути въ Москву остановился только въ Смоленскѣ. Тамошнее дворянство, предупреждая призывъ Монарха, изъявило, черезъ губернскаго предводителя, готовность выставить двадцать тысячъ человѣкъ; многіе помѣщики изъ отставныхъ военныхъ заявили о своемъ желаніи стать въ ряды защитниковъ Отечества.

Въ всеподданнѣйшей просьбѣ смоленскаго дворянства было, между прочимъ сказано:

„Сии защитники Отечества, назначенные по городамъ и уѣздамъ, оставаться могутъ при своихъ жилищахъ до востребованія къ тому мѣсту Смоленской губерніи, гдѣ настоятъ будетъ нужда или опасность, куда изъ ближнихъ уѣздовъ подоспѣть могутъ въ самое короткое время, а изъ дальнихъ на своихъ подводахъ въ три дня, каждый съ провіантомъ, который въ сухаряхъ и крупѣ собственной въ заготовленіи для сего быть имѣетъ на мѣсяцъ, а по востребованію изъ уѣздовъ будутъ охранять оныя отъ ма-лыхъ непріятельскихъ партій. Если розданы будутъ ружья со штыками, пули и порохъ, то искусные и мужественные штабъ и оберъ-офицеры, живущіе по губерніямъ и въ деревняхъ своихъ, могутъ, при свободномъ времени, обучить надлежащей стрѣльбѣ, дѣствовать штыкомъ, способному и скорому движенію, а до получения ружей дозволить разобрать хотъ оставшіяся отъ милиціи пики, сколько ихъ находится по городамъ въ вѣдѣніи городничихъ“.

Произведя смотръ собраннымъ въ Смоленскѣ 27 батальонамъ и 8 эскадронамъ, имѣющимъ поступить на пополненіе арміи, Императоръ Александръ отбылъ къ Москвѣ. Тамъ, съ ранняго утра 11 іюля разнеслась вѣсть о предстоящемъ его пріѣздѣ. Всѣ улицы и площади переполнились народомъ; тысячи людей направились навстрѣчу Государю по Смоленской дорогѣ и дошли до 17-й версты.

Уклоняясь отъ торжественной встрѣчи, Императоръ Александръ пріостановился въ селѣ Перхушковѣ, а затѣмъ въѣхалъ въ столицу ночью.

12 числа, едва только стало разсвѣтать, какъ народъ неудержимымъ потокомъ хлынулъ на Красную площадь. Весь Кремль наполнился москвичами, жаждущими видѣть своего Верховнаго Вождя. Въ 9 часовъ утра Императоръ вышелъ на балконъ и тотчасъ же загремѣли, подъ звонъ колоколовъ, восторженные

клики. Приостановившись на Красномъ крыльцѣ, Государь направился къ Успенскому Собору, у входа въ который его привѣтствовалъ преосвященный Августинъ, викарій Московскій; затѣмъ совершенно было благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою, по случаю полученнаго еще въ Смоленскѣ извѣстія о заключеніи мира съ Турками.

Обстоятельство это имѣло чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ освободившіяся войска Дунайской арміи могли быть притянуты на театръ войны съ Наполеономъ, гдѣ имъ и суждено было сыграть рѣшительную роль.

15 іюля представители дворянства и купечества собрались въ залахъ Слободскаго дворца. Еще до пріѣзда Государя, Московскій главнокомандующій графъ Ростопчинъ прочелъ Высочайшій Манифестъ и горячею рѣчью призывалъ всѣхъ и каждого сплотиться для великаго дѣла защиты Отечества. Дворяне московскіе, по примѣру смолянъ, немедленно постановили выставить по одному съ каждыѣ десяти человекъ, что давало до 80 тысячъ ополченія; купцы собрали единовременно крупную сумму и открыли затѣмъ подписку для дальнѣйшаго сбора пожертвованій.

По пріѣздѣ Государя въ залу дворянскаго собранія, онъ былъ встрѣченъ съ необычайнымъ восторгомъ и душевнымъ подъемомъ. Въ краткихъ, прочувствованныхъ выраженіяхъ Монархъ объяснилъ положеніе вещей, закончивъ свою рѣчь такими словами; „Я твердо рѣшился истощить всѣ усилія моей обширной Имперіи „прежде, нежели покоримся высокомѣрному непріятелю“. Выслушавъ постановленіе московскихъ дворянъ, Государь сказалъ: Иного „я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать; вы оправдали мое о васъ мнѣніе“. Въ залѣ купечества отвѣтомъ на обращеніе Царя было лишь изъявленіе жертвовать всѣмъ, имуществомъ и собою. Открывшаяся затѣмъ подписка въ теченіе только двухъ часовъ дала полтора милліона рублей!...

За время шестидневнаго пребыванія своего въ Москвѣ Императоръ Александръ сдѣлалъ цѣлый рядъ весьма важныхъ по оборонѣ государства распоряженій. Признавая всеобщее вооруженіе Россіи пока преждевременнымъ, онъ рѣшилъ совершить созывъ ополченія только въ 16 губерніяхъ, ближайшихъ къ театру войны, о чемъ и былъ изданъ особый Манифестъ 18 іюля. Изъ этихъ губерній составлено было три округа. Въ первый изъ нихъ

предназначенный охранять Москву и ея районъ; вошли губерніи Московская, Тверская, Ярославская, Владимірская, Рязанская, Тульская, Калужская и Смоленская; во второй—назначенный для обороны Петербурга—губерніи Новгородская и Петербургская; наконецъ въ третій округъ вошли губерніи Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская и Вятская. Въ первыхъ двухъ округахъ немедленно надлежало приступить къ сбору, вооруженію и устройству ополченія; въ третьемъ же лишь расчислить и назначить людей, но до особаго повелѣнія не отрывать ихъ отъ занятій.

Для усиленія средствъ государственнаго казначейства остановлены были всѣ казенныя постройки и работы, а равно прекращены впредь до времени всякія ссуды частнымъ лицамъ изъ казенныхъ мѣстъ.

Тульскому оружейному заводу, начальникъ котораго былъ вызванъ въ Москву для полученія непосредственно Высочайшихъ указаній, было повелѣно частью изготовлять, частью передѣлывать ежемѣсячно по 13.000 ружей.

Для обороны Петербурга, независимо отъ войскъ графа Витгенштейна (см. ниже главу VIII-ю), приступлено къ формированію особаго корпуса, всего числительностью свыше 10 т. человекъ. Оборона Петербурга и начальствованіе надъ всѣми войсками въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Финляндіи ввѣрены были Кутузову—будущему главнокомандующему—только что вернувшемуся изъ Бухареста, по заключеніи мира съ Турками, плода его же побѣды.

Съ державами, враждебными Франціи, а именно съ Англіей и Испаніей, Императоръ Александръ возобновилъ дружескія сношенія, и какъ разъ во время пребыванія въ Москвѣ получены были имъ два договора, одинъ мирный съ Англіей, заключенный 6 іюля, а другой союзный съ Испаніей, подписанный 6 іюля.

По договору съ Англіей условлено было, между прочимъ, особыми секретными пунктами, возвращеніе нашей эскадры, захваченной англичанами въ 1808 г. въ устьѣ р. Таго, и уплата намъ субсидіи въ размѣрѣ 700 т. фунтовъ стерлинговъ или 4.200 тыс. рублей серебромъ. Русскія гавани были немедленно же открыты для англійскихъ судовъ, не ожидая обмѣна ратификаціями договора, а въ Петербургъ прибылъ англійскій чрезвычайный посоль.

Въ ночь съ 18 по 19 іюля Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Москвы и къ 22 іюля возвратился въ Петербургъ. Здѣсь 4 августа, издано было повелѣніе о новомъ рекрутскомъ наборѣ, по 2 человека съ каждыѣ 100 душъ, во всеѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не назначенъ былъ сборъ ополченія, а также кромѣ Псковской и Эстляндской губерній.

Дальнѣйшее отступленіе Багратіона до Бобруйска. Дѣло 2 іюля при Романовѣ. Подчиненіе Наполеономъ Даву всѣхъ силъ, дѣйствующихъ противъ 2-й арміи.

Попытка Багратіона пробиться въ направленіи на Могилевъ. Бой 11 іюля при Салтановкѣ. Переправа 2-й арміи черезъ Днѣпръ и движеніе лѣвымъ берегомъ Днѣпра къ Смоленску.

ъ то время, когда армія Багратіона заняла Несвижъ, 1-я армія была еще въ Дриссѣ, и разстояніе между ними, вмѣсто первоначальныхъ 90 вер., возросло до 300 верстъ. Такимъ образомъ опасность отдѣльнаго пораженія, въ особенности для 2-й арміи, значительно увеличилась...

Багратіонъ выждалъ въ Несвижѣ до вечера 28 іюня, пока не получилъ донесеній, что Минскъ уже занятъ авангардомъ Даву, а вестфальскій король приближается со стороны Новогрудка; саксонцы же Ренье близятся къ Слониму... Продолжать отдыхъ въ Несвижѣ становилось опаснымъ, и Багратіонъ возобновилъ движеніе на Бобруйскъ. 1 іюля главныя силы его достигли Слуцка, а арьергардъ Платова, усиленный сводной гренадерской дивизіей Воронцова, того же числа былъ въ Романовѣ.

Передъ выступленіемъ изъ Несвижа, Багратіонъ получилъ рескриптъ Императора Александра, посланный изъ Дрисскаго лагеря, въ которомъ обращалось вниманіе командующаго 2-й арміей на невыгоду уклоненія послѣдней въ направленіи на Бобруйскъ въ интересахъ общаго положенія дѣлъ, и выражалась надежда, что князь Багратіонъ откажется отъ этого намѣренія. Между тѣмъ, Багратіону только въ силу непреодолимыхъ обстоятельствъ приходилось отказываться послѣдовательно отъ движенія, сперва на Вилейку, потомъ на Минскъ, т. е. отъ *сближенія* съ 1-й арміей; даже отступление на Бобруйскъ оказывалось далеко не обезпеченнымъ, такъ какъ конница Даву уже заняла м. Свислочь, т. е. была отъ Бобруйска въ 40 верстахъ. Являлось болѣе чѣмъ несомнѣннымъ, что талантливый маршалъ, ясно понимая свою задачу, не станетъ медлить, а будетъ продолжать энергично свое движеніе въ обходъ праваго фланга Багратіона и въ отрѣзъ его отъ 1-й арміи...

Чтобы ускорить движеніе своей арміи, Багратіонъ оставилъ при ней только самый необходимый, провіантскій и лазаретный, обозъ. Всѣ же прочія тяжести, а также транспорты больныхъ и раненыхъ, были направлены черезъ Припять къ Мозырю. Какъ разъ въ это время Платовъ донесъ, что противникъ наступаетъ на Романово. Нужно было обезпечить отходъ тяжестей, и потому Платову велѣно было удерживаться въ Романовѣ до вечера 3 іюля; въ Слуцкѣ же оставлены были VIII корпусъ съ 2-й кирасирской дивизіей, на случай необходимости поддержать арьергардъ, причѣмъ имъ приказано даже атаковать вестфальскаго короля, если къ тому представится благопріятный случай.

Пораженіе, нанесенное Платовымъ подъ Миромъ дивизіи Рожнецкаго, пріостановило наступленіе авангарда короля Іеронима. Когда же послѣдующая развѣдка выяснила, что русскій арьергардъ также остановился, то Іеронимъ вообразилъ, что русскіе готовятся къ серьезному сопротивленію и, вознамѣрившись атаковать ихъ, снесся уже съ саксонскимъ корпусомъ Ренье, привлекая его къ себѣ для содѣйствія.

Но 30 іюня обстановка стала болѣе ясной королю Вестфаліи. Главное, онъ узналъ о занятіи Минска и Борисова войсками Даву, который, изъ перехваченнаго распоряженія Багратіона о

заготовкѣ продовольствія, точно выяснилъ себѣ направление отступленія русской арміи и подѣлился этими данными съ Іеронимомъ. Даву рассчитывалъ, что если послѣднему удастся заставить 2-ю армію принять бой, то онъ, Даву, выйдетъ ей въ тылъ, и тогда „трудно будетъ спастись хотя бы одному солдату изъ этой арміи“.

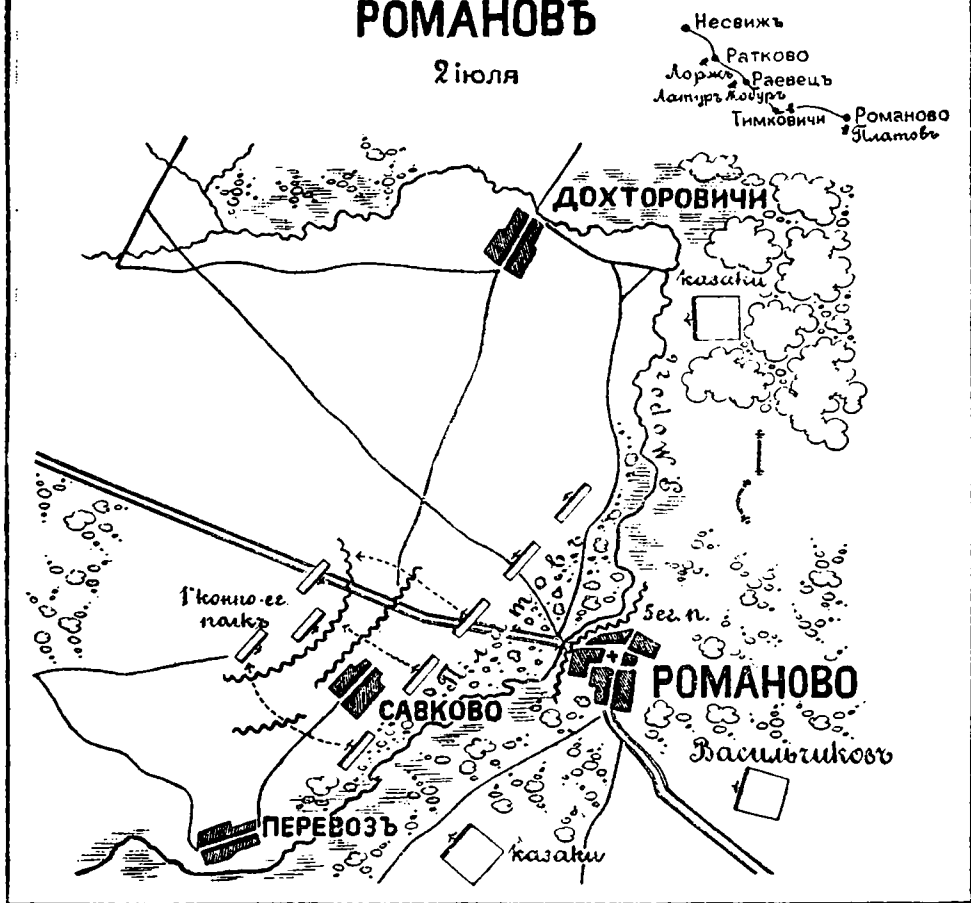
На 1 іюля конницы короля Іеронима, подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, приказано было прорвать завѣсу, скрывавшую силы и расположеніе 2-й арміи. Это и привело къ кавалерійскому бою у м. Романова.

Платовъ ночевалъ за болотистой рѣчкой Морочъ, у Романова, а 2 казачьихъ полка Карпова выдвинулъ впередъ, къ Тимковичамъ. На разсвѣтъ 2 іюля сюда подошла польская конница, подъ давленіемъ которой казаки постепенно отошли къ Романову. Чтобы послѣдніе не могли задерживать французовъ разрушеніемъ переправы черезъ Морочъ, Латуръ-Мобуръ послалъ полкъ конныхъ егерей полковника Пшепендовскаго, дабы помѣшать въ этомъ казакамъ. Слѣдуя своей обычной тактикѣ, станичники притворнымъ отступленіемъ вовлекли за собою поляковъ, а затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Романову, все болѣе и болѣе усиливали сопро-

СХЕМА Боя при РОМАНОВѢ

2 июля

Положение кавалерии
Геронима и Багратиона
ветерань 1го июля.

тивление. Самъ же Платовъ, получивъ донесение Карпова о наступлении только одного неприятельскаго полка, перевелъ четыре своихъ на другой берегъ Морочи, искусно скрывая ихъ въ прибрежныхъ поросляхъ.

Пшепендовскій, видя все болѣе и болѣе усиливающуюся казачью лаву, а также за рѣкою довольно значительный лагерь, понялъ, что имѣеть дѣло съ превосходными силами и началъ отходить; но въ это время пришло приказаніе Латуръ-Мобура,

Князь Петръ Ивановичъ Багратионъ.
(Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Доу).

заставившее его приостановиться *). Въ этотъ моментъ на него съ обоихъ фланговъ обрушилась казачья атака. Платовъ, видя сравнительную слабость противника, рѣшился наказать его за неосторожность... Поочередно эскадроны польскихъ конно-егерей были атакованы и разсѣяны казаками. Не менѣе 10 верстъ отдѣляло ихъ отъ главныхъ силъ французской конницы, которую Латуръ-Мобуръ тотчасъ же двинулъ всю на поддержку. Но Платовъ благоразумно не принялъ удара превосходныхъ силъ и, перейдя Морочъ, уничтожилъ мостъ, расположившись со вѣсьмъ своимъ арьергардомъ на томъ берегу рѣчки. Егеря заняли Романово и бывшее около него старинное укрѣпленіе; конная артиллерія перекрестнымъ огнемъ двухъ батарей обстрѣливала впереди лежащую мѣстность; казаки обезпечивали фланги; регулярная конница составляла резервъ.

Латуръ-Мобуръ со своею конницею (двѣ дивизіи) развернулся; его конная батарея открыла огонь, на который тотчасъ же отвѣтили наши батареи, начавшія обстрѣливать и приближавшіяся кавалерійскія колонны. Когда послѣднія подошли къ рѣкѣ, то егеря осыпали ихъ и ружейнымъ огнемъ. Болотистый ручей Морочъ оказывался непреодолимымъ для конницы, а обходные пути не были извѣстны. Вечеръ приближался; потери отъ огня русскихъ дѣлались чувствительны, а на флангахъ появились казаки. Поэтому Латуръ-Мобуръ счелъ за лучшее отвести свою конницу назадъ.

Тѣмъ временемъ Платовъ отвелъ часть своихъ силъ къ Слуцку и здѣсь, вмѣстѣ съ дивизіей Воронцова, они заняли позицію для принятія на себя войскъ, оставшихся у Романова.

Но противникъ не показывался, и Платовъ отступилъ только въ ночь съ 3 на 4 іюля, выигравъ такимъ образомъ цѣлыхъ двое сутокъ.

3 и 6 іюля 2-я армія сосредоточилась въ Бобруйскѣ, за рѣкой Березиной. Положивъ эту преграду между собою и войсками Іеронима, Багратіонъ приобрѣлъ возможность свободно дѣйствовать противъ одного Даву. Желая использовать выгоды такого положенія, главнокомандующій 2-й арміей вознамѣрился, движеніемъ

*) Польскій офицеръ, доставлявшій Латуръ-Мобуру донесеніе Пшепендовскаго, вслѣдствіе плохого знанія французскаго языка, обозначилъ количество непріятеля вмѣсто „5000“ словомъ „500“. Это вызвало гнѣвъ французскаго генерала, справедливо удивившагося, зачѣмъ спрашиваютъ его приказаній въ виду *слабѣйшаго* противника. Поучительный примѣръ вреда *словесныхъ* донесеній, особенно въ разноязычной арміи...

между Березиной и Днѣпромъ прямо на Могилевъ, попытаться войти въ связь съ 1-й арміей...

Какъ разъ въ это время у противника произошли событія, игравшія въ руку намѣреніямъ Багратіона.

Надо сказать, что король Іеронимъ, придавая вѣру слухамъ, исходившимъ отъ польскихъ помѣщиковъ и мѣстныхъ жителей, значительно преувеличивалъ силы Багратіона, насчитывая у него до 80 т.; къ тому же, его увѣряли, что на пути изъ Несвижа въ Слуцкъ послѣдній притянулъ къ себѣ съ Воьлини Тормасова, т. е. 3-ю армію. Поэтому онъ сдѣлалъ распоряженіе о привлеченіи къ себѣ саксонскаго корпуса Ренье и, поджидая его, замедлил свое движеніе.

Въ свою очередь предписанія Наполеона, ориентируя вестфальскаго короля относительно возложенной на Даву задачи прегражденія Багратіону путей въ сѣверо-восточномъ направленіи, требовали отъ Іеронима содѣйствія Даву путемъ безостановочнаго преслѣдованія Багратіона въ направленіи на Бобруйскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ, окончательно извѣрившись въ способностяхъ брата, 24 іюля подписалъ приказъ, согласно котораго общее начальствованіе всѣми войсками, дѣйствовавшими противъ 2-й русской арміи, возлагалось на Даву и, слѣдовательно, Іеронимъ *подчинялся послѣднему*. Такое распоряженіе жестоко обидѣло Іеронима, уже прежде имѣвшаго столкновеніе съ суровымъ маршаломъ какъ разъ на почвѣ командныхъ отношеній. Вестфальскій король сложилъ съ себя командованіе и облекъ начальника своего штаба правомъ передавать непосредственно корпусамъ приказанія Даву (бывшаго за полтора ста верстъ!)... Фактическимъ послѣдствіемъ этого распоряженія было то, что войска праваго крыла цѣлыхъ шесть дней, съ 3 по 9 іюля, оставались безъ общаго руководства и даже утратили соприкосновеніе съ арміей Багратіона...

Въ свою очередь Даву, занявъ Минскъ и вынудивъ нашу 2-ю армію уклониться къ югу, рѣшилъ дать нѣкоторый роздыхъ своимъ войскамъ, выжидая приближенія Іеронима и выясненія обстановки.

Такая заминка въ дѣйствіяхъ противника, очевидно, какъ нельзя болѣе играла въ руку князю Багратіону.

Прозорливостью своего генія Наполеонъ предугадалъ, что послѣдній будетъ стремиться отступать на Бобруйскъ, дабы вы-

играть пространство и предупредить французовъ на линіи рѣки Днѣпра у Орши, а затѣмъ — стараться выйти къ Витебску на соединеніе съ арміей Барклая. Вотъ почему онъ рекомендовалъ Даву, овладѣвъ какъ можно скорѣе Борисовымъ (переправа на Березинѣ), направиться оттуда къ Оршѣ или Могилеву, въ зависимости отъ обстоятельствъ, т. е. параллельнымъ движеніемъ въ промежуткѣ между обѣими русскими арміями попытаться перехватить путь Багратиону сперва долиною Березины, а затѣмъ—Днѣпра. „Мнѣ кажется очевиднымъ“—писалъ своему маршалу великій полководецъ—„что Багратионъ прежде всего долженъ попытаться двинуться вверхъ по лѣвому берегу Березины. Когда онъ узнаетъ, что мы овладѣли Борисовымъ, и что это невозможно, онъ постарается подняться вдоль праваго берега Днѣпра; когда же, наконецъ, увидитъ, что и это также невозможно, то, вѣроятно, переправится черезъ Днѣпръ, чтобы предупредить насъ въ Смоленскѣ“.

Послѣдующія событія въ точности оправдали эти предположенія Наполеона.

Захватъ Борисова былъ выполненъ Даву до полученія приведенныхъ указаній Императора, по собственному почину маршала, еще 29 іюня. По приближеніи къ этому пункту высланныхъ Даву двухъ полковъ конницы и батальона пѣхоты съ двумя орудіями, подъ команду Бордесуля, начальникъ Борисовскаго гарнизона, полковникъ Грессеръ, руководствуясь данными ему Багратиономъ приказаніями, заклепал свои орудія, затопилъ порохъ, уничтожилъ продовольствіе, сжегъ мостъ и со своимъ маленькимъ отрядомъ пошелъ черезъ Могилевъ на Бобруйскъ, навстрѣчу 2-й арміи. Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, Бордесуль занялъ Борисовъ.

Получивъ объ этомъ донесеніе, а также узнавъ изъ перехваченнаго приказанія Багратиона о предстоящемъ движеніи его на Слуцкъ—Бобруйскъ, Даву сгруппировалъ свои силы въ двухъ группахъ; ббльшая, подъ его личнымъ начальствомъ, стянулась къ Нѣжину, а меньшая, подъ начальствомъ Груши, къ Борисову. Въ результатѣ, линія р. Березины была занята французами почти одновременно съ нами. Сильная развѣдка французской конницы была направлена вдоль Березины на Бобруйскъ, а черезъ Березину у Борисова, мѣст. Березина и Якшиць, начата постройка мостовъ. Убѣдившись изъ донесеній своей конницы, что русскіе

движутся через Бобруйскъ къ Днѣпру, а также выяснивъ себѣ, изъ пререканій съ Іеронимомъ, что на войска послѣдняго, какъ слишкомъ отставшія, нечего рассчитывать для болѣе рѣшительныхъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ Багратіона, Даву рѣшаетъ слѣдовать указаніямъ Императора и, не теряя ни одной минуты, предупредить 2-ю армію на Днѣпрѣ. Корпусу Понятовскаго (изъ состава праваго крыла) предписывалось преслѣдовать Багратіона съ тыла; корпусъ Жюно былъ притянуть къ силамъ самого Даву, который усиленными маршами спѣшилъ къ Могилеву, захваченному его передовыми частями 8 іюля. Французы успѣли овладѣть бывшими здѣсь магазинами и помѣшать сожженію моста черезъ Днѣпръ. По вступленіи въ городъ головной дивизіи главныхъ силъ Даву, мостъ этотъ былъ немедленно обезпеченъ предмостнымъ укрѣпленіемъ.

Въ Могилевѣ французамъ достались довольно значительные запасы продовольствія, которыхъ не успѣли истребить, такъ какъ никто не предвидѣлъ здѣсь столь быстрого появленія французовъ. Губернаторъ графъ Толстой и много мѣстныхъ жителей успѣли покинуть городъ. Изъ оставшихся—преимущественно поляковъ—Даву удалось учредить временное правительство, пытавшееся даже образовать національную гвардію („народовую гвардію“) въ пользу французовъ. Но всѣ эти усилія ни къ чему не привели: набранные до 400 полу-голодныхъ шляхтичей разбѣжались, не сдѣлавъ еще по русскимъ ни одного выстрѣла. Однако въ Могилевѣ имѣлъ мѣсто едва ли не единственный за всю войну 1812 года примѣръ открытой измѣны со стороны лица, по своему положенію долженствовавшаго быть для всѣхъ образцомъ самоотверженія и преданности долгу. Могилевскій архіепископъ Варлаамъ не только перешелъ на сторону непріятели и поминалъ на ектеніяхъ Наполеона, какъ законнаго Государя, но побуждалъ къ тому же и паству свою, составивъ сверхъ того клятвенное обѣщаніе, которымъ всѣ принадлежавшіе къ его епархіи обязывались въ точности исполнять всѣ распоряженія французскихъ властей*).

Сопоставляя между собою всѣ полученныя имъ свѣдѣнія, Даву остановился на предположеніи, что Багратіонъ, перейдя Березину, либо пойдетъ прямо на востокъ, на Рогачевъ, и тамъ пере-

*) Богдановичъ т. I стр. 211.

правится черезъ Днѣпръ, либо повернетъ на Могилевъ. Въ первомъ случаѣ Даву рассчитывалъ, владѣя самъ обезпеченной переправой черезъ Днѣпръ въ Могилевъ, успѣть предупредить русскихъ на пути къ Смоленску; во второмъ онъ былъ увѣренъ, что преградить Багратіону дорогу, принявъ бой.

Что касается русскаго главнокомандующаго 2-й арміей, то вялость преслѣдованія съ тыла французскаго праваго крыла (объясняемая приведенными выше обстоятельствами) привела его къ заключенію, что съ этой стороны, особенно послѣ того, какъ за спиною у него имѣлась столь серьезная преграда, какъ рѣка Березина, ему особенно опасаться нечего. Онъ рѣшилъ поэтому, что на извѣстный срокъ ему можно считать свои руки развязанными для дѣйствій противъ Даву, и потому вознамѣрился обрушиться на послѣдняго и пробить себѣ кратчайшій путь на сѣверъ. Такое рѣшеніе вполне соотвѣтствовало складу характера и духу вскормленника и любимца великаго Суворова.

Полученный княземъ въ Бобруйскѣ Высочайшій рескриптъ, рекомендовавшій переправиться черезъ Днѣпръ внѣ опасности отъ непріятеля и совершить фланговый маршъ, прикрываясь этой рѣкою, не поколебалъ этого его рѣшенія. Не поколебало его и свѣдѣніе о томъ, что Орша занята французами, которые такимъ образомъ уже были въ 60 верстахъ отъ Смоленска. Багратіонъ рассчитывалъ, что въ случаѣ успѣха задуманнаго имъ наступленія, онъ не только быстро войдетъ въ связь съ 1-й арміей, но даже отрѣжетъ тѣ непріятельскія войска, которыя окажутся восточнѣе его, на пути къ Смоленску.

Обезпечивъ армію десяти-дневнымъ запасомъ провіанта и фуража, сдавъ коменданту Бобруйска всѣ тяжести, всѣхъ раненыхъ и военно-плѣнныхъ и присоединивъ къ своей арміи изъ Бобруйскаго гарнизона 6 резервныхъ батальоновъ, Багратіонъ двинулъ всю армію эшелонами по дорогѣ вдоль Днѣпра къ Могилеву.

Платовъ, сдавъ обязанности начальника арьергарда Воронцову, съ его сводно-гренадерскою дивизіей, направленъ былъ усиленными переходами по боковымъ дорогамъ, чтобы обогнать голову арміи.

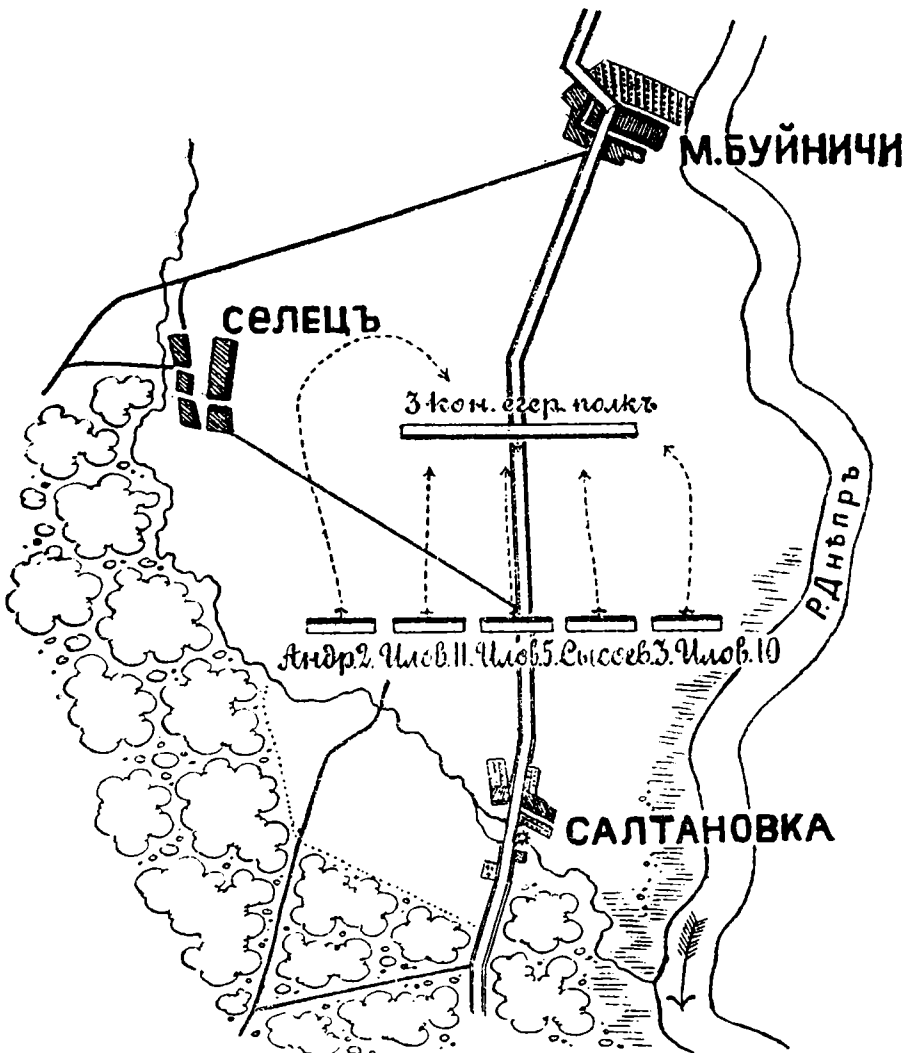
Шедшій въ головномъ эшелонѣ корпусъ Раевскаго достигъ Стараго Быхова 9 іюля. Шедшіе впереди его казаки Сысоева

*

СХЕМА

ДЪЛА ПОДЪ МОГИЛЕВОМЪ

9 ЮЛЯ

были уже подъ самымъ Могилевомъ и приняли на себя отрядъ Грессера, который изъ Борисова отошелъ на Могилевъ и теперь вынужденъ былъ также очистить и сей послѣдній, какъ уже было упомянуто выше. Сысоевъ, узнавъ о занятіи Могилева французами, тѣмъ не менѣе, со своими 2.000 коней (пять полковъ) продолжалъ безостановочно наступать къ этому городу; пройдя дер. Салтановку, онъ съ налету захватилъ партію французскихъ конно-егерей, а затѣмъ вовлекъ въ засаду шедшій на развѣдку 3-й конно-егерскій французскій полкъ, который, въ полномъ разстройствѣ казаки затѣмъ гнали до самаго Могилева. Только карточь артиллеріи и огонь пѣхоты, занимавшей окраину лѣса близъ южнаго выхода изъ города, остановили ихъ.

Изъ этихъ стычекъ Багратіонъ могъ убѣдиться, что онъ предупрежденъ въ Могилевѣ французами. Но онъ надѣялся, что силы ихъ еще не настолько успѣли скопиться, чтобы нельзя было положить себѣ дорогу по правому берегу Днѣпра. Переходить на лѣвый берегъ Багратіону не хотѣлось; зная, что французы владѣютъ въ Могилевѣ обезпеченной переправой, онъ опасался попасть тамъ между двухъ непріятельскихъ группъ—со стороны Могилева (Даву) и—тѣхъ войскъ главной массы французовъ, которыя (какъ онъ полагалъ) шли черезъ Оршу къ Смоленску.

Въ донесеніи Императору Александру Багратіонъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ эти причины, склонившія его къ пріятію вышеуказаннаго рѣшенія:

„Достигая, съ своей стороны, цѣли, предначертанной Вашимъ Величествомъ, чтобы преградить путь непріятелю къ Смоленску и имѣть въ тылу 2-й арміи центръ Россіи, я долженъ слѣдовать непремѣнно на Могилевъ, какъ по ближайшему пути, и тамъ только перейти Днѣпръ, ибо всѣ другія на ономъ переправы устроены на весьма отдаленныхъ дорогахъ; а что и того важнѣе, то оставляя въ Могилевѣ непріятеля, гдѣ бы ни переправилась армія, она всегда будетъ въ опасности попасть между двухъ, какъ полагать должно, довольно сильныхъ корпусовъ, идущаго изъ Орши на Смоленскъ и находящагося въ Могилевѣ“.

Однако, дѣлая распоряженіе о наступленіи арміи на Могилевъ, Багратіонъ, какъ истый ученикъ Суворова, въ предвидѣніи возможной неудачи, озаботился сооруженіемъ моста черезъ Днѣпръ у Нов. Быхова.

На основаніи показаній плѣнныхъ, шпионовъ и свѣдѣній изъ перехваченныхъ писемъ, Даву пришелъ еще 9 іюля къ заключенію, что русскіе наступаютъ черезъ Новый Быховъ на Могилевъ. Не придавая вѣры слуху о присоединеніи къ Багратіону Тормасова, онъ считалъ, что во 2-й арміи—4 пѣхотныхъ дивизіи, нѣсколько дивизій конницы и казачій корпусъ Платова, т. е. приблизительно то, что и было въ дѣйствительности.

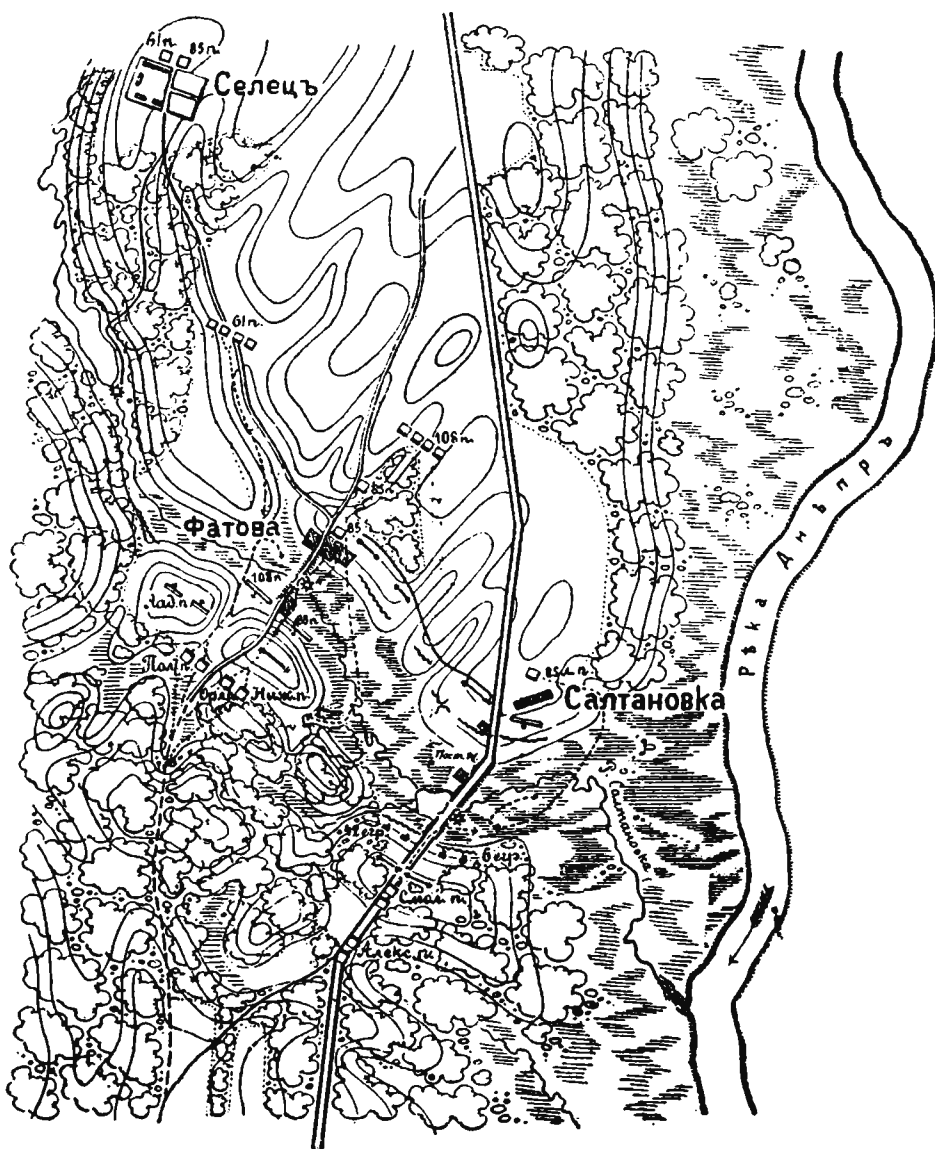
„Если князь Багратіонъ рѣшится дать бой,—писалъ Даву Понятовскому,—я буду имѣть много шансовъ на успѣхъ; если же „онъ будетъ преслѣдуемъ по пятамъ Латуръ-Мобуромъ, а Ваша „свѣтлость двинулись на соединеніе со мною, то армія эта должна „быть уничтожена“.

Утромъ 11 іюля Раевскій, бывшій въ головѣ 2-й арміи, рѣшилъ произвести развѣдку силъ противника по направленію къ Салтановкѣ, но получилъ отъ Багратіона записку, предписывавшую ему энергично атаковать непріятеля и ворваться въ Могилевъ, такъ какъ у противника, якобы, не болѣе 6 тысячъ человекъ...

На самомъ дѣлѣ Даву имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 17 тыс. пѣхоты, 3 т. конницы и 60 орудій. Силы же Раевского не превосходили 11 тыс. штыковъ, 5.300 сабель и 108 орудій. Другими словами Раевскій почти вдвое превосходилъ противника въ конницѣ и артиллеріи; но зато уступалъ ему значительно въ пѣхотѣ, особенно важной и полезной именно на той мѣстности, гдѣ въ дѣйствительности разыгрался бой.

Занятая французами позиція была очень сильна. Фронтъ ея, на протяженіи 1½ верстъ, прикрывался довольно глубокими оврагомъ и ручьемъ Салтановкой, на которомъ, у д. д. Фатовой и Салтановки, имѣлись мельницы, и были устроены плотины и мосты. Правый флангъ обезпечивался тѣмъ же ручьемъ; лѣвый—упирался въ болотистую долину рѣки Днѣпра. Обстрѣлъ передъ фронтомъ былъ невеликъ, благодаря близко подходящему къ нему лѣсу, съ полянами передъ переправами; но выходъ изъ этого лѣса былъ крайне труденъ, тѣмъ болѣе при томъ расположеніи артиллеріи, которое было принято французами и позволяло обстрѣливать эти выходы перекрестнымъ огнемъ. Постояльный дворъ у Салтановки и ближайшіе къ переправѣ дома деревни Фатовой были приспособлены къ оборонѣ и сильно заняты пѣхотою (5 батальо-

ПЛАНЪ
Боя при д. Салтановкѣ
11 Юля 1812 г.

Масштабъ
въ дюймѣхъ 200 с.

0 100 200 300 400 500 600 700 800 900 1000

новъ); мостъ у постоялаго двора былъ загражденъ, а мостъ и плотина у д. Фатовой—разрушены.

За деревней Фатовой въ частномъ резервѣ расположенъ былъ одинъ пѣхотной полкъ; а въ трехъ верстахъ позади у д. Сельца, стоятъ три полка дивизіи Компана, съ кирасирами. Еще далѣе назадъ, между Сельцомъ и Могилевомъ, поставлена была дивизія Клапареда; конница Пажоля (легкая бригада), съ однимъ полкомъ пѣхоты, охраняла дорогу отъ Могилева на Игумень....

Такимъ образомъ главная масса войскъ Даву расположена была скрытно уступомъ позади того фланга позиціи, который только и былъ сколько нибудь доступенъ охвату или обходу.

Шедшіе въ авангардѣ Раевского 6-й и 42-й егерскіе полки, сбивъ передовые посты французовъ у д. Новоселокъ, достигли на ихъ плечахъ Салтановской переправы. Но здѣсь они были встрѣчены картечью и ружейнымъ огнемъ изъ деревни. Несмотря на жестокія потери, молодцы-егеря съ налету прорвались черезъ деревню и уже близились къ гребню лѣваго берега, когда сброшены были подоспѣвшими французскими [резервами, отогнавшими ихъ обратно за плотину.

Прибывшій на мѣсто боя Раевскій убѣдился, что одолѣть позицію въ лобъ по единственному подступу, представляемому большою дорогою,—невозможно. Считая, что позиція противника не простирается далѣе деревни Фатовой, и опасаясь, чтобы противникъ не воспользовался густымъ лѣсомъ для обхода насъ слѣва,—онъ направилъ Паскевича съ 26-й дивизіей, Ахтырскими гусарами и казаками на д. Фатову въ обходъ праваго фланга противника. Раевскій предполагалъ самъ ударить съ фронта, по Салтановской плотинѣ, какъ только обходъ этотъ дастъ себя почувствовать.

Пройдя узкой колонной по лѣсной тропѣ, Паскевичъ принялъ на себя отступавшихъ егерей и отогналъ до опушки лѣса преслѣдовавшихъ ихъ французовъ. Послѣдніе залегли на томъ берегу ручья у д. Фатовой. Развернувъ артиллерию на полянѣ противъ Фатовой, Паскевичъ бросилъ въ атаку два головныхъ своихъ батальона, которые опрокинули врага и на его плечахъ перешли ручей и овладѣли нѣсколькими домами на противоположномъ берегу въ деревнѣ Селець. Паскевичъ подкрѣпилъ ихъ еще цѣлымъ полкомъ, но тутъ французы перешли въ контръ-атаку, какъ съ фронта, такъ и во флангъ, резервомъ, который былъ, какъ уже

Иванъ Федоровичъ Паскевичъ.

сказано, расположенъ у нихъ *уступомъ* за правымъ ихъ флангомъ. Самъ Даву лично находился здѣсь и воодушевлялъ наступавшіе батальоны. Пѣхота Паскевича была отброшена за ручей, причемъ преслѣдовавшіе ихъ французы, попавъ въ лѣсъ, частью проникли даже въ тылъ русской позиціи. Но самъ Паскевичъ принялъ ихъ, въ свою очередь, картечью артиллеріи и штыками своихъ резервовъ: французы были отброшены, послѣ чего съ обѣихъ сторонъ продолжался оживленный артиллерійскій и ружейный огонь.

Тѣмъ временемъ у Сапановки самъ Раевскій, выдвинувъ артиллерію, выжидалъ съ Смоленскимъ полкомъ, намѣреваясь ударить съ нимъ на плотину, какъ только скажется вліяніе обхода Паскевича. Съ обѣихъ сторонъ развивалась горячая перестрѣлка, причемъ выгоды расположенія французской артиллеріи давали ей возможность наносить крупныя потери нашимъ войскамъ, какъ только они выходили изъ лѣсу. По гулу выстрѣловъ Раевскому показалось, что Паскевичъ подается впередъ, и онъ, ставъ во главѣ полка самолично, вмѣстѣ со своимъ штабомъ *), повелъ его въ атаку на плотину.

Безъ выстрѣла грозно двинулись смоленцы; но внезапно отъ себя справа увидали французовъ на нашемъ берегу. Это была колонна, которой удалось перебраться скрытно черезъ ручей ниже моста. Раевскій немедленно повернулъ противъ нея и, несмотря на жестокія потери, наносимыя ему непріятельской артиллеріей, загналъ эту колонну въ болото; атака моста не вышла, и Слава Богу, такъ какъ пришедшее отъ Паскевича донесеніе о его неудачѣ разъяснило Раевскому дѣйствительную обстановку.

Поддержанный однимъ батальономъ изъ корпуснаго резерва (всего 4 б-на), Паскевичъ еще разъ сдѣлалъ попытку овладѣть позиціей у д. Фатовой. Подошедшій батальонъ онъ направилъ лѣсомъ въ обходъ позиціи французовъ; но въ это время пришло приказаніе Раевского отступить. Командиръ корпуса убѣдился по силѣ сопротивленія и изъ показаній плѣнныхъ, что войска Даву значительно превосходятъ числомъ его собственныя; къ тому же условія мѣстности, сводившія бой къ лобовой атакѣ двухъ перекрестно-обстрѣливаемыхъ открытыхъ тѣснинъ, дѣлали задачу, возложенную на Раевского, фактически невыполнимой. Отступление это исполнено было шагъ за шагомъ; французы преслѣдовали очень слабо.

*) Въ рядахъ котораго были его собственные сыновья.

Составъ войскъ Раевского, у котораго преобладала надъ противникомъ конница, не отвѣчалъ совершенно тѣмъ условіямъ мѣстности, въ которыхъ пришлось вести Салтановскій бой. Потери наши доходили до 2.500 чел.; у французовъ—нѣсколько болѣе 1000 чел.

Старшіе начальники обѣихъ сторонъ выказали необычайное самоотверженіе, увлекая войска личнымъ примѣромъ. Раевскій, Паскевичъ, Васильчиковъ—все время были въ первыхъ рядахъ сражающихся, причемъ первый былъ контужень. Также и Даву все время находился въ огнѣ и во время атаки Фатовой чуть не попался въ плѣнъ.

Донося о сраженіи князю Багратіону, Раевскій писалъ:

„Единая храбрость и усердіе русскихъ войскъ могли избавить меня отъ истребленія противъ превосходнаго непріятели на столь выгодной для него позиціи. Я самъ свидѣтель, что многіе офицеры и нижніе чины, получа по двѣ раны и перевязавъ ихъ, возвращались въ сраженіе, какъ на пиръ. Не могу довольно выхвалить храбрости и искусства артиллеристовъ: всѣ были герои. Этотъ бой былъ первымъ боемъ моего корпуса въ походѣ. Войска одушевлены были примѣрнымъ мужествомъ и ревностью, достойными удивленія“...

Багратіонъ могъ, конечно, попробовать повторить ударъ всѣми силами; но труднодоступность позиціи Даву побудила его отказаться отъ этого и избрать другое рѣшеніе, а именно, введя въ заблужденіе французскаго маршала, попробовать предупредить его въ Смоленскѣ. На такое рѣшеніе, несомнѣнно, повліяли и полученныя Багратіономъ изъ Бобруйска извѣстія о предполагаемомъ движеніи большихъ силъ непріятели на Рогачевъ и Старый Быховъ, что грозило 2-й арміи серьезной опасностью очутиться между двухъ огней, если [бы она упорствовала пробиваться къ Могилеву.

Всѣ обозы и тяжести, кромѣ самыхъ необходимыхъ, Багратіонъ тотчасъ же послалъ, подъ прикрытіемъ 18-го егерскаго полка, къ Новому Быхову, приказавъ имъ безотлагательно начать переправу на тотъ берегъ Днѣпра. Самъ же главнокомандующій, дабы лучше скрыть свои замыслы отъ противника, выступилъ 12 іюля къ Старому Быхову только съ однимъ VIII корпусомъ; VII же корпусъ Раевского, усиленный дивизіей Воронцова, продолжалъ

оставаться на прежнихъ позиціяхъ у Дашковки, занятыхъ ими послѣ отступленія отъ Салтановки, что должно было поддерживать въ Даву убѣжденіе, что русскіе намѣрены повторить ударъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Багратіонъ направилъ Платова съ 15 казачьими полками, Изюмскими гусарами и 1-мъ егерскимъ полкомъ на соединеніе съ 1-й арміей. Это движеніе Платова въ то же время прикрывало фланговый маршъ самого Багратіона въ видѣ боковаго авангарда и, несомнѣнно, играло весьма важную демонстративную роль, привлекая на себя вниманіе Даву. Если бы послѣдній все же направился черезъ Могилевскую переправу наперерѣзъ Багратіону, то Платовъ первый попадался ему навстрѣчу и могъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ задерживать французовъ.

Направленіе для движенія Платова избрано было слѣдующее. Онъ съ конницей перешелъ Днѣпръ вбродъ у Ворколабова, а егерей переправилъ у Ст. Быхова на паромѣ. Двигая послѣднихъ на смѣнныхъ подводахъ, чтобы они не отставали отъ конницы, Платовъ къ вечеру того же дня достигъ Острововъ, успѣвъ подняться вверхъ по Днѣпру верстъ болѣе чѣмъ на 30.

Упорныя атаки Раевского и Паскевича въ бою 11 іюля при Салтановкѣ принесли, все-таки, свою долю пользы. Маршалъ Даву вывелъ изъ нихъ заключеніе, что русскихъ гораздо больше, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности. Поэтому 12 іюля Даву цѣлый день потратилъ на укрѣпленіе своей позиціи у Салтановки и все время ждалъ атаки со стороны нашей 2-й арміи.

Къ нему сосредоточились почти всѣ его войска, кромѣ одного полка, оставленнаго въ Могилевѣ. А 13 іюля произведена была у Новаго Быхова переправа черезъ Днѣпръ VIII русскаго корпуса съ главной квартирой и обозами; VII же корпусъ цѣлый день 12-го оставался на прежнемъ мѣстѣ у Дашковки и только на другой день отошелъ къ Ст. Быхову, а 14 и 15 іюля совершилъ переправу; послѣдними перешли казаки, уничтожившіе за собою мостъ.

14 іюля Даву узналъ о томъ, что армія Багратіона совершила у Нов. Быхова переправу на тотъ берегъ Днѣпра. Обладая самъ обезпеченной переправой у Могилева и имѣя здѣсь почти всѣ силы, причемъ къ Могилеву приближались уже и головныя части войскъ V польскаго корпуса Понятовскаго, Даву, разумѣется, успѣлъ бы воспрепятствовать движенію Багратіона къ Смоленску. Но, къ счастью послѣдняго, маршала ввели въ заблужденіе доне-

сенія конницы о будто бы значительныхъ силахъ русскихъ, выдвинувшихся изъ Смоленска въ направленіи на Оршу. На самомъ дѣлѣ эти свѣдѣнія вызваны были небольшимъ сравнительно авангардомъ нашимъ, направленнымъ отъ формировавшагося въ Смоленскѣ резервнаго корпуса. Зная, что главныя силы Наполеона должны быть у Витебска, Даву не считалъ возможнымъ рисковать быть отъ нихъ отрѣзаннымъ, что могло неминуемо случиться при наступленіи его наперерѣзъ Багратіону, если бы силы наши, наступавшія со стороны Смоленска, были дѣйствительно значительны. Считая себя вмѣстѣ съ тѣмъ обязаннымъ обезпечивать правый флангъ главной массы „великой арміи“, которому это предполагаемое движеніе русскихъ на Оршу могло также угрожать, Даву, рѣшилъ, по присоединеніи корпуса Понятовскаго, двинуться *вверхъ* по Днѣпру, что онъ и сдѣлалъ 16 іюля.

Итакъ, Даву не рискнулъ перейти Днѣпръ, изъ опасенія попасть въ клещи между нашими обѣими арміями. Такая осторожность испытаннаго предводителя объяснялась во многомъ еще и ослабленіемъ его силъ, несмотря на прибывшія въ Могилевъ подкрѣпленія: изъ бывшихъ въ его распоряженіи первоначально *ста* почти тысячь человекъ—въ его рукахъ теперь, на Днѣпрѣ, оказывалось не болѣе 70 тысячъ. Причины такой убыли были тѣ же, что и во всѣхъ прочихъ частяхъ „великой арміи“, чѣмъ и обуславливалась для нея неизбѣжная необходимость роздыха и перерыва въ операціяхъ въ самое выгодное для того время года.

Уже по пути къ Оршѣ полученъ былъ приказъ Наполеона объ общей пріостановкѣ наступленія и войска Даву, а также праваго крыла должны были, подчиняясь этому распоряженію, стать по квартирамъ вдоль теченія Днѣпра, подтянувшись ближе къ своимъ главнымъ силамъ.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, движеніе на Смоленскъ какъ Платова, такъ и самого Багратіона, совершилось безъ всякой помѣхи. Платовъ, дойдя до Горокъ 14 іюля, выслалъ три сильныя партіи (отъ 500 до 700 коней) въ направленіи на Шкловъ, Копысь и Оршу, гдѣ, по его свѣдѣніямъ, были большіе отряды французской конницы, сбиль ихъ, захвативъ у Шклова даже плѣнныхъ, и прикрылъ такимъ образомъ свое собственное движеніе на Дубровну, выше Орши, гдѣ онъ и перешелъ Днѣпръ 15 іюля, а 17 іюля у Любавичъ уже вошелъ въ связь съ войсками 1-й арміи.

Въ тотъ же день 2-я армія достигла Мстиславля. Этотъ пунктъ былъ уже настолько удаленъ отъ войскъ Даву и близокъ къ Смоленску, что соединеніе обѣихъ армій съ этого дня можно было считать обезпеченнымъ. Багратіонъ поэтому далъ истомленнымъ людямъ своимъ дневку и, не спѣша, въ три перехода достигъ Смоленска, куда прибылъ 22 іюля, двумя днями позже 1-й арміи.

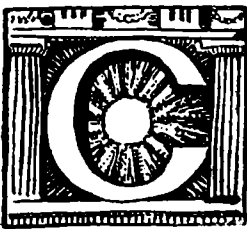
Когда 2-я армія, 21 іюля, была еще въ переходѣ отъ Смоленска, а 1-я армія уже находилась тамъ, князь Багратіонъ поѣхалъ въ Смоленскъ—являться военному министру. Послѣдній встрѣтилъ его, какъ старшаго въ чинѣ, въ передней, въ шарфѣ и со шляпой въ рукахъ.

Необходимо было рѣшить теперь, кому же будетъ принадлежать главное начальство надъ всѣми войсками, собравшимися у Смоленска? Отсутствіе единоначалія уже давало себя чувствовать даже и при раздѣленномъ положеніи армій; со времени же ихъ соединенія, установленіе нормальныхъ командныхъ отношеній являлось дѣломъ еще болѣе настоящимъ. Тѣмъ не менѣе опредѣленнаго распоряженія на этотъ счетъ сдѣлано не было. Багратіонъ, повидимому добровольно подчинилъ себя Барклаю; Императоръ выразилъ обоимъ свое удовольствіе по поводу „добраго согласія“ между ними; но, въ виду кореннаго различія во взглядахъ обоихъ главнокомандующихъ, полнѣйшаго несходства ихъ характеровъ и личныхъ свойствъ и взаимнаго недоброжелательства, легко было предвидѣть возникновеніе цѣлаго ряда трений, весьма неблагоприятныхъ для успѣха дѣла, что и сказалось въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

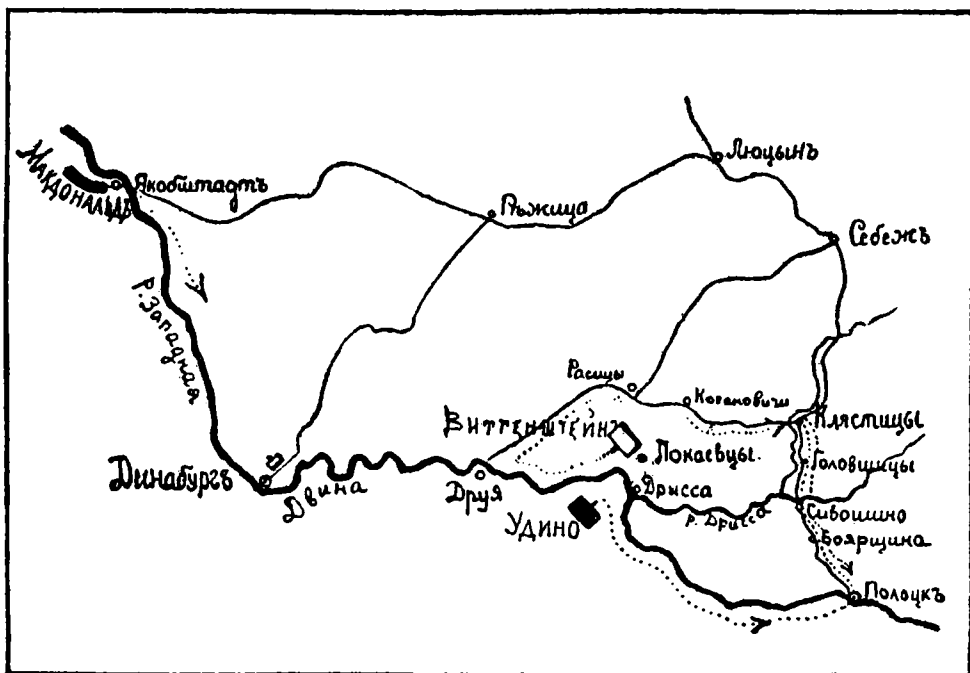
Дѣйствія фланговъ „великой арміи“ Совмѣстное наступленіе корпусовъ Макдональда и Удино противъ Витгенштейна. Сраженіе у Клястиць. Значеніе дѣйствій Витгенштейна.

оединеніемъ нашихъ обѣихъ армій у Смоленска и почти одновременною пріостановкою Наполеономъ своего наступленія заканчивается первый періодъ Отечественной войны. Прежде чѣмъ перейти къ его оцѣнкѣ, необходимо изложить еще дѣйствія фланговъ „великой арміи“, происходившія частью одновременно съ уже описанными событіями, частью въ періодъ послѣдующаго перерыва операций главныхъ массъ.

Для обезпеченія себя *слѣва*, какъ уже было сказано въ своемъ мѣстѣ, Наполеонъ, въ самомъ началѣ своего развертыванія, назначилъ прусскій корпусъ Макдональда (33 тыс.), которому дано было направленіе на Тильзитъ—Россіены. Здѣсь Макдональдъ выдѣлилъ часть своихъ силъ (одну дивизію) для осады Риги, овладѣть которою ему было поручено въ цѣляхъ пріобрѣтенія воднаго коммуникаціоннаго пути по Западной Двинѣ. Самъ же маршалъ, съ остальными войсками своего корпуса, направился къ

Схема дѣйствій Витгенштейна.

Якобштадту, располагая перейти здѣсь Западную Двину и угрожать затѣмъ правому флангу нашей 1-й арміи, которая въ это время отступала къ Дриссѣ.

Въ это время мы могли противопоставить Макдональду только 15 тысячный гарнизонъ крѣпости Риги, подъ командою ген. Эссена, да $3\frac{1}{2}$ тысячный отрядъ въ Динабургѣ (Двинскѣ), гдѣ къ сооруженію укрѣпленій было только приступлено.

Но какъ только 1-ю армію рѣшено было вывести изъ Дрисскаго лагеря, изъ нея выдѣленъ былъ I пѣхотный корпусъ графа Витгенштейна, на который возложена слѣдующая, весьма важная задача. Онъ долженъ былъ остаться близъ Дриссы и, стараясь удерживаться на Двинѣ, прикрывать пути, ведущіе къ Петербургу, а въ случаѣ возможности—дѣйствовать наступательно въ тылъ главной массѣ французовъ. Базою Витгенштейну назначался Псковъ, куда онъ и долженъ былъ отходить въ случаѣ неудачи. Общая численность войскъ Витгенштейна доходила до 36 батальоновъ, 27 эскадроновъ, одного казачьяго полка, девяти артиллерійскихъ и одной піонерной роты, въ числѣ около 25 тысячъ

Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнь.
(Съ гравюры Карделли).

человѣкъ при 108 орудіяхъ. Онъ расположился сѣверо-западнѣ Дриссы, у Покаевцевъ.

Графу Петру Христіановичу Витгенштейну было въ то время отъ роду сорокъ четыре года. Онъ не обладалъ большими познаніями, но былъ чрезвычайно бодръ и дѣятеленъ, умѣлъ, когда нужно, ободрить войска личнымъ примѣромъ и наэлектризовать ихъ.

Въ свою очередь Наполеонъ, пройдя Дриссу, выдѣлилъ II корпусъ Удино, который долженъ былъ, совмѣстно съ Макдональдомъ, дѣйствовать противъ Витгенштейна и угрожать путямъ на Петербургъ.

Еще при первомъ извѣстіи о переходѣ непріятельскими войсками границы, Рижскій военный губернаторъ, генераль-лейтенантъ Эссенъ быстро привелъ Ригу въ оборонительное состояніе; вошелъ въ связь съ англійскою эскадрою, прибывшею къ устьямъ Двины, для чего установилъ оптической телеграфъ на шпилѣ лютеранскаго собора; ввелъ въ означенную рѣку, а также и въ рѣку Аа, присланныя ему на помощь англійскія канонерки, чтобы препятствовать переправѣ французовъ черезъ нижнюю Двину; перегналъ на правый берегъ всѣ лодки и лѣсные матеріалы и пр.

Имѣя подъ своимъ начальствомъ до 18 тысячъ человѣкъ, Эссенъ надѣялся удержаться въ полѣ и не дать противнику обложить крѣпость. Онъ выдвинулъ въ направленіи на Шавли сильный авангардъ генераль-лейтенанта Левиза (8 батальоновъ, 4 эскадрона, и нѣсколько казачьихъ полковъ, всего около 6 т.), занявшій позицію около Экау. Авангардъ этотъ 7 іюля былъ атакованъ пруссаками. Левизъ упорно отбивался, но, будучи обойденъ съ обоихъ фланговъ, вынужденъ былъ отойти къ Ригѣ... Пруссаки заняли нижнее теченіе р. Аа. Тогда генераль Эссенъ вывезъ всѣ присутственныя мѣста и учрежденія изъ Риги моремъ въ Перновъ, очистилъ дома ближайшихъ къ крѣпости кварталовъ предмѣстій города и приказалъ ихъ выжечь. Распространившійся пожаръ уничтожилъ и часть самаго города.

Тѣмъ временемъ, пока одна дивизія Макдональда подступала къ Ригѣ, самъ онъ съ другою дивизіей строилъ въ Якобштадтѣ мосты черезъ Двину, двинувъ одинъ полкъ вверхъ по ея теченію, въ направленіи къ Динабургу.

Такимъ образомъ, противъ Витгенштейна направлялись, съ одной стороны, 28 тысячный корпусъ Удино, при 114 орудіяхъ,

съ другой—половина корпуса Макдональда, т. е. тысячъ около 12; всего, значить,—болѣе чѣмъ полуторное превосходство силъ.

Наполеонъ не объединилъ власти надъ обоими корпусами, предназначенными дѣйствовать совмѣстно; это упущеніе повторяется у него зачастую въ кампанію 12-го года, а между тѣмъ, высшее руководство ему самому не было физической возможности всегда удерживать въ своихъ рукахъ, особенно въ отдаленіи отъ района главныхъ операцій. Указанное обстоятельство надлежитъ постоянно имѣть въ виду при разслѣдованіи причинъ неудачъ французовъ въ эту кампанію.

Удино и Макдональдъ сами вошли между собою въ соглашеніе относительно послѣдующихъ дѣйствій, но, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, дѣйствовали совершенно разрозненно, что и облегчило Витгенштейну разрѣшеніе его трудной задачи.

Намѣреніе маршаловъ было, путемъ концентрическаго наступленія, соединить свои силы у Себежа, выйдя въ тылъ Витгенштейну и отрѣзавъ его отъ Пскова и Петербурга. Удино намѣрень былъ обойти Витгенштейна съ востока, притянувъ его на себя, пользуясь чѣмъ Макдональдъ могъ, прямымъ наступленіемъ отъ Якобштадта къ Себежу, поставить нашъ I корпусъ въ безвыходное положеніе.

Послѣ неудачныхъ попытокъ овладѣть Динабургскимъ предмостнымъ укрѣпленіемъ, Удино двинулся вверхъ по Двинѣ, по дорогѣ разрушилъ Дрисскій лагерь и занялъ 14 іюля Полоцкъ.

Первоначально Витгенштейнъ имѣлъ въ виду, задерживая Удино на линіи р. Дриссы меньшею частью своихъ силъ, самому съ большею частью перейти на южный берегъ Двины у Друи и ударить въ лѣвый флангъ и тылъ французамъ.

Имѣя трехтысячный отрядъ въ Динабургѣ, для обезпеченія себя справа, Витгенштейнъ выдвинулъ влѣво два боковыхъ отряда и приступилъ уже къ сбору матеріаловъ для постройки у Друи моста. Боковые отряды эти должны были обезпечивать корпусъ въ случаѣ движенія Удино по Петербургской дорогѣ; имъ приказано было всѣми мѣрами задерживать противника на переправахъ черезъ притоки Двины, чтобы дать время главнымъ силамъ, уже не переходя Двины, ударить Удино въ лѣвый флангъ...

Такимъ образомъ Витгенштейнъ готовился на два случая: либо самому перейти Двину и бить Удино въ хвостъ, если время позволить, либо, наоборотъ, давъ перейти французамъ на сѣвер-

ный берегъ рѣки, обрушиться на нихъ сбоку. Но болѣе смѣлую первую комбинацію, которая начала уже приводиться въ исполненіе, пришлось отложить въ виду полученія болѣе точныхъ свѣдѣній о поведеніи Макдональда близъ Якобштадта.

То обстоятельство, что оба непріятельскихъ корпуса, Удино и Макдональда, совершали переправу черезъ Западную Двину на флангахъ Витгенштейна,—одинъ у Полоцка, другой у Якобштадта,—заставило командира I корпуса думать, что противники намѣрены соединить свои силы у него въ тылу и отрѣзать его отъ Петербурга.

Витгенштейнъ справедливо расчиталъ, что переходить за Двину при такихъ условіяхъ было бы чрезчуръ рискованно, и рѣшилъ направить туда только Кульнева съ авангардомъ, дабы нападеніемъ на тылъ французовъ нѣсколько задержать ихъ движеніе; самъ же рѣшилъ обратить въ свою пользу раздѣленіе силъ противника и, занявъ между ними срединное положеніе, дать французамъ перейти Двину, а затѣмъ обрушиться на тотъ изъ непріятельскихъ корпусовъ, который окажется ближайшимъ.

Для сосредоточенія I корпуса избрана была центральная позиція у селенія Расицы; авангардъ же Кульнева, переправясь черезъ Двину, выспалъ впередъ нѣсколько отрядовъ, одинъ изъ которыхъ успѣлъ уничтожить непріятельскій транспортъ, забравъ свыше 400 плѣнныхъ.

Выставленные по теченію рѣки Дриссы, притока Двины, боковые отряды Казачковскаго и Балка, расположенные у Покаевцевъ и Волынцевъ, обнаружили тѣмъ временемъ наступленіе съ юга къ рѣкѣ Дриссѣ значительныхъ силъ французовъ. Отряды эти начали даже отходить назадъ; но Витгенштейнъ, нѣсколько усиливъ ихъ и присоединивъ къ отряду Балка вернувшійся обратно авангардъ Кульнева, велѣлъ и Балку, и Казачковскому возвратиться на прежнія мѣста и упорно держаться.

Сопоставляя между собою полученныя свѣдѣнія, Витгенштейнъ остановился окончательно на рѣшеніи двинуться наперерѣзъ Удино, который уже выступилъ изъ Полоцка по Петербургской дорогѣ, и попытаться нанести ему отдѣльное пораженіе.

Отсюда видно, что Витгенштейнъ, находясь въ промежуткѣ между двумя группами противника, обратился къ тому способу дѣйствій, который является въ подобныхъ случаяхъ удѣломъ наи-

*

болѣе выдающихся полководцевъ. А именно, онъ рѣшился бить враговъ *по частямъ*, причемъ совершенно правильно прежде всего направилъ свой ударъ противъ Удино, какъ сильнѣйшаго, ближайшаго и опаснѣйшаго противника.

Небольшому отряду, бывшему въ Динабургѣ, было приказано привлекать на себя Макдональда ложными передвиженіями; самъ же Витгенштейнъ всѣми силами пошелъ на Клястицы, гдѣ рассчитывалъ перехватить Удино, притянувъ къ себѣ изъ за Двины и Кульнева, успѣвшаго все-таки уничтожить непріятельскій транспортъ, забравъ свыше 400 плѣнныхъ.

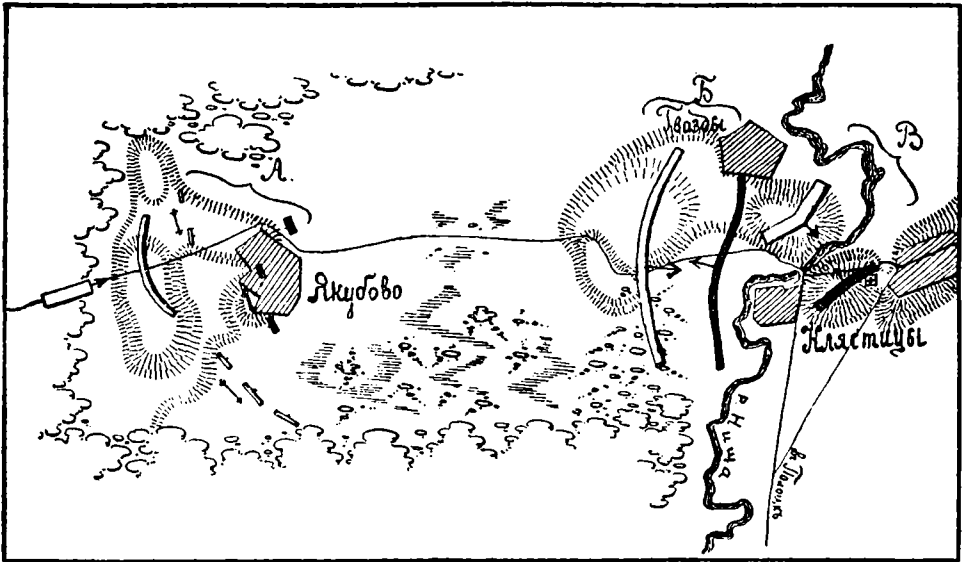
„Я рѣшился идти сего же дня въ Клястицы и 19-го числа на „разсвѣтѣ атаковать Удино всѣми силами. Если, съ помощью Все-„вышняго, я счастливъ буду, что его разобью, тогда съ однимъ „Макдональдомъ останусь покоенъ“. Такъ писалъ Витгенштейнъ военному министру.

Удино, дѣйствительно, не теряя времени выступилъ изъ Полоцка 15 іюля и, перейдя р. Дриссу вбродъ у Сивошина 18-го утромъ прибылъ къ Клястицамъ. Лѣвѣе его наступала дивизія Мерля, оставленная имъ у Дисны и перешедшая здѣсь Двину, а все движеніе прикрывалось конницею Корбино, которая столкнулась уже 16-го числа у д. Филипповой съ нашею передовою конницею Кульнева. Войска Мерля отъ Дисны были направлены къ Сивошину, для прикрытія пути отступленія Удино; по занятіи же Клястиць, послѣдній, узнавъ о приближеніи съ запада нашихъ войскъ, двинулъ къ Якубову дивизию Леграна.

Захватъ Клястиць раньше французовъ давалъ бы Витгенштейну важное преимущество въ смыслѣ обезпеченія *безопасности* своего положенія: онъ имѣлъ бы въ своихъ рукахъ путь отступленія черезъ Себежъ на Псковъ. Но еще на маршѣ къ Кохановичамъ Витгенштейнъ узналъ, что французы его предупредили и находятся ближе къ Клястицамъ. Тѣмъ не менѣе Витгенштейнъ, не колеблясь, рѣшилъ продолжать безостановочно наступленіе и атаковать противника у Клястиць во флангъ, имѣя въ виду, въ случаѣ неудачи, отходить на Люцинъ къ Острову, прикрываясь со стороны Макдональда оставленнымъ противъ него динабургскимъ отрядомъ.

Послѣдній, хотя и вынужденъ былъ къ этому времени, въ виду извѣстій о приготовленіи Макдональда къ переправѣ у Якоб-

Схема боя у Клястиць.

штадта, очистити Динабургъ, дабы не быти отрѣзаннымъ; однако все же, пользуясь пересѣченною и закрытою мѣстностью этого района, отрядъ этотъ могъ рассчитывать успѣшно задерживать прусскій корпусъ на время, достаточное для того, чтобы графъ Витгенштейнъ успѣлъ такъ или иначе расправиться съ противникомъ, угрожавшимъ съ юго-восточной стороны.

Въ ночь съ 17 на 18 іюля войска I пѣхотнаго корпуса двинулись къ рѣкѣ Свольнѣ. Какъ разъ въ это время пришло отъ главнокомандующаго 1-й арміей извѣщеніе о томъ, что главныя силы этой арміи отошли изъ Витебска къ Смоленску. Это извѣстіе порождало опасеніе: не воспользуется ли Наполеонъ отступленіемъ нашихъ главныхъ силъ для того, чтобы усилить Удино, съ цѣлью вѣрнѣе нанести поражение войскамъ, прикрывающимъ Петербургскую дорогу. Во всякомъ случаѣ, принимая активное рѣшеніе, отнюдь нельзя было медлить, а вышеуказанное предположеніе придавало времени еще большую цѣну.

Серьезность положенія побудила графа Витгенштейна созвать военный совѣтъ, но не для того, чтобы искать рѣшенія, а наоборотъ,—чтобы вдохнуть его въ подчиненныхъ. Оказалось, что послѣдніе почти единогласно примкнули къ мнѣнію о необходимости немедленной атаки....

18 іюля на разсвѣтъ авангардъ I корпуса, подъ начальствомъ Кульнева, силою въ 3.730 человекъ съ 12 орудіями, перераясь черезъ рѣчку Свольну по бывшему здѣсь полуразрушенному деревянному мосту, двинулся въ направленіи къ Якубову.

Шедшіе въ головѣ гродненскіе гусары обнаружили (около 2 ч. дня) французовъ на полянѣ предъ Якубовымъ; пріостановившись на опушкѣ густого лѣса, скрывавшаго его силы, Кульневъ подтянулъ свою пѣхоту, а затѣмъ потѣснилъ непріятельскихъ стрѣлковъ и захватилъ высоту впереди Якубова. Но на открытой мѣстности сравнительная слабость нашего авангарда сдѣлалась очевидной, и Легранъ энергично перешелъ въ наступленіе, стараясь отбросить Кульнева обратно въ лѣсъ. Только благодаря образцовой работѣ нашей конной артиллеріи (особенно, конной роты Сухозанета), птицей переносившейся съ мѣста на мѣсто и картечью своей отбрасывавшей противника въ самую рѣшительную минуту, Кульневу удалось удержаться на опушкѣ до подхода самого графа Витгенштейна съ двумя полками егерей и артиллерійскою ротой. Войска эти двинуты были немедленно по полученіи извѣстія о столкновеніи авангарда съ французами, послѣ того, какъ черезъ рѣчку Свольну былъ выстроенъ вполнѣ надежный мостъ. По подходѣ ихъ, тотчасъ же правое крыло авангарда, поддержанное ими, перешло въ наступленіе и потѣснило французовъ до Якубова, не успѣвъ однако овладѣть этимъ селеніемъ, которое французы зажгли. Къ ночи Легранъ былъ, въ свою очередь, поддержанъ дивизіей Вердье, пользуясь чѣмъ Удино возобновилъ атаку, стараясь вогнать насъ въ лѣсную тѣснину; но такъ какъ тѣснота мѣста не позволяла французамъ выставить болѣе 12 орудій, у насъ же дѣйствовало ихъ вдвое больше, то, въ результатѣ противнику пришлось отойти съ большими потерями. Артиллерійскій бой продолжался еще до 11 часовъ вечера. Насколько жестокъ онъ былъ вообще въ этотъ день, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что конная артиллерійская рота Сухозанета потеряла 83 человекъ изъ 216 бывшихъ въ строю, что составляетъ болѣе трети наличнаго состава.

Къ ночи графъ Витгенштейнъ подтянулъ къ Якубову всѣ свои силы; онъ намѣренъ былъ на утро возобновить атаку. Что же касается Удино, то онъ ошибочно не притянулъ къ себѣ дивизію Мерля, оставленную, какъ упомянуто выше, на переправѣ черезъ

**Генераль-лейтенантъ
Яковъ Петровичъ Кульневъ.**

Дриссу, и этимъ лишилъ себя драгоцѣннаго содѣйствія цѣлой трети своихъ силъ.

19 іюля бой возобновился съ трехъ часовъ утра. Первоначальная наша атака на мызу Якубову была удачно отражена французами, пользуясь чѣмъ маршалъ Удино повелъ рѣшительную атаку на нашъ центръ; но искусный перекрестный огонь нашей артиллеріи нанесъ такія жестокія потери французамъ, что, двукратно повторивъ свою попытку, они ея больше не возобновляли.

Замѣтивъ замѣшательство противника, Витгенштейнъ рѣшилъ немедленно этимъ воспользоваться и перешелъ въ контръ-атаку. На центръ направленъ былъ съ двумя полками (Сѣвскимъ и Калужскимъ) генераль Казачковскій; правое крыло атаковали два другихъ полка (Пермскій и Могилевскій); наконецъ, три егерскихъ полка ударили лѣвомъ на лѣвое непріятельское крыло. Стремительный этотъ ударъ былъ успѣшенъ: центръ и лѣвое крыло французовъ были опрокинуты, причемъ мы грозили отрѣзать ихъ отъ переправы черезъ Дриссу и Двину, т. е. отъ связи съ главными силами Наполеона. Натискъ русскихъ былъ такъ стремителенъ, что французы сдали на всѣхъ пунктахъ и поспѣшили отойти къ Клястицамъ, впереди которыхъ заняли новую позицію на песчаныхъ возвышенностяхъ праваго берега рѣки Нищи. Но и здѣсь наши войска снова успѣшно атаковали ихъ и заставили продолжать отступление. Удино отправилъ свою артиллерію на тотъ берегъ рѣки, а для выигрыша времени произвелъ своимъ резервомъ контръ-атаку, которая дала возможность ему въ порядкѣ перевести свои силы черезъ Нищу.

Здѣсь, на лѣвомъ берегу этой рѣки, впереди Клястиць, французы заняли третью позицію. Единственный мостъ у Клястиць они обстрѣливали сильнымъ перекрестнымъ огнемъ стрѣлковъ, застѣвшихъ въ домахъ деревни, и орудійнымъ огнемъ батарей, размѣщенныхъ на высотѣ. Располагая обойти французскій правый франгъ, Витгенштейнъ, одновременно съ атакою пѣхоты съ фронта, направилъ почти всю конницу къ деревнѣ Гвозды, думая переправить ее выше этого пункта вбродъ; но оказалось что топкіе берега не допускаютъ этого, и потому было приступлено здѣсь къ постройкѣ моста. Замѣтивъ это, Удино зажегъ свой мостъ у Клястиць и началъ отступление къ Полоцку. Тогда Витгенштейнъ, желая овладѣть брошенною французами переправою, дабы не терять

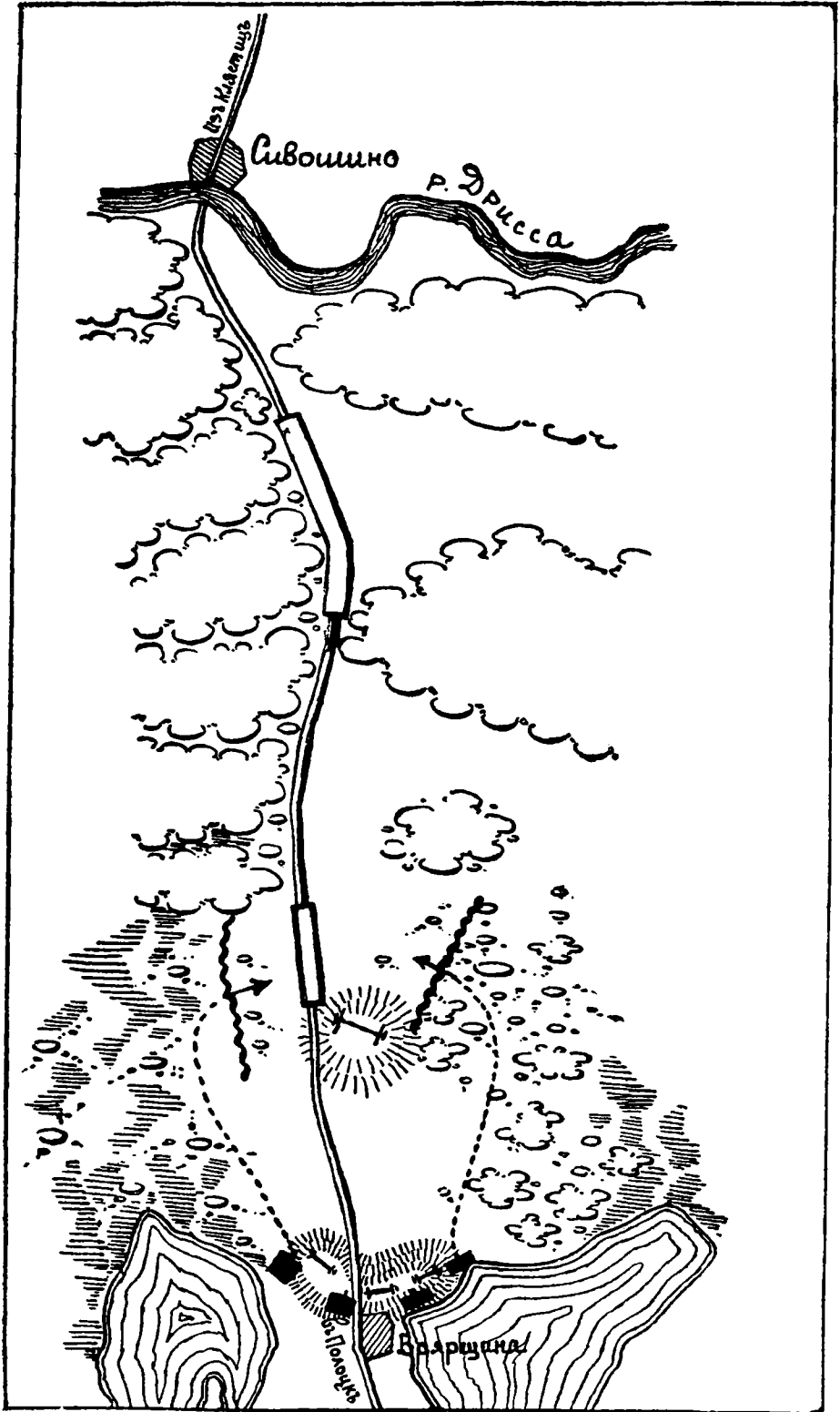
соприкосновенія съ противникомъ, бросилъ на пылающей мостъ изъ своего резерва батальонъ павловскихъ гренадеръ (нынѣ л.-гв. Павловскій полкъ). Батальонъ этотъ, несмотря на огонь непріятельскихъ стрѣлковъ, успѣлъ перебѣжать на ту сторону и, при содѣйствіи двухъ переведенныхъ Сухозанетомъ вбродъ легкихъ орудій, утвердился на томъ берегу. Остальныя войска, пользуясь найденнымъ бродомъ, пошли слѣдомъ; точно также и конница нашла себѣ бродъ нѣсколько ниже.

Утомленіе войскъ, сражавшихся непрерывно уже второй день, заставило Витгенштейна пріостановить свой корпусъ у Клястиць, а для преслѣдованія противника выдѣлить только авангардъ Кульнева, изъ батальона пѣхоты, 2¹/₂ полковъ конницы, казаковъ и 4 конныхъ орудій. Стрѣлки и два пѣхотныхъ полка (Пермскій и Могилевскій), шедшіе сперва вмѣстѣ съ авангардомъ, остановились затѣмъ верстахъ въ шести за Клястицами. Остальныя войска, бывшія наканунѣ въ бою, расположились бивакомъ у Клястиць; резервъ же г.-м. Сазонова, въ сраженіи не участвовавшій, возстановивъ у Клястиць разрушенную мостъ, двинулся вслѣдъ за авангардомъ и къ ночи дошелъ до рѣки Дриссы.

Въ результатъ, подъ Клястицами, семнадцать тысячъ русскихъ войскъ одержали верхъ надъ двадцати тысячнымъ французскимъ корпусомъ, ибо резервъ Сазонова, какъ только что сказано, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Упорство боя было чрезвычайное, противникъ трижды возобновлялъ сопротивление; его пришлось выбивать съ трехъ послѣдовательныхъ позицій. Настойчивость графа Витгенштейна въ преслѣдованіи поставленной цѣли, его умѣнье одушевить войска и использовать всѣ ихъ силы заслуживаютъ глубокаго вниманія.

Французы быстро отступали, бросая по пути множество обозовъ и отсталыхъ. Кульневъ, получившій приказаніе не ввязываться въ упорный бой съ противникомъ до подхода главныхъ силъ корпуса, къ ночи на 20 іюля достигъ рѣки Дриссы; но, видя разстройство противника, онъ рѣшилъ неотступно его преслѣдовать и въ ту же ночь перешелъ названную рѣку. Подходя къ д. Боярщинѣ, казаки его настигли непріятеля. Не развѣдавъ какъ должно силъ противника и не обративъ вниманія на свойства мѣстности, Кульневъ, полагавшій, что имѣетъ дѣло только съ разстроеннымъ, спѣшно отступающимъ арьергардомъ, стреми-

Схема боя у Боярщины.

тельно выдвинулся всѣми своими силами изъ лѣса на открытую поляну передъ д. Боярщиной, намѣреваясь сильнымъ ударомъ сбить противника.

А между тѣмъ, здѣсь на самомъ дѣлѣ были всѣ силы корпуса Удино, ибо послѣдній, перейдя на южный берегъ Дриссы, присоединилъ къ себѣ дивизію Мерля. Фланги французовъ упирались въ окруженныя болотами озера, а передъ фронтомъ была длинная плотина, обстрѣливаемая перекрестнымъ огнемъ батарей. Этотъ огонь сразу разстроилъ нашу дебушировавшую изъ лѣса конницу, которая къ тому же съ обоихъ фланговъ была обойдена пѣхотою противника, пробравшеюся черезъ болото. Часть нашей пѣхоты, не успѣвшая поддержать конницу, была отгѣснена за рѣку Дриссу; артиллерию, которую самъ Кульневъ расположилъ на томъ берегу для прикрытія отхода передовыхъ войскъ, французы обошли съ фланговъ, захвативъ даже 6 орудій. Кульневъ старался привести въ порядокъ свои войска и, слѣзши съ коня, шель пѣшкомъ въ самыхъ послѣднихъ рядахъ. Въ послѣднюю минуту боя, когда онъ остановился у одного изъ своихъ орудій, непріятельское ядро оторвало ему обѣ ноги... Умирая, Кульневъ снялъ съ себя шейный георгиевскій крестъ и отдалъ его несшимъ его солдатамъ, чтобы противникъ не зналъ, „что ему удалось убить русскаго генерала“...

Гибель Кульнева, имя котораго гремѣло въ нашей арміи еще съ Финляндской войны 1808—09 г., была большою для насъ потерей. Это былъ типъ отважнаго, смѣлаго авангарднаго начальника, воина отъ головы до пятъ, по словамъ котораго „наша Матушка-Россія тѣмъ именно и хороша, что въ ней всегда гдѣ-нибудь да дерутся“... Кульневъ жилъ душа въ душу съ солдатами, умѣлъ съ ними говорить, умѣлъ дѣлить съ ними и горе, и радость, такъ что за нимъ шли, какъ говорится, въ огонь и въ воду.... Живя постоянно на солдатскомъ пайкѣ и щеголяя въ мундирѣ солдатскаго сукна, Кульневъ былъ въ то же время однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; въ перепискѣ его на каждомъ шагѣ встрѣчаются французскія и латинскія цитаты, и видно знакомство съ самой разнообразной литературой....

Въ постигшей Кульнева у Боярщины неудачѣ отчасти можно упрекать и генерала Сазонова, который будучи выдвинутъ съ ночи къ рѣкѣ Дриссѣ и, слѣдовательно, находясь всего въ пяти вер-

Бой у Клястиць.

Рис. М. Яковлевъ.

стахъ отъ поля сраженія, слишкомъ медленно двигался на поддержку и не оказалъ авангарду своевременной помощи.

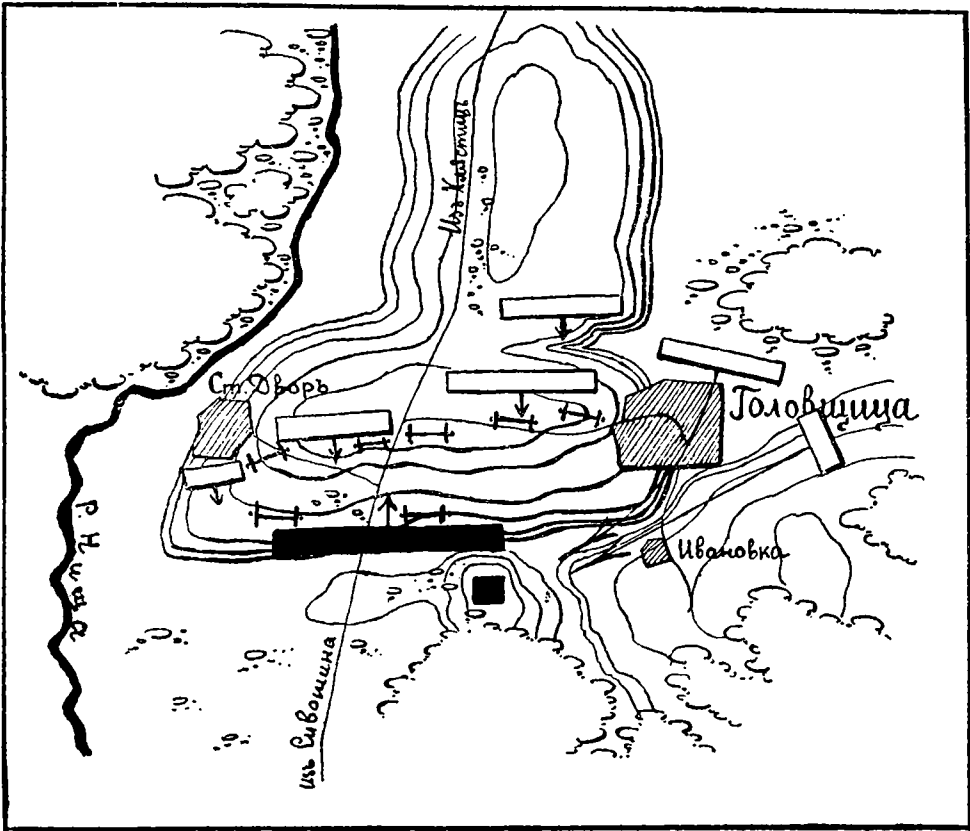
Любопытно, что ошибку Кульнева, вслѣдствіе коей его авангардъ потерпѣлъ у Боярщины неудачу, повторилъ немедленно же вслѣдъ затѣмъ французскій генералъ Вердье, дивизию котораго Удино послалъ для преслѣдованія русскихъ послѣ Боярщины.

Дѣло въ томъ, что графъ Витгенштейнъ, выступившій, какъ и было имъ заранѣе рѣшено, въ 8 часовъ утра 20 іюля, уже достигъ всѣми своими главными силами деревни Головщицъ, когда къ нему пришло извѣстіе о пораженіи Кульневскаго авангарда и смерти Кульнева. Приостановивъ свой корпусъ, графъ Витгенштейнъ рѣшилъ встрѣтить здѣсь преслѣдующихъ французовъ свѣжими силами; разбитыя же войска авангарда были отведены въ резервъ.

Главныя силы своего корпуса Витгенштейнъ расположилъ, оперевъ ихъ правымъ флангомъ въ рѣку Нищу, а лѣвымъ занявъ деревню Головщицу.

Дивизія Вердье, стремясь какъ можно скорѣе настигнуть уходившія отъ нея на сѣверъ въ разстройство русскія войска, далеко оставила позади себя главныя силы корпуса Удино, и, послѣ жаркой канонады, смѣло набросилась на центръ расположенія Витгенштейна; но здѣсь ее встрѣтилъ ожесточенный перекрестный огонь орудій, послѣ котораго русскія войска сами перешли въ контръ-атаку съ обоихъ фланговъ. Вердье былъ потѣсненъ на всѣхъ пунктахъ; онъ тщетно пытался удержаться у небольшой роши на правомъ своемъ флангѣ, но здѣсь его обошла наша пѣхота, и атаковала во флангъ конница, захватившая въ плѣнъ часть задержавшейся въ лѣсу французской колонны. Вторичная попытка Вердье удержаться у Соколищей была разрушена стремительнымъ натискомъ преслѣдователей, которые все продолжали тѣснить отступавшихъ, все время обходя ихъ фланги лѣсомъ, гдѣ работали егеря. Разстройство дивизіи Вердье было такъ велико, что оно передалось и Удино, который поспѣшилъ отступить за Дриссу и сжегъ мостъ у Сивошина. Витгенштейнъ дошелъ авангардомъ до Боярщины, а головой главныхъ силъ—до Сивошино; Удино же оттянулъ на другой день весь свой разстроенный корпусъ къ Полоцку.

Схема боя у Головщиць.

Потери, понесенныя Удино за все это время, исчисляются французскими источниками от 3 до 4 тысяч человекъ, русскими—от 8 до 10 тысяч человекъ. Во всякомъ случаѣ уронъ долженъ былъ быть гораздо значительнѣе показаннаго у французовъ, такъ какъ иначе Наполеону не пришлось бы дѣлать распоряженія о привлеченіи на поддержку Удино корпуса С. Сира, въ числѣ 13 т. человекъ, что довело общую численность французскихъ войскъ у Полоцка до 35 тысячъ. И несмотря на это, французы настолько были подавлены неуспѣхами, что въ наступленіе не перешли и предоставили „герою Петрополя“ (какъ прозванъ былъ графъ Витгенштейнъ) атаковать себя у Полоцка.

Витгенштейнъ дѣйствительно, несмотря на неравенство силъ, рискнулъ этою атакой. Обстоятельства ему отчасти благопріятствовали. Макдональдъ, вмѣсто того, чтобы идти, какъ было условлено, на соединеніе съ Удино въ направленіи Себежа (что

угрожало бы сообщеніямъ Витгенштейна), поднялся вдоль Западной Двины до Динабурга (уже очищеннаго нами къ этому времени) и здѣсь занялся уничтоженіемъ укрѣпленій, затопленіемъ въ рѣкѣ орудій, сожженіемъ складовъ и т. п., которыми могла бы воспользоваться французская армія. Послѣ этого, узнавъ объ исходѣ наступленія Удино, Макдональдъ остался въ бездѣйствіи у Динабурга, не предпринимая ничего рѣшительнаго, ни противъ Риги, ни противъ Витгенштейна.

Если бы Макдональдъ, вмѣсто этого, переправившись черезъ Двину у Якобштадта, пошелъ бы въ направленіи на Себежъ, то Витгенштейнъ былъ бы вынужденъ отступить на сѣверъ, и силы французовъ и пруссаковъ сосредоточились бы, что дало бы имъ крупное численное превосходство надъ нашимъ I корпусомъ.

Сперва командиръ послѣдняго, ожидая наступленія Макдональда, остался въ выжидательномъ положеніи на правомъ берегу рѣки Дриссы, у Соколищей, выславъ сильный авангардъ къ сторонѣ Полоцка; но когда онъ, изъ развѣдокъ въ направленіи къ Волинцамъ, Полоцку и Невелю, окончательно убѣдился въ томъ, что Удино неподвиженъ, и получилъ точныя донесенія о поведеніи Макдональда въ Динабургѣ, онъ передвинулся къ Расицамъ, дабы занять между обѣими непріятельскими группами болѣе срединное положеніе.

Съ присоединеніемъ С. Сира у Удино образовалось свыше *тридцати-пяти* тысячъ человекъ; у Витгенштейна въ наличности было не болѣе *двадцати* тысячъ; но эти войска были ободрены только что одержанными успѣхами и въ изобиліи снабжены всѣмъ необходимымъ.

VI баварскій корпусъ С. Сира, двигавшійся въ хвостъ другихъ корпусовъ „великой арміи“, съ самаго начала похода обреченъ былъ на чрезвычайныя трудности и лишенія. Двигаясь по дорогѣ, загроможденной обозами и отсталыми и къ тому же оголенной отъ всякаго продовольствія, корпусъ на первыхъ же переходахъ потерялъ *двѣсти* лошадей и вынужденъ былъ съ 24 по 29 іюня шесть дней простоять на мѣстѣ, чтобы отдохнуть и запастись хлѣбомъ. 1 іюля онъ прибылъ въ окрестности Вильны, причемъ, послѣ смотра, Наполеонъ отдѣлилъ отъ него всю конницу, а пѣхоту съ артиллеріей отправилъ къ Глубокому, назначивъ прибыть туда 10 іюля. На этомъ маршѣ баварцы подверглись еще болѣе

жестокимъ испытаніямъ. Изъ Вильны они выступили съ двухсуточной дачей плохого хлѣба, а безъ конницы добывать пропитаніе со стороны не было возможности! Въ результатѣ, на каждомъ переходѣ оставалось по нѣскольکو сотъ больныхъ: всѣ окрестныя фольварки и имѣнія превратились въ госпитали. Въ Глубокое VI корпусъ прибылъ въ столь жалкомъ состояніи, что Наполеонъ не захотѣлъ его видѣть.... Въ концѣ концовъ, за пять недѣль кампаніи, корпусъ С. Сира потерялъ, не будучи ни разу въ бою, болѣе 12 тысячъ, т. е. *половину* своего состава. Вотъ почему этотъ корпусъ,—въ сущности дивизія—и былъ обращенъ на подкрѣпленіе корпусу Удино.

Сперва Витгенштейнъ, видя бездѣйствіе Удино, думалъ обратиться противъ Макдональда и уже приказалъ заготовлять у Друи матеріалы для переправы черезъ Двину; но, получивъ извѣстіе объ усиленіи Удино, рѣшилъ снова атаковать его, какъ ближайшаго и сильнѣйшаго, а потому опаснѣйшаго изъ двухъ противниковъ. Къ 30 іюлю двинувшіяся впередъ, въ направленіи къ Полоцку, войска I корпуса, на рѣкѣ Свольнѣ столкнулись съ передовыми частями корпуса С. Сира: французы, оказывается, тоже перешли въ наступленіе. Усиленная развѣдка, произведенная по распоряженію начальника штаба корпуса Довре (замѣстившаго на время графа Витгенштейна, страдавшаго отъ раны, полученной при Головщицахъ), разгорѣлась въ сильное боевое столкновеніе на рѣкѣ Свольнѣ.

Сперва Гродненскіе гусары и казаки энергично атаковали непріятельскую конницу и оттѣснили ее къ пѣхотѣ, расположенной на самомъ берегу рѣки, но артиллерія французовъ съ другого берега осыпала ихъ такою картечью, что принудила отхлынуть назадъ. Тогда Довре двинулъ пѣхоту авангарда, расположивъ батареи на высотахъ у деревни Пожарища. Лѣвое крыло французовъ было опрокинуто къ рѣкѣ; войска нашего праваго фланга пытались форсировать мостовую переправу, но были остановлены жестокою непріятельскою канонадой.

Въ то же время нашему лѣвому флангу угрожали сильныя колонны. Послѣднія были остановлены подоспѣвшею бригадою Казачковскаго, составившею наше лѣвое крыло. Удачное дѣйствіе артиллеріи этого крыла заставило французовъ отступить на этомъ участкѣ на южный берегъ Свольни, причемъ они успѣли зажечь

мость. Казачковскій,—одинъ изъ героевъ войны 1808—09 г.г. въ Финляндіи,—немедленно воспользовался этимъ успѣхомъ и ударилъ въ центръ французскаго расположенія, гдѣ на самомъ берегу ими сильно занята была мыза Свольна. Русскій штыкъ поработалъ здѣсь на славу! Множество французовъ было перебито и потоплено въ рѣкѣ и болѣе 200 человекъ захвачено въ плѣнъ. Наши стрѣлки, увлеченные преслѣдованіемъ, перемахнули и на тотъ берегъ, гдѣ подверглись атакѣ французскихъ кирасиръ. Послѣдніе, однако, при преслѣдованіи подверглись жестокому истребленію со стороны застѣвшихъ на мызѣ Свольнѣ гренадеръ Пермскаго полка, а затѣмъ Гродненскихъ гусаръ, ударившихъ имъ во флангъ, и наконецъ—артиллеріи, жестоко разившей ихъ съ того берега. Сорокъ восемь орудій нашихъ громили неустанно противника, но и его батареи отвѣчали не умолкая, такъ что дальнѣйшія попытки обѣихъ сторонъ форсировать рѣку въ теченіе послѣдующаго дня не имѣли успѣха.

Въ дѣлѣ на Свольнѣ мы потеряли до 700 человекъ; французы, вѣроятно, гораздо больше; однихъ плѣнныхъ у нихъ взято до 300. За Свольненское дѣло Довре получилъ Георгія 3-й степени.

Рѣшительный характеръ дѣйствій нашихъ войскъ въ этомъ бою заставилъ Удино полагать, что къ Витгенштейну подошли подкрѣпленія; маршалъ поэтому счелъ болѣе благоразумнымъ укрыться за рѣку Дриссу.

Прибывшій 1 августа къ своему корпусу графъ Витгенштейнъ сдѣлалъ тотчасъ же распоряженіе для преслѣдованія французовъ. Вечеромъ того же дня къ нему присоединился трехтысячный отрядъ, находившійся раньше въ Динабургѣ.

За время своей поѣздки въ тылъ командиръ I корпуса принялъ рѣшительныя и энергичныя мѣры по организациі подвоза продовольствія къ своимъ войскамъ, въ чемъ ему оказалъ значительную помощь Псковскій губернаторъ князь Шаховской.

Ближайшая по району дѣйствій I корпуса Витебская губернія была лишена мѣстныхъ средствъ; въ Псковской же губерніи были довольно большіе магазины, но главная трудность была въ доставкѣ этихъ запасовъ. Благодаря содѣйствію губернатора, Витгенштейну удалось придвинуть къ войскамъ, изъ главныхъ магазиновъ Пскова и Острова въ расходные магазины Люцина и Себежа, двадцатидневный запасъ продовольствія для своего корпуса

который затѣмъ постепенно, по мѣрѣ надобности, доставлялся въ войска. Все, что вывезено было изъ главныхъ магазиновъ, сейчасъ же пополнялось средствами Псковской губерніи, сосредоточиваемыми, благодаря князю Шаховскому, частью изъ сельскихъ магазиновъ, частью—скупкою, наконецъ—добровольными пожертвованіями. Тѣми-же способами добыть порціонный скоть, соль и вино. Фуражъ пока добывался еще въ Витебской губерніи, но съ большими затрудненіями. Нужно было еще пополнить боевые припасы, для подвоза которыхъ понадобились обывательскія подводы, опять же быстро собранныя благодаря Шаховскому.

Уже 2 августа, т. е. на слѣдующій день по прибытіи, Витгенштейнъ двинулъ свои силы впередъ. Въ предшествіи двухъ авангардовъ, одного, направленного прямо къ Волынцамъ, а другого—черезъ Клястицы къ Сивошину, чтобы грозить сообщеніямъ Удино съ Полоцкомъ, Витгенштейнъ съ главными силами слѣдовалъ въ совокупности за первымъ изъ нихъ.

Удино постепенно отступалъ къ Полоцку; то же дѣлалъ и С. Сиръ по Себежской дорогѣ; отступление это продолжалось всю ночь въ большомъ безпорядкѣ. Русскіе неотступно преслѣдовали. На военномъ совѣтѣ 4 августа, Удино поставилъ вопросъ, принимать ли бой у Полоцка на правомъ берегу, или же, перейдя рѣку, прикрыться таковою, оставя городъ въ своихъ рукахъ въ видѣ предмостнаго укрѣпленія. Рѣшено было остаться на правомъ берегу только въ томъ случаѣ, если русскіе будутъ продолжать тѣснить, чтобы не совершать переправы въ виду непріятели такъ какъ это связано съ большими потерями и сопряжено всегда съ пониженіемъ духа войскъ. Мнѣніе это было высказано маршаломъ С. Сиромъ, однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ сподвижниковъ Наполеона.

Большинство французскихъ генераловъ пребывало въ полной увѣренности, что Витгенштейнъ не станетъ дѣйствовать рѣшительно и, зная превосходство силъ своего противника, дастъ ему спокойно перейти рѣку. Но это предположеніе оказалось невѣрнымъ. Витгенштейнъ, несмотря на то, что имѣлъ всего только двадцать тысячъ, т. е. былъ на цѣлую треть слабѣе непріятели, все-таки рѣшилъ наступать безостановочно, ставя себѣ цѣлью добиться хуода противника за Двину; но въ рѣшительный бой онъ вступать не былъ намѣренъ.

. Завязавшійся затѣмъ 5 августа бой подъ Полоцкомъ продолжался цѣлый день, но добиться поставленной цѣли намъ не удалось: непріятель удержалъ свои позиціи.

Наши войска завязали бой съ противникомъ у выхода изъ лѣсной тѣснины, когда совѣщаніе французскихъ генераловъ еще не было закончено... Авангардъ (25-й и 26-й егерскіе полки), поддержанный бригадою князя Сибирскаго, послѣ энергичнаго обстрѣливанія, бросился въ штыки, выбилъ противника изъ мызы Присменицы и вошелъ въ связь съ лѣвой колонной полковника Властова, наступавшей съ сѣвера и овладѣвшей корчмою Боровкой. Такимъ образомъ, выходы изъ лѣсныхъ тѣснинъ были сразу нами захвачены и закрѣплены за собою.

Французы отошли къ городу и расположились впереди его, причемъ правый ихъ флангъ прикрывался рѣчкой Полотой, которая протекала въ тылу всей позиціи; но это неудобство, затруднявшее отступление, умѣрялось устройствомъ на ней большого числа мостовъ.

Непріятельскія батареи осыпали огнемъ наши передовыя войска, утвердившіяся впереди лѣса. Видя превосходство непріятельскихъ силъ, Витгенштейнъ попытался заставить Удино уйти за рѣку мѣрами демонстративными. Онъ приказалъ выстроить на Двинѣ, въ четырехъ верстахъ ниже Полоцка, мостъ, какъ бы угрожая обойти лѣвый флангъ французовъ; лѣвому авангарду приказано было атаковать правый флагъ противника, а всѣ остальные силы корпуса начали выстраиваться въ боевой порядокъ передъ лѣсомъ. Витгенштейнъ предполагалъ поддержать Властова только частью силъ, назначивъ ему пунктомъ атаки мызу Спасъ.

Первоначально атака была успѣшна; мы овладѣли передовыми строеніями мызы; но батареи французовъ съ лѣваго берега Полоты наносили огнемъ во флангъ страшныя намъ потери, а за мызою Спасъ замѣчено было сильное скопленіе непріятельскихъ резервовъ. Командиру I корпуса пришлось поддержать свой лѣвый флангъ изъ центра, чѣмъ сейчасъ же воспользовался Удино и бросилъ сюда свои резервы. Мы удержались, отбили всѣ атаки, причемъ самъ Удино получилъ здѣсь рану въ плечо.

Зато на лѣвомъ флангѣ баварцы вытѣснили насъ изъ занятыхъ строеній Спаса; всѣ послѣдующія наши попытки отобрать ихъ были отражаемы, но въ то же время жестокой огонь нашей

артиллеріи удерживаль и непріятеля на мѣстѣ, не давая ему продвигаться впередъ. Точно также въ центрѣ, свѣжія войска французовъ, нѣсколько разъ его подкрѣплявшія, пытались развить свой частный успѣхъ, но—безрезультатно. Пѣхота французская не разъ доходила до самыхъ нашихъ батарей, но была всякій разъ отбрасываема.

Такъ протянулось дѣло до ночи. Правый нашъ флангъ въ бою почти не дѣйствовалъ и только содѣйствовалъ другимъ войскамъ артиллерійскимъ огнемъ, показывая намѣреніе перейти Двину по мостамъ, сооружаемымъ нашими инженерами.

Итакъ, бой 5 августа, въ сущности ничѣмъ не кончился, хотя дорого обошелся обѣимъ сторонамъ, сохранившимъ то же положеніе, что и въ началѣ сраженія. Удино, раненый въ этомъ бою, сдалъ командованіе С. Сиру.

Послѣдній, обладая болѣе рѣшительнымъ характеромъ, чѣмъ его предшественникъ, рѣшилъ тотчасъ же использовать успѣшное отраженіе непріятельской атаки и самому перейти въ наступленіе, считая это единственнымъ средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Дѣйствительно, принимать бой прижатыми къ рѣкѣ, подъ угрозой обхода въ тылъ (ибо у насъ уже построены были мосты на Двинѣ въ 4 верстахъ ниже Полоцка)—было бы крайне невыгодно, а повтореніе атаки со стороны Витгенштейна являлось несомнѣннымъ.

Однако, генералы, подчиненные С. Сиру, настаивали на необходимости дать отдыхъ изнуреннымъ продолжительнымъ и упорнымъ боемъ войскамъ; поэтому рѣшено было начать атаку 6 августа только въ 4 часа пополудни.

Графъ Витгенштейнъ рассчитываль, что французы отступять за Двину, въ чемъ его убѣждало замѣченное у насъ отправленіе ими на тотъ берегъ рѣки своихъ парковъ и обозовъ. Поэтому онъ рѣшилъ не трогаться съ мѣста, чтобы, воспользовавшись случаемъ, потѣснить непріятельской арьергардъ и очистить весь правый берегъ Двины.

На самомъ дѣлѣ, С. Сиръ искусно ввелъ насъ въ полное заблужденіе. Парки и обозы онъ нарочно отправилъ назадъ по такой дорогѣ, чтобы они были видны отчетливо съ нашей позиціи, причемъ часть ближайшихъ къ ней войскъ умышленно оттянута была назадъ, какъ бы для сопровожденія транспорта.

А вмѣстѣ съ тѣмъ С. Сирь продвинулъ скрытно почти всѣ свои остальные силы вверхъ по долинѣ р. Полоты, и незамѣтно для насъ сосредоточилъ ихъ противъ нашего лѣваго фланга. Въ пять часовъ утра 6-го числа неожиданно для насъ огонь 60 неприятельскихъ орудій обрушился на войска наши, сосредоточенныя близъ мызы Присменицы, гдѣ какъ разъ расположена была главная квартира Витгенштейна *). Быстро двинувшіяся въ атаку колонны противника привели въ первую минуту наши войска въ нѣкоторый беспорядокъ; но батальоны наши не разстроились и продолжали медленно отходить, сражаясь разрозненно съ необычайнымъ мужествомъ и сдавая только передъ подавляющимъ численнымъ превосходствомъ.

„Русскіе—пишетъ въ своихъ запискахъ самъ С. Сирь—выказывали въ этомъ дѣлѣ непоколебимую храбрость и безстрашіе, „какихъ мало найдемъ примѣровъ въ войскахъ другихъ народовъ. „Ихъ батальоны, застигнутые врасплохъ и разобщенные другъ отъ друга при первой нашей атакѣ, не разстроились и продолжали сражаться, отступая чрезвычайно медленно и обороняясь со всѣхъ сторонъ съ такимъ мужествомъ, которое свойственно „однимъ только русскимъ. Они совершали чудеса храбрости, но „не могли удержать одновременнаго напора четырехъ дивизій, „давившихъ по частямъ высылаемая противъ нихъ войска“.

Русская артиллерія, однако, быстро открыла огонь, и вскорѣ наше лѣвое крыло настолько оправилось, что французы, видя неуспѣхъ своей атаки здѣсь, обратились противъ центра. Наши батареи были атакованы французскою пѣхотою, но артиллеристы, отбиваясь тесаками и банниками, успѣли спасти почти всѣ орудія, кромѣ семи. Чтобы предотвратить прорывъ центра, съ праваго фланга на атакующихъ бросилась въ штыки наша пѣхота, а конница (кавалергарды и конная гвардія) нѣсколькими удачными атаками опрокинула одну изъ бригадъ дивизіи Леграна. Объ этой послѣдней атакѣ во всеподданнѣйшемъ донесеніи Витгенштейна сказано такъ: „Полковникъ Протасовъ кинулся съ гвардейскими эскадрами „нами своднаго кирасирскаго полка на три неприятельскія колонны, „которыя старались обойти лѣвый флангъ генераль-маіора Гамена: „конная гвардія опрокинула и уничтожила ихъ двѣ совершенно,

*) Одно изъ ядеръ попало даже въ комнату, гдѣ онъ завтракалъ со своимъ штабомъ.

„а третья подвержена была такой же участи кавалергардскимъ „эскадрономъ“.

Но эти частные успѣхи все-таки не остановили противника, который, въ концѣ концовъ, потѣснилъ насъ къ большому лѣсу, бывшему позади позиціи. Тѣмъ не менѣе наше правое крыло, особенно конница, успѣло захватить у французовъ пятнадцать орудій, внести безпорядокъ въ обозы, а равно задержать французскіе резервы, чѣмъ въ значительной мѣрѣ ослабленъ былъ успѣхъ непріятели на рѣшительномъ пунктѣ поля сраженія.

Въ результатѣ С. Сиръ только задержалъ наступленіе графа Витгенштейна и вынудилъ его отойти лишь за р. Дриссу, которой онъ и прикрылся, занявъ укрѣпленныя позиціи у Сивошина и между Сивошинымъ и Соколищами.

С. Сиръ не отважился атаковать его въ этомъ положеніи, и обѣ стороны остановились въ выжиданіи до начала октября, ограничиваясь мелкими стычками...

* *

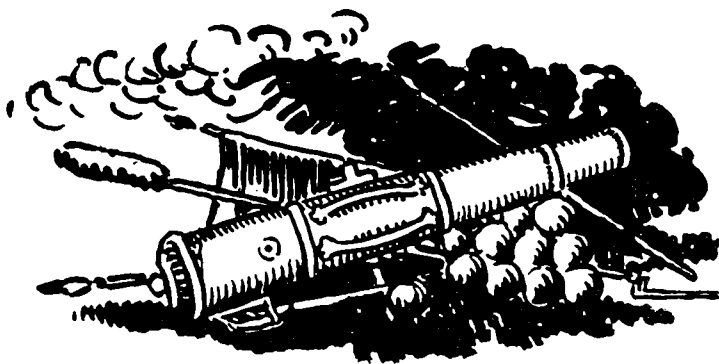
Успѣхи графа Витгенштейна имѣли огромное, по преимуществу моральное значеніе.

Въ то время, когда на главномъ операціонномъ направленіи нашимъ ошибочно раздѣленнымъ силамъ приходилось не только отступать вглубь страны, подчиняясь неумолимымъ вѣлѣніямъ обстановки, но еще переживать рядъ кризисовъ, покаместъ не исправлены были ошибки первоначальнаго развертыванія,—наступленію противника положенъ былъ предѣлъ тамъ, гдѣ конечною, хотя и весьма отдаленною, цѣлью его замысловъ могла считаться столица и Императорская резиденція.

Конечно, едва ли силамъ Удино и Макдональда, даже въ совокупности, удалось бы развить свои успѣхи такъ далеко, если бы они одержали верхъ надъ Витгенштейномъ. Но въ глазахъ всей тогдашней Россіи побѣды и успѣхи послѣдняго, хотя и не имѣвшія рѣшительныхъ результатовъ, уже по одному тому, что одержаны были на прямомъ пути къ Петербургу, стяжали ему наименованіе „героя Петрополя“, а вѣсть объ этихъ успѣхахъ пріободрила духъ не только всей арміи, подавленный непрерывнымъ отступленіемъ, но и всей Россіи...

Но, помимо этого, немаловажнымъ непосредственнымъ результатомъ дѣйствій Витгенштейна слѣдуетъ считать отвлеченіе имъ противъ себя сравнительно серьезныхъ силъ. Наполеону пришлось послать на подкрѣпленіе Удино корпусъ С. Сира, а затѣмъ, въ послѣдствіи, по мѣрѣ приближенія своего къ Москвѣ, удерживать для обезпеченія своихъ сообщеній значительныя силы. На количество ихъ вліяла не одна только непомерно возрастающая длина этихъ сообщеній, но и присутствіе, съ сѣвера и съ юга, русскихъ войскъ, сравнительно свѣжихъ и постепенно усиливавшихся,—значеніе которыхъ становилось все грознѣе и грознѣе и окончательно сказалось въ періодъ Березинской операціи, когда настало время выполнять планъ, постепенно задуманный Императоромъ Александромъ I-мъ.

Объ этомъ планѣ и о томъ, какъ выполненъ онъ былъ въ дѣйствительности, намъ придется говорить въ послѣдствіи.

*Дѣйствія фланговъ великой арміи. Положеніе дѣлъ на Волыни.
Наступленіе Тормасова. Дѣло у Кобрини. Сраженіе при Городечнѣ.
Положеніе дѣлъ на Волыни до начала сентября.*

братимся теперь къ дѣйствіямъ на правомъ флангѣ великой арміи.

3-я резервная обсервационная армія Тормасова имѣла задачей прикрывать наши предѣлы со стороны Австріи и, если окажется возможнымъ, дѣйствовать наступательно на сообщенія Наполеона.

Армія Тормасова къ началу войны имѣла главную квартиру въ Луцкѣ и занимала пространство отъ Любомля до Старо-Константинова. Въ ней насчитывалось до сорока-шести тысячъ чело-вѣкъ при 164 орудіяхъ.

Генераль отъ кавалеріи Тормасовъ выказывалъ себя, до назначенія на постъ главнокомандующаго 3-й арміей, преимуще-ственно въ войнахъ съ турками и персами на кавказской гра-ницѣ. Онъ проявилъ тамъ не только военныя способности, но и качества довольно выдающагося администратора и политика.

Первоначально Тормасову пришлось разбросать свои силы на довольно значительной площади, такъ какъ нужно было при-крывать свои сообщенія съ центромъ Имперіи, а также съ Мол-

давской арміей Чичагова, уже назначенной къ нему на усиленіе. Въѣсть съ тѣмъ, необходимо было надежно прикрыть свою границу къ сторонѣ Австріи. Хотя послѣдняя и увѣряла насъ, что никакой другой помощи Наполеону, кромѣ условленной высылки вспомогательнаго корпуса, отнюдь не окажетъ, но было бы неосторожно на это полагаться, не имѣя въ рукахъ ничего положительнаго. Но спустя нѣкоторое время, условія обстановки нѣсколько видоизмѣнились, такъ что переходъ 3-й арміи къ наступательному образу дѣйствій, въ духѣ второй половины поставленной ей общей задачи, могъ сулить намъ огромныя выгоды.

Для дѣйствій противъ нашихъ силъ, сосредоточенныхъ на Волыни, Наполеонъ назначилъ сперва только австрійскій корпусъ князя Шварценберга; но недовѣріе къ австрійцамъ побудило его измѣнить это распоряженіе. Онъ приказалъ саксонскому корпусу Ренье, шедшему, какъ извѣстно, на присоединеніе къ группѣ короля Іеронима и уже достигшему Месвижа, повернуть обратно къ Слониму и прикрыть Варшавское герцогство со стороны нашей 3-й арміи путемъ наступленія противъ нея на Волынь; австрійскому же корпусу велѣно было смѣнить Ренье и, двигаясь черезъ Пружаны и Слонимъ къ Месвижу, поступить въ составъ главныхъ силъ.

Въ корпусѣ Ренье было всего 17 тысячъ; очевидно—этого слишкомъ было мало не только для активныхъ дѣйствій противъ Торماسова, но даже и для прегражденія всѣхъ важнѣйшихъ направлений, по которымъ наша 3-я армія могла бы съ Волыни наступать черезъ Полѣсье. Главнѣйшіе изъ этихъ путей проходили черезъ Мозырь, Минскъ и Брестъ, такъ что съ занятіемъ этихъ пунктовъ Ренье могъ бы рассчитывать преградить намъ доступъ въ Литву; но силы его были для этого слишкомъ слабы, почему онъ и рѣшилъ ограничиться занятіемъ только одного Брестъ-Литовска. Съ этою цѣлью онъ направилъ сюда 4-хъ тысячный отрядъ Клингеля, которому предписано было сперва занять Кобринь, а затѣмъ Брестъ. Въ отрядъ Клингеля назначено было 4 батальона, 3 эскадрона и 8 орудій, примѣрно около 4 тысячъ человекъ.

Такимъ образомъ силы противника отъ Слонима двигались въ двухъ расходящихся направленіяхъ, причемъ движеніе Ренье къ Пинску прикрывалось Клингелемъ въ видѣ бокового авангарда. Имѣя противъ себя только одинъ саксонскій корпусъ—ибо австрійцы уходили—Тормасовъ обладалъ почти двойнымъ превосходствомъ

**Генераль-отъ-кавалеріи
Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ.**

въ силахъ; естественно поэтому, что онъ рѣшился дѣйствовать наступательно, рассчитывая выполнить вторую часть поставленной ему задачи. Расчетъ этотъ былъ тѣмъ болѣе основателенъ, что теперь мы имѣли отъ австрійскаго правительства уже вполне положительныя обѣщанія, что содѣйствіе Наполеону со стороны Австріи безусловно будетъ ограничено выставленіемъ вспомогательнаго корпуса князя Шварценберга, и потому опасаться обнажить границу нашу, обращенную къ Имперіи Габсбурговъ, болѣе не было основаній.

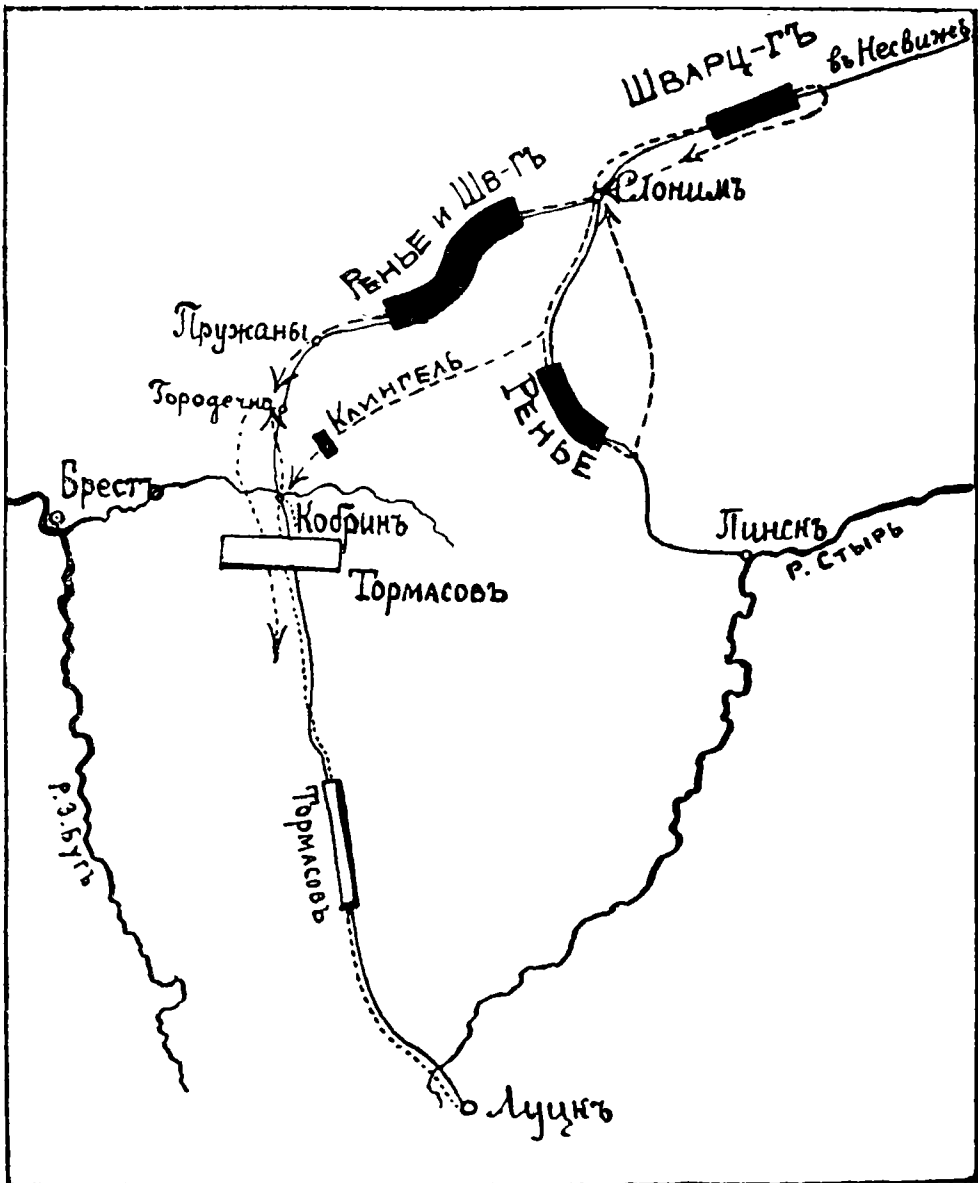
Уже начальникъ авангарда 3-й арміи графъ Ламбертъ началъ наступленіе въ направленіи къ Грубешову, разсѣвая шайки собиравшихся польскихъ милиціонеровъ, какъ получено было Тормасовымъ 5 іюля Высочайшее повелѣніе, цѣликомъ подтверждавшее его собственныя намѣренія. Ему повелѣвалось направиться въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ князя Багратіона.

Если припомнимъ сущность плановъ Фуля, то первоначальная побудительная причина такого распоряженія станетъ вполне понятна, особенно принявъ во вниманіе то тяжелое положеніе, которое создалось для нашей 2-й арміи съ первыхъ же дней кампаніи. Въ главной квартирѣ, очевидно, надѣялись, что 3-й арміи удастся сдѣлать, быть можетъ, то, что должна была выполнить, по замыслу Фуля, 2-я армія для содѣйствія 1-й, но въ данномъ случаѣ дѣйствовать такимъ образомъ рассчитывали для облегченія участи уже самого князя Багратіона...

Оставивъ все-таки небольшую часть своихъ силъ на Волыни для охраны границы и наблюденія за герцогствомъ Варшавскимъ, Тормасовъ двинулся съ остальными войсками противъ Ренье. Въ виду неясныхъ свѣдѣній о направленіи движенія послѣдняго, Тормасовымъ двинуты впередъ по различнымъ направленіямъ вѣерообразно четыре авангарда.

Графъ Ламбертъ, съ 4 батальонами, 16 эскадронами, 3 казачьими полками и 6 конными орудіями, шелъ на Брестъ по обоимъ берегамъ Западнаго Буга. Князь Щербатовъ, съ 6 батальонами, 8 эскадронами и 24 конными орудіями наступалъ отъ Ковеля черезъ Ратно также къ Бресту. Чаплицъ, съ 3 батальонами, 10 эскадронами, полкомъ казаковъ и 6 конными орудіями, напра-

Схема дѣйствій на Волыни.

влялся кратчайшимъ путемъ черезъ Дивинь къ Кобрину; за нимъ слѣдовали и главныя силы Тормасова. Наконецъ, къ Пинску, въ видѣ бокового авангарда и въ цѣляхъ отвлеченія вниманія противника, былъ посланъ г.-м. Мелиссино, съ 5 батальонами и 9 эскадронами.

Предполагалось, что Мелиссино навлечет на себя и задержит главные силы Ренье, покаместъ прочіе авангарды раздѣляются съ тѣми войсками противника, которыя предполагались въ Брестѣ и Кобринѣ, и тѣмъ дадутъ возможность вывести главные силы арміи въ тылъ саксонцамъ.

Мелиссино выполнилъ свою задачу; онъ столкнулся съ передовыми частями Ренье и заставилъ послѣдняго пріостановить свое движеніе и выслать авангардъ въ юго-западномъ направленіи. Что же касается князя Щербатова, то его конница ворвалась 13 іюля въ Брестъ и разсѣяла бывшихъ тамъ два эскадрона саксонцевъ, захвативъ болѣе 40 плѣнныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ подошелъ и графъ Ламбертъ, соединившій подъ своимъ начальствомъ свой и Щербатовскій авангарды. 15 іюля онъ ночью выступилъ съ одною конницей по дорогѣ къ Кобрину, оставя пѣхоту въ Брестѣ съ приказаніемъ, отдохнувъ до 4 часовъ ночи, слѣдовать за конницей.

Въ седьмомъ часу утра 15 іюля кавалерія Ламберта подошла къ Кобрину; саксонцы разсыпались во ржи и канавахъ, задерживая его и не позволяя ничего сдѣлать на неудобной для конницы мѣстности. Поэтому Ламбертъ выждалъ приближенія шедшаго на Кобринъ Чаплица и своей пѣхоты. При первомъ извѣстіи о подходѣ Чаплица, Ламбертъ перевелъ восемь эскадроновъ на тотъ берегъ Мухавца для захвата дороги на Пружаны, т. е. пути отступленія саксонцевъ, а самъ съ фронта дѣйствовалъ огнемъ съ конной артиллеріей и спѣшенными Стародубовскими и Тверскими драгунами.

Чаплицъ, еще въ десяти верстахъ отъ Кобрина, узнавъ о положеніи дѣлъ, послалъ прямо на Кобринъ только Павлоградскихъ гусаръ, а весь остальной свой отрядъ повелъ лѣсомъ въ отхватъ пути отступленія противника.

Въ результатѣ противникъ былъ вынужденъ очистить городъ и запереться въ небольшомъ каменномъ фортѣ, построенномъ еще Карломъ XII въ Великую сѣверную войну.

Сражавшіеся съ необычайнымъ упорствомъ саксонцы были, въ концѣ концовъ, совершенно окружены нашими войсками и принуждены положить оружіе, въ числѣ 2 генераловъ, 76 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2.382 нижнихъ чиновъ. Взято было при этомъ 4 знамени и 8 орудій.

Эта первая побѣда надъ непріятелемъ со времени начатія войны была широко вознаграждена милостію Державнаго Вождя арміи. Императоръ Александръ пожаловалъ Тормасову Георгія 2-й степени и пятьдесятъ тысячъ рублей; графъ Ламбертъ получилъ украшенное брилліантами оружіе съ надписью „за храбрость“.

Къ сожалѣнію, Тормасовъ не воспользовался одержанными успѣхами и не продолжалъ безостановочнаго наступленія противъ Ренъе, который, имѣя за выдѣленіемъ Клингеля всего 13 тыс. человекъ, находился въ этотъ моментъ у мѣстечка Городецъ, всего въ 20 верстахъ отъ главныхъ силъ 3-й арміи и въ 8—10 переходахъ отъ австрійцевъ Шварценберга. Ренъе въ такомъ случаѣ былъ безусловно обреченъ на отдѣльное пораженіе, что, очевидно, сильно повернуло бы дѣла въ нашу пользу и, весьма вѣроятно, дало бы Тормасову возможность не только раздѣлаться и съ Шварценбергомъ, но, пожалуй, появиться и съвернѣе Полѣсья, оказавъ тамъ самое рѣшительное воздѣйствіе, какъ на участь князя Багратіона, такъ и вообще на все стратегическое положеніе на сѣверномъ театрѣ войны.

Причиною приостановки Тормасова послѣ Кобринскаго дѣла выступаютъ затрудненія продовольственныя. Обозы не успѣвали за арміей, а магазины, устроенные противникомъ, были уничтожены имъ же при отступленіи. Тормасовъ ограничился тѣмъ, что продвинулся нѣсколько на востокъ, до Антополя, выславъ сильныя партіи въ направленіи къ Бѣлостоку и Варшавѣ.

Появленіе русскихъ войскъ въ предѣлахъ Варшавскаго герцогства все-таки сыграло свою роль; польское населеніе, чувствуя себя брошеннымъ на произволъ судьбы, было охвачено страхомъ; начатыя вооруженія приостановились. Появленіе этихъ партій произвело столь сильное впечатлѣніе и на французовъ, что начальникъ Кенигсбергскаго гарнизона, генераль Луазонъ двинулся оттуда съ десятью тысячами на помощь Ренъе и Шварценбергу. Онъ приостановился и затѣмъ вернулся назадъ, только получивъ точныя свѣдѣнія объ исходѣ сраженія подъ Городечною и объ отступленіи Тормасова.

Какъ только Ренъе узналъ о Кобринскомъ разгромѣ, онъ тотчасъ же началъ спѣшно отступать къ Пружанамъ, ища соединенія съ Шварценбергомъ, которому сообщилъ о своемъ положеніи.

ни. Такъ какъ Тормасовъ простоялъ неподвижно болѣе недѣли (до 28 іюля), то оба корпусныхъ непріятельскихъ командира успѣли не только столковаться, но войти въ соприкосновеніе, ибо Шварценбергъ уже повернулъ обратно къ Слоному и затѣмъ двинулся оттуда къ Хомску, тогда какъ Ренье пошелъ отъ Волковыска на Пружаны.

Тѣмъ временемъ Тормасовъ оставался у Антополя, выдвинувъ свой авангардъ графа Ламберта къ мѣстечку Малець. Передовыя части были выдвинуты къ мѣстечкамъ Селець и Картузь-Березь; особый отрядъ Чаплица находился въ Хомскѣ.

Освѣдомившись объ обратномъ движеніи саксонцевъ, Тормасовъ направилъ 25 іюля—три дня спустя послѣ соединенія 1-й и 2-й армій подъ Смоленскомъ—свой авангардъ графа Ламберта *тоже къ Пружанамъ*. Въ то же время къ Мальцу на смѣну авангарду передвинуть былъ отрядъ князя Хованскаго (6 батальоновъ съ двумя артиллерійскими ротами), а Чаплица (8 батальоновъ, 12 эскадроновъ, 4 полка казаковъ и три роты артиллеріи) перемѣстили изъ Хомска къ Ревятичамъ, ближе къ князю Хованскому, для его поддержки. Но, прежде чѣмъ эти распоряженія могли быть приведены въ исполненіе, послѣдніе два отряда уже 27 іюля были потѣснены на линіи рѣки Ясельды передовыми частями австрійцевъ; въ то же время саксонцы угрожали графу Ламберту.

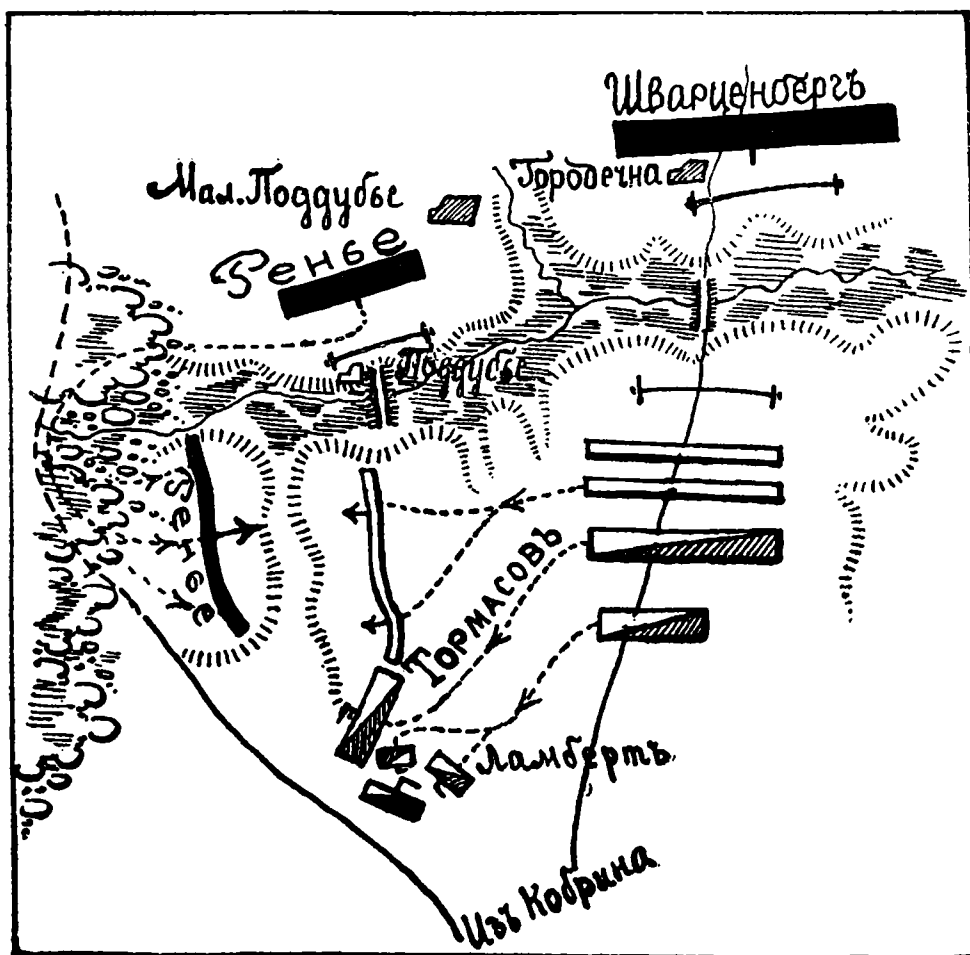
Шварценбергъ располагалъ обойти наши войска у Пружанъ съ востока, тогда какъ Ренье угрожалъ имъ съ запада. Чтобы не подвергнуться той же участи, которую только что самъ уготовалъ противнику подъ Кобринимъ, графъ Ламбертъ счелъ болѣе осторожнымъ отходить къ Городечнѣ; но отходить ему пришлось уже подъ давленіемъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Во время ожесточенной стычки у Козьяго Брода нашему авангарду пришлось потерять одно орудіе... „Непріатели дорого мнѣ за него заплатятъ“ сказалъ графъ Ламбертъ *).

Къ 30 іюля у *Городечны* сосредоточились 24 батальона и 36 эскадроновъ съ 3 казачьими полками 3-й арміи, около 18 тыс. человекъ. Недостававшія 15 тысячъ были въ отрядахъ, бывшихъ на линіи р. Ясельды **) и не успѣвшихъ присоеди-

*) Графъ Ламбертъ былъ родомъ эмигрантъ-французъ, но уже успѣлъ сродниться съ Россіей, сражаясь въ рядахъ русской арміи съ 1799 года во всѣхъ войнахъ съ Франціей.

**) Меллсено, Чаплица и Князя Хованскаго.

Бой у Городечны.

ниться къ главнымъ силамъ. Произошло это потому, что отошли они подъ давлениемъ австрійцевъ въ южномъ, а не въ западномъ направленіи. Обстоятельство это весьма существенно отразилось на послѣдующемъ боѣ у Городечны, такъ какъ соединенныя силы противника, достигавшія почти *сорока тысячъ* человекъ оказывались теперь превосходящими насъ числомъ болѣе, чѣмъ вдвое.

Въ тотъ же самый день подошли къ Городечнѣ и оба корпуса противника. Австрійцы съ двумя пѣхотными и одной кавалерійской дивизіями расположились близъ самаго селенія Городечны, фронтомъ къ болотистой рѣчкѣ, прикрывавшей позицію русскихъ; они составили такимъ образомъ лѣвое крыло союзни-

Фельдмаршалъ Князь Шварценбергъ.
(Съ гравированнаго портрета начала 19 столѣтія).

ковъ. Саксонскій корпусъ Ренье дошелъ до Жабина, придвинувъ передовыя войска свои къ Поддубью. Къ вечеру 30 числа присоединилась къ своимъ и третья австрійская дивизія, тѣснившая наши отдѣльные отряды въ направленіи Хомска, оставя теперъ противъ нихъ только конницу и одинъ пѣхотный батальонъ.

Отсюда видно, что противники Тормасова отнеслись съ полнымъ уваженіемъ къ началу *сосредоточенія силъ*, твердо помня завѣтъ своего верховнаго вождя Наполеона, говорившаго, что иногда одинъ лишній батальонъ „рѣшаетъ участь дня“. Обратнo Тормасовъ сильно погрѣшилъ противъ того же принципа, не притянувъ своевременно Чаплица, Мелиссино и Хованскаго. Если бы онъ имѣлъ у Городечны эти силы, то съ 30 тысячами, при свойствахъ своей позиціи, да при томъ ходѣ, который, какъ сейчасъ увидимъ, приняло сраженіе, онъ имѣлъ бы крупныя шансы не только отбиться, но быть можетъ—и одержать рѣшительный успѣхъ надъ союзниками.

А позиція, на которой расположился Тормасовъ, дѣйстви-тельно предоставляла ему, какъ слабѣйшему, немаловажныя выгоды.

Она находилась на отлогихъ возвышенностяхъ южнаго берега одного изъ притоковъ рѣки Мухавца. Долина этой рѣки весьма болотиста, такъ что переправа черезъ нее возможна только по немногимъ узкимъ плотинамъ, образовавшимъ открытыя тѣснины, весьма удобно обороняемая перекрестнымъ огнемъ.

Одна изъ нихъ находилась на пути изъ Пружанъ въ Кобринъ, у самой деревни Городечны; другая въ четырехъ верстахъ выше по теченію ручья, у деревни Б. Поддубье и, наконецъ, третья, еще выше около лѣса, примыкавшаго къ лѣвому флангу нашей позиціи. Высоты, ее образующія, тянутся вдоль праваго берега рѣчки до Поддубья, а здѣсь сворачиваютъ на югъ, почти подъ прямымъ угломъ, идя параллельно дорогѣ изъ Кобрина въ Шерешовъ, которая, скрываясь въ болотистомъ лѣсу, теряется въ немъ, превращаясь въ едва замѣтную тропу.

Означенный лѣсъ у насъ ошибочно считался непроходимымъ и даже не наблюдался. А между тѣмъ, атака позиціи съ фронта была почти невозможна, такъ какъ по плотинамъ едва могло пройти въ рядъ 6 человекъ; *правый флангъ* прикрывался дѣйстви-тельно непроходимымъ болотомъ.

При такихъ свойствахъ позиціи, можно было съ увѣренностью рассчитывать удержать на фронтѣ ея даже превосходныя силы противника сравнительно слабыми; резервы же можно было заранѣе расположить для встрѣчи противника въ единственно возможномъ направленіи, гдѣ онъ могъ совершить обходъ, т. е. у выхода изъ вышеупомянутаго лѣса. Невниманіе къ этому лѣсу, какъ бы напередъ предрѣшавшему, при данныхъ условіяхъ мѣстности, какъ именно разыграется бой, составляло въ данномъ случаѣ вторую капитальную нашу ошибку, заставившую насъ, какъ увидимъ ниже, мѣнять фронтъ на полѣ сраженія въ виду непріятеля и, вмѣсто активнаго удара на обходящихъ, только постепенно преграждать имъ дорогу....

Такъ какъ главный путь отступленія на Кобринъ отходилъ отъ нашего праваго фланга, то Тормасовъ расположилъ здѣсь большую часть своихъ силъ и за этимъ же флангомъ держалъ и резервъ свой, упуская изъ вида приведенныя выше естественныя свойства своей позиціи, въ силу которыхъ этому флангу не могло угрожать никакой опасности.

30 іюля австрійцы и саксонцы почти въ одно время подошли къ позиціи, занятой войсками Тормасова, расположившись какъ было выше указано. Въ тотъ же день одному изъ саксонскихъ дозоровъ удалось отыскать тропинку въ лѣсу, по которой можно было пробраться на Кобринскую дорогу. Тропинка эта переходила ручей по плотинѣ, которая въ это время была покрыта водою, почему, вѣроятно, и не была нами замѣчена; но, какъ оказалось, достаточно было небольшихъ исправленій, чтобы провезти по ней даже артиллерію. Во всякомъ случаѣ это нисколько не снимаетъ съ насъ серьезнаго упрека въ невниманіи къ развѣдкѣ передъ позиціей и какъ разъ передъ доступнѣйшимъ и съ наиболѣе скрытыми подступами флангомъ.

Получивъ такія свѣдѣнія, Ренье тотчасъ же отправилъ цѣлый батальонъ въ лѣсъ, чтобы занять его заблаговременно и исправить дорогу. Въ то же время союзники составили слѣдующій планъ атаки: австрійцы (т. е. большая часть всѣхъ силъ), оставаясь съ фронта, должны были вести ложныя атаки, привлекая на себя вниманіе Тормасова и стараясь удержать его на мѣстѣ; саксонскому же корпусу поручено было обойти наше лѣвое крыло черезъ лѣсъ. Планъ этотъ, по замыслу, былъ совершенно прави-

лень; но когда дѣло дошло до исполненія его, то тутъ союзники допустили цѣлый рядъ промаховъ.

Прежде всего, уже самое распределение силъ было ошибочно: для демонстраціи оставлено было почти вдвое болѣе, чѣмъ для главнаго удара. Повидимому, при распределеніи силъ считались исключительно съ тѣми направленіями, по которымъ *прибыли* къ полю сраженія оба союзныхъ корпуса, а также и съ тѣмъ, чтобы не перемѣшивать войска разныхъ націй. Пестрота состава „великой арміи“ давала себя чувствовать и здѣсь. Къ тому же Шварценбергъ, помимо своего положенія корпуснаго командира въ войскахъ Наполеона, былъ еще представителемъ австрійской политики, которая, при данныхъ обстоятельствахъ, не могла не быть двойственной. Участіе Австріи въ войнѣ противъ насъ было вынужденное, и австрійцы, какъ уже упоминалось въ своемъ мѣстѣ, даже давали нашему правительству извѣстныя обѣщанія въ смыслѣ ограниченія своей помощи Наполеону извѣстными только рамками.

Поэтому, естественно, Шварценбергъ уклонялся отъ принятія на себя рѣшительной роли въ боевомъ столкновеніи съ русскими и охотно передалъ послѣднюю Ренье.

Что же касается саксонцевъ, то они, наоборотъ, все время были рьяными приверженцами Наполеона, оставаясь ими даже въ 1813—14 годахъ, за что впослѣдствіи Саксонія и явилась на Вѣнскомъ конгрессѣ въ качествѣ подсудимой.

Засимъ, для успѣха намѣченнаго главнаго удара по лѣвому нашему флангу, этотъ ударъ долженъ былъ быть всецѣло основанъ на скрытности, чему какъ разъ благопріятствовало то обстоятельство, что къ этому флангу почти вплотную подходилъ лѣсъ, который въ силу нашей оплошности, какъ извѣстно, даже вовсе не наблюдался. Если бы Ренье, скрытно сосредоточивъ свои силы въ этомъ лѣсу, разомъ вывелъ ихъ оттуда противъ слабаго нашего лѣваго крыла, то, надо полагать, что рѣшительный успѣхъ былъ бы вѣрнѣе обезпеченъ. На самомъ дѣлѣ саксонцы пошли по лѣсу съ обычными мѣрами охраненія, на нормальныхъ разстояніяхъ, въ силу чего дозоры ихъ обнаружили себя на опушкѣ еще въ то время, когда самыя колонны тянулись далеко въ лѣсу...

Это дало возможность Тормасову, какъ только поступили объ этомъ донесенія, своевременно принять мѣры для противодѣйствія обходу. Бывшій у него въ резервѣ корпусъ графа Каменскаго,

которымъ, по болѣзни послѣдняго командоваль князь Щербатовъ, былъ двинуть влѣво къ Поддубью, и уже къ 8 часамъ утра этотъ корпусъ развернулся фронтомъ въ лѣсу, т. е. на западъ, подъ прямымъ угломъ къ расположенію остальныхъ нашихъ силъ, которыя спокойно выжидали фронтомъ къ Городечнѣ, ясно видя по характеру дѣйствій австрійцевъ, ограничивавшихся канонадой, что съ ихъ стороны опасаться нечего.

Замѣтивъ, что его намѣренія разгаданы, Ренье сталъ, по мѣрѣ выхода своихъ войскъ изъ лѣсу, все болѣе и болѣе протягивать ихъ вправо, стремясь хоть охватить наши войска; но выполнялось это, въ виду задержки колоннъ на узкихъ лѣсныхъ дорогахъ, весьма медленно. Это вызвало со стороны Торماسова распоряженіе о новомъ усиленіи своего лѣваго крыла за счетъ праваго, такъ что противъ Городечны, для обороны плотины противъ австрійцевъ, въ концѣ концовъ осталось только 1 полкъ пѣхоты, да 1 драгунскій полкъ съ 6 орудіями. Всѣ эти передвиженія у насъ, благодаря болѣе короткимъ разстояніямъ, заканчивались быстро, и мы всякій разъ предупреждали неприятеля.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ боевого участка, выставленнаго противъ обходящихъ войскъ Ренье, для обезпеченія его отъ обхода, былъ выдвинуть уступомъ впередъ графъ Ламбертъ, съ двумя полками пѣхоты (Куринскимъ и 14-мъ Егерскимъ), двумя гусарскими полками (Александрійскимъ и Павлоградскимъ) и 6 конными орудіями. Саксонская 16-ти орудійная батарея осыпала ихъ огнемъ; Ламбертъ выслалъ стрѣлковъ, которые, пользуясь мѣстностью, скрытно подобрались къ этой батарее на самое близкое разстояніе и такъ обстрѣляли ее ружейнымъ огнемъ, что заставили отступить. Эпизодъ этотъ, подтверждающій губительность пѣхотнаго огня для артиллеріи, даже, какъ видно, и при гладкостѣнномъ оружіи, нельзя не признать поучительнымъ.

Такъ какъ саксонцы развернули уже всѣ свои силы, и не только обойти, но даже охватить насъ имъ не удавалось въ силу оказываемаго нами противодѣйствія, то Ренье пустилъ въ ходъ послѣднее средство: онъ двинулъ единственно оставшіеся въ его рукахъ два полка конницы, чтобы обскákat нашъ флангъ и ударомъ смять его. Но наши молодцы-гусары, подъ предводительствомъ самого графа Ламберта, разстроили этотъ планъ. Павлоградцы притворнымъ отступленіемъ искусно оттянули про-

**Генераль-отъ-кавалеріи
Графъ Карль Осиповичъ де-Ламбертъ.**

тивника подальше отъ своей пѣхоты, пользуясь чѣмъ александрийцы, имѣя во главѣ самого Ламберта ударили въ тылъ непріятельской конницы; тогда и павлоградцы перешли противъ нея въ атаку съ фронта. Непріятельскіе драгуны такъ растерялись, что встрѣтили эту атаку, стоя на мѣстѣ и стрѣляя съ коня. Зато и поплатились они жестоко: оба полка были совершенно разсѣяны, отброшены на Кобринскую дорогу и тамъ переловлены другимъ отрядомъ нашей конницы, охранявшимъ флангъ.

Видя, что всѣ старанія его сокрушить насъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ—тщетны, Ренье попробовалъ ударить въ направленіи на Поддубье, т. е. въ разрѣзъ между обоими нашими боевыми участками. Рѣшеніе правильное, хотя и нѣсколько запоздалое, такъ какъ растянувшись самъ, командиръ саксонскаго корпуса не могъ, конечно, сосредоточить здѣсь много войскъ. Здѣсь могла быть послана въ атаку только одна дивизія, которая и была брошена въ штыки послѣ того, какъ намѣченный пунктъ атаки былъ обстрѣлянъ перекрестнымъ огнемъ батарей, какъ саксонскихъ, такъ и придвинутой имъ на помощь къ Поддубью части австрійскихъ батарей. Атака эта была нами отбита, причемъ наши таганрогскіе драгуны преслѣдовали саксонцевъ, заставивъ часть ихъ построиться въ каре. Вторично Ренье въ томъ же направленіи атаковалъ уже подъ вечеръ, и при поддержкѣ нѣсколькихъ австрійскихъ батальоновъ, присланныхъ Шварценбергомъ по просьбѣ Ренье и съ большимъ трудомъ переправившихся черезъ рѣчку выше Поддубья. Всѣ эти атаки были нами отбиты. Что же касается австрійскихъ войскъ Шварценберга у Городечны, то они ограничились одною канонадой, почему оставшимся тамъ слабымъ нашимъ силамъ (всего только одинъ Рязскій полкъ) было легко удержать позицію.

Къ 10 часамъ вечера, съ наступленіемъ темноты, бой, стоившій обѣимъ сторонамъ примѣрно до 1¹/₂ тысячъ каждой,—кончился.

Въ донесеніи своемъ Государю о боѣ при Городечнѣ Тормазовъ, между прочимъ писалъ:

„Всѣ усилія непріятели остались тщетными. Войска Вашего Императорскаго Величества не уступили ему ни шагу и взяли „въ плѣнъ 230 рядовыхъ и 4 офицеровъ. Генералы, офицеры и „солдаты соребовали въ мужествѣ и непріятель принужденъ былъ

*

„оставить мѣсто сраженія, гдѣ армія Вашего Императорскаго Величества расположилась на бивуаках“.

Результатъ нами достигнутый, т. е. удержаніе позиціи въ своихъ рукахъ, не избавлялъ насъ отъ неизбѣжной необходимости ея очищенія. Во 1-хъ къ слѣдующему дню сосредоточился полностью весь корпусъ Шварценберга, такъ что противникъ приобрѣлъ болѣе чѣмъ двойное превосходство въ силахъ. Затѣмъ—недостатки позиціи сами по себѣ уже дѣлали рискованнымъ дальнѣйшее на ней пребываніе. Противникъ могъ повторить обходъ всѣми силами и, выйдя намъ въ тылъ, совершенно отрѣзать намъ отступление на Волынь. Дѣйствовать же активно-оборонительно, т. е. съ переходомъ въ наступленіе, не позволяли ни неравенство въ силахъ, ни свойства самой позиціи.

Къ тому же волненія въ Литвѣ и въ Варшавскомъ герцогствѣ затрудняли здѣсь сборъ продовольственныхъ средствъ. Руководствуясь всѣми этими соображеніями, въ ночь съ 31 іюля на 1 августа, Тормасовъ, прикрываясь арьергардомъ графа Ламберта, началъ медленно отходить въ направленіи къ Луцку, не будучи совершенно тревожимъ противникомъ. Послѣдній, двинувшись сперва по слѣдамъ 3-й арміи, приостановился сначала по причинѣ сильной прибыли воды въ рѣкѣ Стыри, которую наши войска уже успѣли перейти, а затѣмъ, когда пришли вѣсти о приближеніи Дунайской арміи, совершенно прекратилъ преслѣдованіе.

До начала сентября, когда послѣдняя присоединилась къ войскамъ графа Тормасова, обѣ стороны на Волыни ничего не предпринимали. Съ прибытіемъ же войскъ Чичагова, перевѣсъ здѣсь рѣшительно склонился на нашу сторону, и этой группѣ нашихъ силъ суждено было сыграть самую рѣшительную роль въ послѣднемъ періодѣ войны.

Дѣйствія Тормасова могли оказать весьма крупное вліяніе на ходъ всей войны, если бы онъ не промедлилъ въ самомъ началѣ и, вмѣсто выжидательнаго образа дѣйствій, дававшего въ руки разьединеннаго противника *время*, нужное для сближенія и согласованія своихъ операцій, слѣдовалъ примѣру того же графа Витгенштейна на сѣверномъ театрѣ войны.

Если бы ему удалось разбить одинъ за другимъ оба направленныхъ противъ него корпуса, Тормасовъ могъ, какъ уже сказано, произвести рѣшительный поворотъ въ операціяхъ на глав-

номъ театрѣ войны. Появленіе побѣдоноснаго 30 тыс. корпуса въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго, въ тылу всей арміи Наполеона, несомнѣнно, потребовало бы отвлеченія не малыхъ силъ и, весьма вѣроятно, приостановило бы наступленіе Наполеона къ Москвѣ....

Обстановка, сложившаяся для Торماسова, еще болѣе отвѣчала примѣненію дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.

Всѣ шансы были въ пользу разбитія по частямъ послѣдовательно-подходившихъ Ренье и Шварценберга, тѣмъ болѣе, что различіе въ національномъ составѣ и въ политическихъ интересахъ обоихъ этихъ корпусовъ не способствовало достиженію надлежащей стройности ихъ совмѣстныхъ дѣйствій.

Правда, Тормасовъ, все-таки, достигъ немаловажнаго успѣха; онъ отбилъ направленный противъ него ударъ превосходныхъ силъ, прикрылъ богатыя южныя области, не давъ французамъ воспользоваться ихъ средствами, и надолго приковалъ къ мѣсту довольно солидныя непріятельскія силы. Хотя Наполеонъ и представлялъ Городечненскій бой побѣдою своего оружія и даже, въ угоду своему тестю австрійскому Императору, произвелъ за него князя Шварценберга въ фельдмаршалы, однако онъ, надо думать, былъ бы гораздо болѣе удовлетворенъ, если бы соединенныя силы австро-саксонцевъ пробили бы себѣ рѣшительною побѣдой путь на югъ, въ Волынскую губернію.

Дѣйствительно, удайся это Наполеону,—онъ, съ весьма большою на то вѣроятностью, утвердился бы на юго-западѣ Россіи и, ко времени своего отступленія изъ Москвы, имѣлъ бы, надо полагать, на Волыни и въ Малороссіи подготовленную и надежно обезпеченную свѣжую базу, изобилующую всѣмъ необходимымъ для войскъ, откуда прибывшей въ началѣ сентября съ Дуная слабой арміи Чичагова было бы не такъ легко его выбить....

Заключительные выводы о первомъ періодѣ кампаніи.

ь соединеніемъ обѣихъ нашихъ главныхъ армій подѣ Смоленскомъ и совпавшей съ этимъ приостановкой наступленія главныхъ силъ Наполеона закончился первый періодъ войны 1812 года.

Съ внѣшней стороны успѣхи, достигнутые французами къ этому времени были весьма значительны. Въ теченіе только *пяти недѣль* времени въ руки Наполеона перешла территория, отъ границъ Имперіи и до Днѣпра, площадь которой превосходила всю тогдашнюю Германію. Множество магазиновъ и складочныхъ пунктовъ, намъ либо пришлось уничтожить, либо они достались въ руки непріятеля.

Но потери въ нашихъ арміяхъ, несмотря на непрерывное отступленіе, были незначительны: общая убыль, не превышала 25 тысячъ человекъ; изъ нихъ 12—15 тыс. убитыми и ранеными. По достиженіи Смоленска, въ войскахъ Баркляя-де-Толли и Багратіона въ общей сложности насчитывалось 120 тысячъ человекъ; кромѣ того, на Западной Двинѣ, у князя Витгенштейна, было до 25 тысячъ и на Воляни у Торماسова до 30 тысячъ; всего, значить, для дѣйствій въ полѣ мы располагали *175 тысячами*, не считая гарнизоновъ Риги и Бобруйска, да резервнаго корпуса Эртеля. Такое, сравнительно, малое уменьшеніе общей боевой силы арміи (съ первоначальной цифры въ 210 тыс. чело-

вѣкъ), объясняется, конечно, тѣмъ, что мы отступали на свои магазины и подкрѣпленія, дѣйствуя у себя дома и, слѣдовательно, не нуждаясь ни въ чемъ.

Наоборотъ, въ войскахъ Наполеона, потери *только больными и отсталыми* были огромны и, за истекшія пять недѣль, достигли *трети* всего количества силъ, перешедшихъ границу Россіи. Изъ этихъ 450 тысячъ пришлось, помимо того въ общей сложности, до 150 тысячъ оставить для обезпеченія тыла и фланговъ „великой арміи“; часть изъ нихъ направлена была противъ Риги и войскъ графа Витгенштейна; часть—на Волынь противъ Торماسова. Оставалось, такимъ образомъ 300 тыс. человекъ; но къ концу іюля, въ окрестностяхъ Смоленска, изъ нихъ находилось на лицо уже менѣе 200 тыс. человекъ.

Изъ этихъ огромныхъ потерь на долю убили въ бояхъ приходилось не болѣе 6—7 тыс. человекъ; остальное выбыло изъ строя по причинѣ болѣзней, дезертирства и т. п...

Такимъ образомъ, въ такой небольшой промежутокъ времени, какъ пять недѣль, немного больше мѣсяца, почти *половина* французской арміи выбыла изъ строя.

Если взять отдѣльные ея корпуса, то, по даннымъ Тьера, оказывается, что гвардія, напримѣръ, не участвовавшая ни въ одномъ сраженіи и пользовавшаяся всегда особымъ вниманіемъ и заботами своего вождя-Императора, особенно по части продовольствія, потеряла все-таки до *четверти* своего состава (изъ 37 тыс. стало 27—28 тыс.). Корпусъ Даву, которому, при стараніи перерѣзать путь Багратіону, пришлось совершать много усиленныхъ маршей, потерялъ болѣе четверти, и то, несомнѣнно, такая сравнительно малая убыль объясняется желѣзною строгостью этого суроваго маршала (съ 72 т. до 52 т.). Зато войска вице-короля Евгенія и С. Сира потеряли, въ общей сложности, почти *половину* (изъ 80 т. стало 45 т.). Особенно сильно пострадала конница. Въ кавалеріи Мюрата изъ первоначальныхъ 22 тыс. коней стало не болѣе 13 тыс., а у Латуръ-Мобура изъ 10 тыс. осталось только около 6 тыс.

При оцѣнкѣ цифръ этихъ потерь необходимо принять во вниманіе, что ихъ во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ считать скорѣе уменьшенными, но никакъ не преувеличенными.

Таково было таяніе „великой арміи“ уже съ первыхъ шаговъ кампаніи.... Болѣе чѣмъ *тройное* превосходство силъ Наполеона при открытіи военныхъ дѣйствій менѣе, чѣмъ въ полтора мѣсяца обратилось уже только въ *полоторное*....

Но, мало этого, несмотря на кажущіеся успѣхи французовъ, перевѣсъ *моральный*, перевѣсъ нравственной силы былъ, несомнѣнно, на нашей сторонѣ. А въ военномъ дѣлѣ, по афоризму того же Наполеона, $\frac{3}{4}$ зависятъ отъ элементовъ моральнаго порядка, на долю же матеріальныхъ остается лишь только $\frac{1}{4}$

Несмотря на непрерывное отступленіе, духъ нашихъ войскъ, поддерживаемый частными успѣхами и сознаниемъ серьезности борьбы за исконныя области родной земли, стоялъ на небывалой высотѣ. Неувѣренность и колебанія царили только въ штабныхъ сферахъ, особенно въ рядахъ многочисленныхъ и разноязычныхъ совѣтчиковъ главной квартиры, тамъ, гдѣ старались изучать военное искусство Наполеона и находились какъ бы подъ своего рода гипнозомъ его огромнаго военнаго генія. Въ толщѣ же арміи царило иное настроеніе. Тамъ считали, что до сихъ поръ приходилось отступать только въ силу неизбѣжной необходимости исправить первоначальную ошибку, плодъ нѣмецкихъ измышлений, и чтобы избѣжать отдѣльнаго пораженія. Съ момента соединенія нашихъ силъ дальнѣйшее отступленіе казалось всѣмъ нецѣлесообразнымъ и даже недостойнымъ, едва ли не позорнымъ.... Успѣхи Витгенштейна, засада Платова у Мира, дѣло при Салтановкѣ— все это рисовалось въ нашихъ глазахъ побѣдами въ полномъ смыслѣ этого слова, и поэтому, при самоотверженіи и бодромъ настроеніи войскъ, помѣряться силами съ самимъ Наполеономъ въ рѣшительномъ бою въ арміи не только не опасались, но даже рвались къ тому,... Была еще свѣжа память о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи 1807 года, послѣ котораго Наполеонъ сталъ говорить, что „русскаго солдата убить мало—его надо еще повалить“.... Духъ непобѣдимаго Суворова еще жилъ въ рядахъ нашихъ доблестныхъ войскъ того времени; многіе его ученики и послѣдователи были въ живыхъ, и прежде всего взоры всѣхъ обращались къ его любимцу Багратиону, котораго боготворили и солдаты и офицеры; впослѣдствіи же, когда главнокомандующимъ назначенъ былъ Кутузовъ, всеобщій восторгъ, охватившій при этомъ армію, во многомъ зависѣлъ отъ того, что

всѣ въ немъ видѣли едва ли не старѣйшаго изъ ущѣлѣвшихъ сподвижниковъ великаго неподражаемаго Старца....

При такомъ настроеніи арміи, главнокомандующему приходилось поддаваться ему, тѣмъ болѣе, что и отъ Государя послѣдовало изъявленіе надежды на переходъ арміи въ наступленіе...

Принятію такого рѣшенія благопріятствовало и то, что противникъ пріостановился по всѣмъ направленіямъ, сдѣлавъ передышку, въ самое благопріятное для военныхъ дѣйствій время года. Ясно, что такая пріостановка наступленія, совершенно противорѣчившая обычнымъ приемамъ веденія войны Наполеономъ, могла обусловливаться только весьма уважительными причинами.

Идѣйствительно, какъ мы видѣли, еще въ Вильнѣ громоздкій и грузный тылъ „великой арміи“ давалъ себя чувствовать; когда же, черезъ пять недѣль кампаніи, пришлось дать ей роздыхъ подъ Витебскомъ, занявъ квартирное расположеніе въ самое лучшее время года, то грозные признаки разложенія, какъ послѣдствія неустройства тыла, стали выступать еще ярче....

Какъ ни старался Наполеонъ приготовить эту кампанію какъ можно тщательнѣе, сколько ни потратилъ онъ усилій, даже его гений не былъ въ силахъ преодолѣть тѣхъ условій, въ которыхъ приходилось вести эту своеобразную для него борьбу...

Зная, по опыту 1805 и 1807 годовъ, что придется имѣть дѣло съ грознымъ противникомъ, тѣмъ болѣе страшнымъ, когда будетъ отстаивать родную землю, Наполеонъ пожелалъ собрать дотолѣ небывалыя по численности силы.... Но самая эта огромность арміи оказалась одною изъ первыхъ причинъ неудачнаго исхода перваго періода кампаніи. А этотъ исходъ, несомнѣнно, отразился и на всемъ послѣдующемъ.

Несмотря на всю стремительность своего наступленія, на блескъ своихъ замысловъ, ничуть не уступающій по геніальности прежнему, Наполеонъ не могъ не чувствовать, что врагъ не поддается, что искусство геніальнаго вождя расходуется впустую, что, по выраженію Л. Н. Толстого, „взмахъ руки падаетъ волшебнo-безсильно“...

Именно въ этотъ первый періодъ кампаніи, когда, въ силу основной стратегической ошибки, наши войска, казалось, были для всемірнаго генія войны особенно легкою жертвою,—исходъ

его, столь бѣдный послѣдствіями, являлся уже самъ по себѣ грознымъ предостереженіемъ.

Наполеону не только не удалось разбить по частямъ наши арміи, какъ бы умышленно, по рецепту Фуля, подставившія себя подъ такой ударъ, но даже онъ, несмотря на всю быстроту своего наступленія, не смогъ помѣшать ихъ соединенію.

Слишкомъ большія массы войскъ замедляли движеніе, особенно при труднопроходимости дорогъ, испорченныхъ іюньскими дождями. Шедшая впереди арміи конница уничтожала весь подножный кормъ, еще оставшійся неистребленнымъ отступавшими русскими войсками. Естественно поэтому, что для конскаго состава продовольственныхъ транспортовъ уже ничего не оставалось, и поэтому транспорты страшно застрѣвали, теряя во множествѣ лошадей отъ безкормицы. Пospѣвать за войсками, движеніе которыхъ, для такихъ большихъ массъ, могло безусловно считаться форсированнымъ,—ибо средняя скорость наступленія была 17—18 верстъ въ сутки—они ни въ какомъ случаѣ не могли. Приходилось поэтому прибѣгать къ фуражировкамъ, проще говоря—къ узаконенному ограбленію страны, а это, естественно, повело за собою разстройство арміи, упадокъ дисциплины. Въ то же время, усиленные марши, то при палящемъ зноѣ, то при холодныхъ дождяхъ, вызвали развитіе болѣзненности. Въ результатѣ—непомѣрная убыль, доходившая до 150 тысячъ на всю армію....

Остановка Наполеона подъ Витебскомъ вызвана была такимъ образомъ, далеко не однимъ стремленіемъ дать утомленной арміи роздыхъ.... Главное, нужно было привести хоть въ какой-нибудь порядокъ расшатанный до нельзя тылъ арміи.... Обнаруженная въ настоящее время официальная переписка Наполеона съ своими сподвижниками и маршаловъ между собою, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя возникали при этомъ, и о грандіозномъ размѣрѣ обнаруженныхъ не порядковъ и даже безчинствъ.

Приостанавливая центръ, Наполеонъ приказалъ въ то же время фланговымъ корпусамъ перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Этимъ достигалось лучшее обезпеченіе фланговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ можно было рассчитывать на расширеніе земельной площади въ тылу вторгнувшихся войскъ, т. е. на увеличеніе количества тѣхъ мѣстныхъ средствъ, которыми они могли воспользоваться для

удовлетворенія своихъ потребностей... Но, какъ мы видѣли, дѣйствія фланговыхъ корпусовъ „великой арміи“, ни на Воляни, ни въ районѣ Западной Двины, не достигли поставленныхъ цѣлей.....

Рига продолжала сопротивляться и, такъ какъ Макдональдъ не предпринялъ ничего рѣшительнаго, то линіей Западной Двины французы не овладѣли и воспользоваться этою рѣкой, какъ *путемъ подвоза*, Наполеону не удалось. Обстоятельство немаловажное, ибо если бы Наполеонъ имѣлъ въ рукахъ этотъ козырь, ему не пришлось бы испытать всѣхъ тѣхъ ужасающихъ бѣдствій при будущемъ отступленіи отъ Москвы, которыя его въ дѣйствительности ожидали. Витебскъ могъ быть превращенъ за послѣдующіе мѣсяцы въ обширный складъ всего необходимаго, особенно, если бы, вдобавокъ къ пріобрѣтенію водной линіи Двины, французы одержали верхъ и надъ нашими войсками, прикрывающими операционное направленіе на Петербургъ, т. е. надъ корпусомъ графа Витгенштейна. Но и тутъ не только цѣли не было достигнуто, но, какъ извѣстно, графъ Витгенштейнъ одержалъ рядъ частныхъ успѣховъ, и оттянувъ на себя не малую часть силъ, продолжалъ висѣть постоянною угрозой надъ сообщеніями главной массы французской арміи, которыя, все болѣе и болѣе удлиняясь по мѣрѣ все большаго и большаго прониканія Наполеона вглубь Россіи, становились все опаснѣе и опаснѣе.

Къ тому же силы Витгенштейна, съ теченіемъ времени, могли получить и нѣкоторое приращеніе. Въ Петербургѣ и Новгородѣ готовились ему подкрѣпленія. Кромѣ того, благодаря особому соглашенію со Швеціей,—о чемъ будетъ въ своемъ мѣстѣ упомянуто,—получилась возможность освободить отъ войскъ Финляндію и двинуть оттуда 15 тыс. корпусъ Штейнгеля, который вполсѣдствіи, высадившись въ Ревелѣ, и оказалъ Витгенштейну содѣйствіе.

Точно также не достигли цѣли и дѣйствія корпусовъ Шварценберга и Ренье на Воляни. Хотя непосредственная опасность, грозившая сообщеніямъ Наполеона въ случаѣ успѣшнаго вторженія нашей 3-ей арміи въ предѣлы Варшавскаго герцогства и была предотвращена, но Тормасовъ не только не былъ разбитъ, но даже и обезсиленъ.... Онъ, какъ и Витгенштейнъ съ сѣвера, продолжалъ висѣть Дамокловымъ мечемъ надъ тонкой ниткой, связывающей армію Наполеона съ тыломъ, грозя въ критическую ми-

нугу упасть и перерѣзать её, тѣмъ болѣе съ подходомъ къ нему двигавшейся изъ Молдавіи Дунайской арміи....

Есть указанія, что Наполеонъ, сознавая непрочность своего положенія, которая не могла ускользнуть отъ проницательности его генія, послѣ боевъ подъ Смоленскомъ,—о которыхъ предстоитъ намъ изложить во 2 книгѣ,—намѣренъ былъ приостановить дальнѣйшее наступленіе и, зазимовавъ въ окрестностяхъ Смоленска, отложить продолженіе военныхъ дѣйствій до слѣдующей весны... Но, надо думать, что надежда быстро рѣшить войну однимъ сокрушительнымъ ударомъ, какъ всегда до сихъ поръ бывало, подтолкнула его, всегда методически-расчетливаго, на рискъ, который на этотъ разъ ему не удался.

Проницательность величайшаго изъ геніевъ войны не предвидѣла того единодушія, той силы патриотизма, того непомернаго упорства въ борьбѣ не на животъ, а на смерть, которую прозялъ русскій народъ, отъ Государя до послѣдняго рядового и пахаря, въ годину тяжелаго испытанія....

Если глубже вдуматься, то, въ сущности говоря, благополучное соединеніе нашихъ армій подъ Смоленскомъ, причемъ Наполеону и его сподвижникамъ нигдѣ ни удалось одержать крупной побѣды, само по себѣ являлось уже для насъ крупнымъ стратегическимъ выигрышемъ.

Мы выскользнули изъ ловушки, поставленной намъ измышленіемъ Фуля, да притомъ еще выскользнули такъ, что сохранили въ неприкосновенности почти всѣ силы, да еще могли притянуть успѣвшія изготавиться подкрѣпленія....

Если планъ Фуля слѣдуетъ безспорно отнести, какъ выражается про него нашъ военный ученый и мыслитель Г. А. Лееръ, къ области стратегическихъ „бредней“, то тѣмъ болѣе чести нашимъ генераламъ, отъ главнокомандующихъ до отдѣльныхъ самостоятельныхъ частныхъ начальниковъ, которые, разгадавъ правильно дѣйствительную обстановку съ самаго начала, употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать отдѣльнаго пораженія и вывести войска въ неприкосновенности къ пункту возможнаго сосредоточенія всѣхъ силъ. Частныя упущенія и даже ошибки, не разъ

совершаемая отдѣльными начальствующими лицами въ этотъ періодъ кампаніи, сглаживались и искупались образомъ дѣйствій другихъ лицъ, которыя, порою даже инстинктивно, угадывали правильное рѣшеніе, въ духѣ той общей цѣли, которая требовала *уклоненія* отъ рѣшительнаго боя и, въ то же время, крайнихъ жертвъ для обезпеченія общаго сосредоточенія. Въ высокой степени поучительными являются дѣйствія Багратіона, который съ замѣчательною послѣдовательностью и всецѣло на свой рискъ и страхъ принимаетъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ рѣшеній, большинство которыхъ являются согласованными съ обстановкою и съ основнымъ стремленіемъ благополучно вывести армию изъ тяжелаго положенія и привести на соединеніе къ другой. Воля противника, огромное превосходство его силъ и прославленное искусство его дѣйствій создавали такія условія, при которыхъ достиженіе этой цѣли сопряжено было съ непомерными трудностями. Неизбѣжно поэтому приходилось вождѣнный пунктъ этого соединенія отнести далеко вглубь страны и, очевидно, пожертвовать значительнымъ пространствомъ, безъ всякихъ почти жертвъ отданнымъ врагу, мнившему себя уже побѣдителемъ....

Но, быть можетъ, именно это обстоятельство, вопреки нашей собственной волѣ заставившее насъ почти безъ боя отдать огромную площадь территоріи, и послужило одною изъ причинъ конечной гибели противника. Мы упоминали въ началѣ книги о томъ, что основная идея *втягиванія Наполеона вглубь страны* занимала еще до войны многіе выдающіеся умы; но на практикѣ, кромѣ развѣ одного Баркляя-де-Толли, никто въ сущности, и не думалъ объ ея осуществленіи....

Современники были глубоко-несправедливы къ Баркляю-де-Толли, а въ арміи, особенно послѣ соединенія подъ Смоленскомъ, прямо не могли простить ему его нерѣшительности и уклоненій отъ наступательныхъ дѣйствій.

Г. А. Лееръ въ своемъ „Обзорѣ войнъ отъ Петра Великаго до нашихъ дней“, гдѣ разборъ войны 1812 года принадлежитъ лично его перу, справедливо указываетъ, что, начиная отъ Дриссы и до Бородино, мы все отступали, т. е. дѣлали именно то, что слѣдовало, но вовсе не во имя цѣлесообразной по данной обстановкѣ идеи *постепеннаго убиранія центра вглубь съ сохраненіемъ*

давленія на фланги, а какъ-бы оцупью, подходя къ этой идеѣ незамѣтно для себя, путемъ постановки ряда частныхъ цѣлей.

Такъ сперва (отъ Дриссы къ Витебску) надо было прикрыть Московскую дорогу; потомъ—добиться соединенія армій; наконецъ—уже послѣ Смоленска—искать удобную для боя всѣми силами позицію.

Постепеннымъ исправленіемъ своихъ первоначальныхъ прегрѣшеній (говорить Г. А. Лееръ) мы „незамѣтно для самихъ себя, „втягивались въ русло той общей идеи, которая является главной „основой всѣхъ нашихъ дѣйствій лишь съ занятіемъ непріателемъ „Москвы“.

Справедливость, несомнѣнно, требуетъ отмѣтить пониманіе Барклаемъ обстановки въ ея цѣломъ, чего не понимали въ особенности тѣ, которые рвали въ рѣшительный бой съ французами, рассчитывая на одну русскую доблесть. Барклай одинъ понималъ весь огромный рискъ и, главное, всю *несвоевременность* такого рѣшенія. Лучшимъ подтвержденіемъ правильности его воззрѣній служить то, что впоследствии его замѣститель Кутузовъ, назначеніе котораго встрѣчено было и арміей, и всей Россіей съ такимъ восторгомъ, при возбужденіи всеобщей ненависти къ „нѣмцу“ Барклаю, сталъ по существу придерживаться тѣхъ же идей....

Недаромъ впоследствии великій прозорливецъ Пушкинъ счелъ нужнымъ посвятить Барклаю-де-Толли особое стихотвореніе; не даромъ и благодарная Россія воздвигла обоимъ—и Кутузову, и Барклаю—*одинаковыя* памятники передъ Казанскимъ Соборомъ въ Петербургѣ....

Такимъ образомъ, по ближайшей оцѣнкѣ, первый періодъ кампаніи 1812 года слѣдуетъ считать для насъ скорѣе успѣшнымъ уже хотя бы по одному тому, что намъ благополучно удалось исправить роковую ошибку первоначальнаго стратегическаго развертыванія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенное грозное нарастаніе русской силы только начиналось. По призыву Царя, на алтарь Отечества стекались жертвы отовсюду; пробудившійся народный патріотизмъ одушевлялъ равномерно всѣ сословія и его *скрытая теплота* (по выраженію Л. Н. Толстого,) постепенно проявляясь, послѣдовательно все больше и больше нагрѣвала различные слои населенія...

Начиная съ Смоленской губерніи, дворяне которой первые подали примѣръ, а затѣмъ по прибытіи Государя въ Москву, патриотизмъ, первоначально проявившійся только въ высшихъ сословіяхъ государства, начинается, по мѣрѣ приближенія къ центру страны грознаго нашествія, проникать все глубже и глубже въ толщу народныхъ массъ.

Такое *повышеніе температуры* народнаго чувства начинается наростать болѣе замѣтно уже со втораго періода кампаніи, когда врагъ вступилъ въ исконныя русскія области.

Впослѣдствіи, уже ко времени занятія Москвы, этотъ наплывъ разрѣшается взрывомъ *народной войны*, въ которой нашло себѣ исходъ накипѣвшее негодованіе русскихъ людей.

Негодованіе это обострилось особенно сильно, когда до слуха народнаго стали доходить вѣсти о святотатственныхъ поступкахъ непріятелей, совершенно не щадившихъ религіознаго чувства православныхъ людей и не останавливающихся передъ самымъ возмутительнымъ кощунствомъ. Наиболѣе рѣзкіе и грубые поступки этого рода, которыхъ не чуждъ оказался даже и самъ Наполеонъ, проявились конечно впослѣдствіи, во время пребыванія французовъ въ Москвѣ; но мы уже видѣли изъ донесенія, напримѣръ, Платова послѣ дѣла у Молеваго болота, насколько такіе факты, сдѣлавшись извѣстными въ войскахъ, ожесточили ихъ противъ врага; ожесточеніе это, конечно, передавалось и населенію, которое начинало уже глухо волноваться.

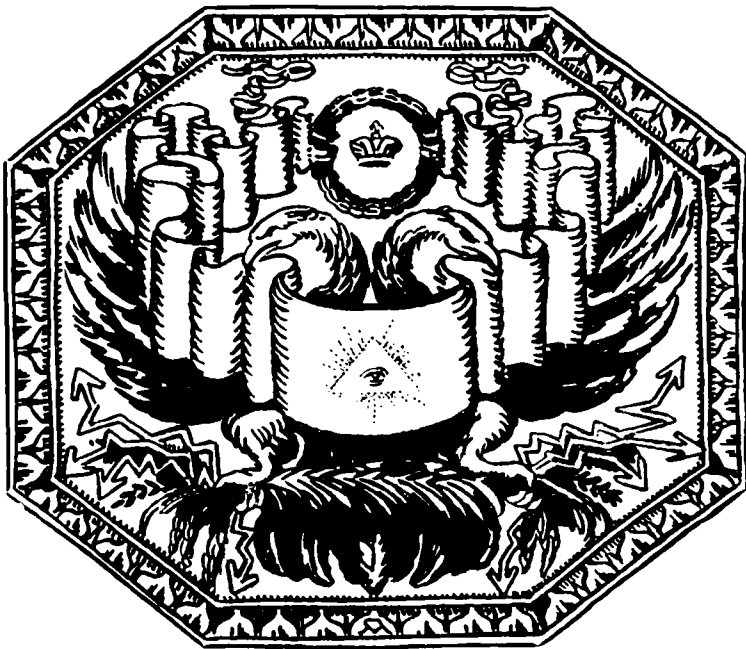
Кромѣ того, особенно въ тылу и на флангахъ „великой арміи“ не прекращались самыя возмутительныя грабежи и разбои, которые сами по себѣ возбуждали въ населеніи жестокою ненависть къ врагу. Всѣ широкощательныя воззванія Наполеона и его маршаловъ къ населенію, ихъ распоряженія о мирной расплатѣ за все взимаемое отъ жителей,—производившейся къ тому же фальшивыми ассигнаціями,—все это было только на бумагѣ.

На дѣлѣ же царилъ самый беззастѣнчивый грабёжъ, которому предавались всѣ, до самыхъ высшихъ чиновъ включительно.

При такомъ отношеніи побѣдителей къ мирному населенію завоевываемой страны нѣтъ ничего удивительнаго, что это населеніе постепенно превратилось въ *опасное взрывчатое вещество*, такъ что достаточно было малѣйшей искры для производства общей вспышки.

Этою искрой явилась идея *партизанской войны* на сообщениях Наполеона, которая, вмѣстѣ съ народной войной, составляетъ нашу величайшую историческую славу, ибо нигдѣ ни одинъ народъ, ни одно государство въ такихъ широкихъ размѣрахъ и въ такихъ предѣлахъ не напрягали своихъ силъ для поголовнаго истребленія врага.

КАРТА

ТЕАТРА ВОЙНЫ

отъ НѢМАНА до СМОЛЕНСКА

